

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**ИЮНЬ
2002**

**СИВАН
5762**

№ 6 (122)

МЫ – ОДНО ЦЕЛОЕ

Каждый еврей, где бы он ни жил, всегда чувствует свою особую связь с землей Израиля, и ситуация, которая сегодня сложилась в еврейском государстве, вызывает особое беспокойство: там наши братья, жизнь которых постоянно в опасности. В этих условиях снисходительное отношение к арабским террористам простых граждан, ряда государственных деятелей различных стран, например, Европы, вызывает глубокое беспокойство.

Нет никакого сомнения в том, что разрешение конфликта в Израиле отразится на евреях всего мира. Все, что происходит с еврейской общиной одной страны, рано или поздно влияет на ситуацию в другой. Все помнят волну самоидентификации, которая прокатилась в 1967 году после победы в Шестидневной войне, как и происходившее до и после. Резонанс израильских событий особенно значителен в России из-за исторической связи евреев России и Израиля, из-за близости и сходства менталитета этих двух стран. К тому же в Израиле проживает более миллиона русскоязычных евреев.

Сегодня каждый из нас задает себе два главных вопроса. Первый: правильна ли с точки зрения Торы сегодня политика Израиля? И второй: что мы можем сделать, чтобы помочь положению в стране? Тора однозначно говорит, что землю, которая когда-то называлась Кнаан, на все времена Б-г завещал евреям, и часть законов Торы можно выполнить, только находясь на этой земле.

Пятикнижие Моисея составляет первую половину Библии христиан, истинность записанного в нем признана и мусульманами, даже атеистами. Все признают – евреи избранный народ, и Израиль – это земля, обетованная еврейскому народу. Евреи жили на этой земле с глубокой древности, там был их Храм, и каждый день за последние 3300 лет во время молитвы наш народ, куда бы ни заносила его судьба, обращает свои взоры в сторону Иерусалима. Это место было свято для нашего народа еще до того, как оно стало святым для других.

Как-то А. Шарон рассказывал о встрече с папой римским. Когда зашел разговор о положении в Израиле, папа сказал, что есть большая разница между словосочетанием Святая земля и Обетованная земля: Святая – для всех, Обетованная – только для евреев.

Евреи не против того, чтобы в Израиле мирно жили другие народы и приносили пользу стране. Но, к сожалению, палестинцы хотят уничтожить Израиль. Очень важно знать, как относится к этому вопросу еврейский закон. В Шулхан Орух (свод еврейских законов) написано: если вдруг в святой день Субботы, когда запрещено работать, придут соседи Израиля, и возникнет подозрение, что они явились не с добрыми намерениями, евреям не только разрешено – они обязаны взять оружие и защитить свою землю. Безопасность народа Израиля и его земли для Б-га важнее Субботы.

Есть самая известная история о царе Соломоне. Две женщины родили детей, и у одной из них в первую же ночь ребенок умер. Недолго думая, она взяла дитя соседки, которая мирно спала. Когда та проснулась – ужас! – рядом чужое мертвое дитя! Женщина стала требовать отдать ей ее собственное. Но укравшая ребенка отрицала подмену. Наконец, они пришли к царю Соломону. Он выслушал их и приказал страже: «Убейте ребенка и разделите его пополам!» Истинная мать бросилась ему в ноги: «Не убивайте дитя, пусть оно будет у другой матери!» А другая сказала: «Пусть убьют!» И всем стало

ясно, чей на самом деле ребенок. Так и палестинцы относятся к еврейскому государству. Но евреи слишком много и долго терпели из-за своей земли, за свое «дитя». Что касается истории палестинцев на этой земле, то они сами признают: она исчисляется только в нескольких сотнях, а не в тысячах лет.

Долго, очень долго израильтяне уступают, мирятся, пытаются вести переговоры. И никогда Израиль в конфликте с палестинцами не был активной стороной. Зато они, к сожалению, атакуют нас не в первый раз и делают это снова и снова. И теперь у израильтян один единственный путь – защищать себя с оружием в руках. В такое время невозможно надеяться на мир. Отвечать приходится на языке, понятном агрессору, и всякое промедление в этой ситуации приведет к еще большим потерям среди мирного населения. Сейчас даже крайне левые в Израиле понимают: другого пути нет, за последние годы сделано очень много ошибок, нынешний путь – единственный.

И вот в это время, когда палестинцы на каждом шагу даже ценой собственной жизни стараются убить как можно больше евреев, наших матерей, жен и детей, мировая общественность возмущается: как это Израиль стал атакующей стороной, вторгся на чужие территории, и при этом погибли женщины и дети!.. А поведение палестинцев в этой ситуации напоминает историю о том, как два мальчика, убив родителей, вышли на улицу просить милостыню: «Помогите детям-сиротам!» Прежде чем взрывать дома, Израиль дал возможность всем оттуда уйти, и старание не причинить вреда мирному населению обернулось большими потерями... Но палестинцы не ценят мир.

Последние события в стране выявили в мире огромный антиизраильский блок. Но эта же ситуация показала, как много у Израиля друзей: среди них Россия и Америка, и позиция президентов этих стран – позиция зрелых, дальновидных политических лидеров. Всю помощь, которую оказывают Израилю, мы высоко ценим и искренне за нее благодарны, но решать, как поступать, Израиль должен и будет сам.

Теперь о диаспоре, в частности российской. Что каждый еврей может сделать для Израиля? Без всякого сомнения, Б-г слышит наши молитвы, особенно когда мы молимся за единство нашего народа. Где бы евреи ни жили, невидимыми нитями они связаны друг с другом, поэтому наши действия здесь помогают положению там. И если здесь и во всем мире еврейские мужчины, надев тфилин, две-три минуты в день посвятят молитве об Израиле, если еврейские женщины, зажигая субботние свечи, помолятся о нем, это окажет Израилю реальную, существенную поддержку. В этой ситуации главное – действовать, а не только декларировать свою солидарность.

Ребе не раз говорил: в самые тяжелые годы для евреев России их братья за рубежом молились за них. Известно, что во время сейдера каждая семья американских евреев оставляла за столом свободное место для еврея из России, который не может соблюдать Пейсах, у которого нет даже мацы. Ребе просил людей: говорите «лехаим», высказывайте в адрес своих братьев пожелания. Результат всего этого нам хорошо виден сегодня. Благодаря молитвам и действиям евреев всего мира в России произошло чудо. Кроме того, когда евреи России, несмотря на железный занавес, узнавали, что за них молятся в других странах, это поднимало их дух, помогало переносить самые большие трудности.

Недавно я был в Израиле, встречался с руководством страны. Хочу отметить: там с интересом наблюдают, как российские евреи реагируют на израильскую ситуацию, меня подробно расспрашивали о митинге, прошедшем в Москве. Для израильтян это очень важно. И сегодня наши молитвы, наша солидарность, каждое доброе дело с

мыслями о наших братьях, оказавшихся в беде, даже просто самое маленькое позитивное действие дома, в синагоге, на улице – все это помогает в решении проблем Израиля, морально укрепляет солдат Армии Обороны.

Чем выше мы поднимем свою мораль, тем больше вероятность скорого изменения ситуации в лучшую сторону. И в Израиле будет, наконец, мир, и приблизится время прихода Мошиаха.

Мы все – одно целое. «Кол Исроэл аревин зе лазе» – «Все евреи ответственны друг за друга».

Áëàáí úé ðààêéí Ðíñèè Áàðè Èàçàð

Ааооёіёіаё

Трудолюбие и Тора

Аіёё і і аіоаі іаёаі еуі І іёі аоіао а аі і ііооі аоу.
(*Ааёёі, 26:3*)

Раши, ссылаясь на Торас Коаним, объясняет, что эти слова и следующие за ними «и заповеди Мои соблюдать, и исполнять их» означают: «вы будете трудолюбиво изучать Тору».

Откуда мы понимаем, что под словом «бехукойсай» («По установлениям Моим») подразумевается не только изучение Торы, но и трудолюбие при изучении Торы?

Помимо общего понятия «мицвойс», применимого в равной степени ко всем заповедям, есть три других, включающих в себя определенные категории заповедей. Эйдос – «свидетельства» относятся к таким заповедям, как Суббота и тфилин; это подтверждение (свидетельство) таких событий, как сотворение мира и Исход. Мишпотим – рациональные заповеди, дойти до необходимости соблюдения которых человек способен своим умом. Третья категория – хуким, установления, в нее входят заповеди, непостижимые с точки зрения человеческой логики – только с Б-жественной.

Слово «хуким» сходно со словом «хакика», что означает «высечение». Какова связь между сверхрациональными заповедями и высечением? Высечение требует больше усилий, нежели просто написание. Сверхрациональные заповеди, которые не только не подлежат пониманию, но иногда и противоречат человеческой логике, выполнить гораздо сложнее, чем остальные. И соблюдение их столь же трудно, сколь высечение по сравнению с обычным написанием. Таким образом, когда слово «бехукойсай» – близкое по значению к «хакика» – используется применительно к изучению Торы, оно означает «трудолюбие при изучении Торы».

Кроме того, поскольку термин, отражающий трудолюбивое изучение Торы – хука – используется и для сверхрациональных заповедей, нам надлежит понять и то, что трудолюбие при изучении Торы подразумевает выход за пределы рационального мышления.

Понять это не так просто. В Зогаре сказано: «... По установлениям Моим будете вы поступать» относится к трудолюбию в изучении устной Торы, когда человек должен использовать свой интеллект. Изучая устную Тору, он не может оправдываться отсутствием небесного благословения, если не в состоянии понять, что именно он изучает. Но тогда как же этот аспект изучения Торы соотносится со сверхрациональным?

По сути дела, трудолюбие при изучении Торы, равно как и результаты этого трудолюбия, должны находиться за пределами рационального понимания изучающего: «трудолюбие при изучении Торы» обязательно должно превышать степень, которую изучающий Тору считает необходимой. Если человек только стремится достичь определенной степени, подсказанной его интеллектом, это не трудолюбие. Ибо интеллект диктует человеку необходимость трудиться лишь для того, чтобы удовлетворить интеллектуальное любопытство. Истинное же трудолюбие при изучении Торы заставляет

человека понять: даже то, что доступно его интеллекту, фактически находится за пределами его понимания. Ведь Б-г и Тора едины. И как интеллект сотворенного существа не в состоянии постичь своего Создателя, так он не способен постичь и Его мудрость. Как сказано по поводу познания Б-га: «Высшая мудрость такова, что мы Тебя не знаем». А поскольку это относится к Б-гу, это же относится и к Его Торе, ибо Тора неразрывно связана с Ним.

И если человек говорит, что он полностью понимает Тору, это со всей очевидностью означает, что он изучал ее без должного трудолюбия. Если бы дело обстояло иначе, он понял бы, что Тора выходит далеко за пределы его ограниченного интеллекта.

Правильный подход к Торе – это «бехукойсай», трудолюбие.

Аи еäääð

Значение чисел

*«Í ðí èçáíè ò á èí: èíèáí è á áííí íáúáíò àí ñí íá
Èçðàèëü...»*

Аи еäääð, 1:2

*Í ííèíèèó íí è (èçðàèëüò ýí á) áíðíè Áí á, Íí ñ-èòááò èò
ííòíýííí. Èíääà íí è áíèèè èç Áæíòà - Íí èò
ñí-èòàè, èíääà í ðíèçíèè í ðááðáóáí è á ñçíèòóí
òáèüíí - Íí èò ñí-èòàè., èíääà Íí íáàðèè èò Ñáíèí Á-æáíòáíííí í ðèíòòíòáèí*

Íí èò ñí-èòàè.

Ðàèè

Для кого-то из нас смысл жизни – семья, для кого-то – работа, для кого-то – религия. Результаты могут различаться, но остается неизменным то, что человек хочет найти цель и смысл жизни. Общее для всего человечества – это необходимость почувствовать, что наше существование служит какой-то цели, и мы – не результат случайного появления на свет, а необходимые составные для осуществления миссии космического масштаба. Пожалуй, это чувство – наиболее важный компонент здоровой психики, именно оно заставляет нас ставить перед собой цели и стремиться их достичь.

В становлении человека важнейшую роль играют его родители – они должны наполнить детские души представлением о том, что есть подлинные ценности. Все больше детей вырастает, не имея об этом ни малейшего понятия, и в том трагедия современного общества. Они испытывают чувство несостоятельности и пребывают в смятении, потому что у них отсутствует истинная система ценностей.

Тора в своей вневременной мудрости признает эту важнейшую потребность и обращается с ней так, что и умиротворяет человека, и придает ему сил... Пусть иногда для этого требуется простой подсчет.

Числа

В Пятикнижии Б-г велит Моше сосчитать еврейский народ по четырем разным поводам. Эти акции чрезвычайно важны, и вся четвертая книга Торы называется Книгой Чисел. В чем же смысл этих подсчетов?

Разумеется, речь идет не о простой переписи населения, ибо Б-г со своими всеохватывающими знаниями знал, сколько нас было. Отсюда вывод: за данной заповедью крылся другой, более глубокий смысл.

Тора, как и все сущее, состоит из «тела» и «души». «Тело» Торы включает в себя само повествование и то, что имеет отношение к наиболее мирским аспектам нашей жизни – это законы, которые надлежит исполнять в каждодневной жизни, тогда как «душа» Торы представляет собой более тонкие и эзотеричные учения и философские постулаты, приведенные в Торе.

Тело и душа человека едины, они представляют собой одно целое. Так же и с Торой: что в полной мере относится к ее «телу», относится и к «душе». Даже в «теле» Торы содержатся весьма глубокие уроки, которые можно рассматривать как нечто, находящееся на периферии ее «души». Но прежде необходимо снять внешнюю «оболочку» каждого конкретного закона и распознать его фундаментальные принципы и глубинные истины, только тогда можно будет извлечь уроки.

Что касается более глубокого смысла подсчета, то в Талмуде приводится закон, согласно которому если крошечная частичка запрещенного к употреблению продукта питания случайно оказалась среди разрешенных продуктов, то при определенных обстоятельствах этим ничтожным количеством можно пренебречь. Иное дело, когда запрещенный к использованию продукт продают не на вес, а по количеству. Тогда, независимо от того, насколько мало в смеси запрещенного продукта, пренебречь им нельзя, и вся смесь считается непригодной для употребления.

Данное правило объясняется тем, что вещества, которые можно сосчитать, имеют внутреннюю ценность и значение, и когда эти вещества попадают в какую-то смесь, пренебречь ими нельзя.

В этом заключен ответ, почему Б-г заставил пересчитать еврейский народ, хотя Он и так знал число евреев. Велев Моше сосчитать Свой народ, Б-г дал понять, что ценит каждого еврея, что евреи представляют собой ценность, и потому их надо сосчитать.

В чем же особая важность и ценность каждого еврея? У каждого из нас есть в жизни собственная миссия. Исполнить эту миссию должен именно ты, а не кто-то другой. И она, эта миссия, оказывает влияние на весь космический порядок. Таким образом, каждый наделен особой, незаменимой ценностью.

И Б-г не просто передал Моше указание – тем самым Он сказал каждому из нас: используйте свои уникальные таланты, свой особый потенциал, исполняйте порученную вам миссию. Заложив эту мысль в Тору, Б-г позаботился, чтобы это послание стало доступно каждому, во все времена.

Вечное значение

Это и имеет ввиду Раши, говоря, что из-за любви Б-га к Своему народу «Он все время его считал».

Между прочим, Раши не говорит о переписи населения как таковой, скорее речь идет о результате подсчета. Ощущение самоценности и важности, проявившееся в процессе подсчета, осталось с еврейским народом навсегда, «во все времена».

Это же относится и к нам, к этим дням и данной эпохе. Пусть сейчас Всевышний и не проводит подсчет как в библейские времена, но, читая эти эпизоды в Торе, мы испытываем прилив особых сил, ибо понимаем, какую ценность представляем для Б-га, как важно, чтобы мы проживали свои жизни в соответствии с Его ценностями.

Сам Б-г объявляет о нашей ценности беспрестанно – нужно лишь слушать Его и вести себя соответствующим образом.

Shema

Три названия Швуэса

С рождения мы сосредоточиваем все свое внимание на том, как действует механизм жизни, словно жизнь – гигантская машина, и наша задача – научиться нажимать нужные кнопки. Мы узнаем, что если плакать, к тебе отнесутся с заботой и вниманием, и понимаем, что какие-то из наших действий встречают одобрение, а какие-то наталкиваются на противодействие. Нам становится ясно, какие навыки и ресурсы необходимы, чтобы сохранить и улучшить наше существование. Но в какой-то момент мы понимаем, что жизнь – это не просто комплекс поведенческих навыков.

Мы открываем, что в каждом из нас живет целая вселенная: мысли, чувства, то, что называется «личность». Нас уже не устраивает просто поступать как надо – мы стремимся усовершенствовать себя: обогатить разум, обогатить чувства, сделаться утонченнее. Наконец, наступает время, когда и эта цель уступает более честолюбивым устремлениям. Почему надо ограничиваться самосовершенствованием, когда есть возможность усовершенствовать весь мир? Зачем ограничивать свои задачи поисками внутренней гармонии, когда помощи жаждут пять миллиардов страдаемых конфликтами людей? Зачем ограничивать возможности роста только собственными душами, когда вся вселенная ждет, чтобы мы познали ее и развили?

Мандат, полученный у Синая

На шестой день месяца Сиван в 2448 году от сотворения мира весь народ Израиля расположился у подножья горы Синай – там Б-г явил нам Себя и дал Тору, основу Его творения и указ для нас как для «народа святого» (Шмойс, 19:6), который несет «свет народам» (Ишаяу, 42:6). С той поры этот день отмечается как праздник Швуэс.

Тора действует на многих уровнях. На основном уровне она – руководство к жизни, в самом простом и утилитарном смысле слова. Ее 613 заповедей, содержащих

тысячи распоряжений и законов, учат нас, что можно делать в жизни, а что нельзя, они отделяют разрешенное от запрещенного, святое от нечестивого, полезное от вредного для наших тел и душ.

Но Тора не просто регулирует наше поведение. Она призвана делать человека лучше, искоренять в наших сердцах дурное и насаждать хорошее, развивать наш разум навстречу Б-жественной истине, воспитывать наши души «по образу Б-жьему» (Брейшис, 1:26). Наконец, Тора является средством для реализации самого главного нашего потенциала – сделать физический мир домом для Б-га, местом, где все сориентировано на стремление к Б-жественному.

Три названия

У праздника, в ходе которого мы отмечаем и снова переживаем Откровение у горы Синай, есть три названия, соответствующие трем сферам влияния этого дня на наши жизни.

В молитвах Швуэса мы называем этот день «Зман матан Торасейну», «Время дарования Торы». В книге Дворим (16:10) он называется «Хаг Швуэс», «Праздник седмиц». Дело в том, что этот праздник в сущности длится семь недель, начинаясь со второго дня Пейсаха. Третье название праздника также происходит из Торы: «Йом а-бикурим», «День первых плодов» (Бемидбар, 28:26). В этот день лучшие из первых плодов садовых деревьев израильского земледельца приносились козну в Священный Храм, как предписывалось Торой.

«Тора» означает «закон» и «указание». «Время дарования Торы» прежде всего означает, что в этот день 600000 душ собрались у Синая и получили наказ: «указывай им путь Его, по которому они должны идти, и дела, которые они должны делать» (Шмойс, 18:20).

Но Швуэс – не только «Время дарования Торы», это и «Праздник седмиц», кульминация семинедельного путешествия, цель которого открыть и улучшить себя. В книге Ваикро Тора наставляет: «И отсчитайте себе от второго дня празднования, от того дня принесения вами омера возношения семь недель; полными должны они быть. До дня после седьмой недели отсчитайте пятьдесят дней и принесите новый хлебный дар Б-гу. От поселений ваших приносите два хлеба возношения; из... пшеничной муки... в этот самый день: священное собрание будет у вас» (Ваикро, 23:15-17, 21).

На второй день Пейсаха в Иерусалиме в Священном Храме совершалось возношение из ячменя – с этого момента и начинается отсчет семи недель, отсчет омера. По окончании семи недель совершалось возношение штей а-лехем – двух хлебов из пшеничной муки на празднике Швуэс.

Классическое учение объясняет, что переход от корма животных (ячмень) к человеческой еде (две буханки хлеба из пшеничной муки) олицетворяет совершенствование «животной души» человека, ее подъем на человеческий уровень души, сотворенной по образу Б-жьему.

Семинедельный отсчет соответствует семи основным процессам в сердце человека, каждый из которых включает в себя элементы всех остальных. Каждая неделя отсчета посвящена совершенствованию этих процессов, а каждый из семи дней недели –

одному из семи элементов. На пятидесятый день мы достигаем Швуэса, Праздника седмиц, когда празднуем совершенство всех семи недель в наших сердцах.

Третье название праздника – «День первых плодов» означает, что человек стремится усовершенствовать не только себя, но и все материальные ресурсы мира.

В книге Дворим (26:1,2) мы читаем: «И будет, когда придешь ты в страну, которую Б-г, Всесильный твой, дает тебе, и овладеешь ею, и поселишься в ней, то возьми начатки всех плодов земли... и положи в корзину, и пойдешь на место, которое избереет Б-г., чтобы водворить там имя Свое».

Каждый год израильский земледелец повторял эту процедуру – отбирал из своего сада первые и самые лучшие плоды и на праздник Швуэс приносил их в Священный Храм в Иерусалиме. Тем самым он провозглашал: мои дни исполнены возделыванием и мои ночи – мыслями о семенах, почве и погоде, но цель не в том, чтобы развивать материальное ради материального, цель – превратить этот мир в дом Б-га. Смотрите: первые и лучшие свои плоды я принес сюда, к месту, которое избрал Б-г для Своего присутствия.

Урезанный праздник

История любого народа, как и история любого человека, знает периоды большей или меньшей духовной насыщенности. В своих жизнях мы переживаем времена глубоких личных и универсальных достижений, которые перемежаются временами просто «борьбы за жизнь». То же происходит и с Израилем на протяжении многих поколений.

Если задуматься над тремя названиями Швуэса, то окажется, что они в разной степени реализуются в разные эпохи и в разных поколениях.

Первое и основное определение этого праздника наименее подвержено влиянию времени. Каждое утро мы благодарим Б-га за Его дар истины словами: «Благословен ты, Б-г, дающий нам Тору», именно «дающий», в настоящем времени, потому что «и будут слова эти, которые Я заповедую тебе сегодня, в сердце твоём...» (Дворим, 6:6). На Б-жественное указание о каждодневной жизни не влияют взлеты и падения души: Швуэс («Время дарования Торы») есть в каждом поколении.

Другое дело с «Праздником седмиц». Омер можно возносить только в Священном Храме в Иерусалиме; Тора определяет семинедельный отсчет от Пейсаха до Швуэса, от того дня, когда ты приносишь вознесенный омер. В связи с этим есть мнение, что Тора не обязывает производить отсчет омера, когда Храм физически отсутствует. Сегодня мы считаем дни и недели между Пейсахом и Швуэсом, поскольку эту традицию ввели наши мудрецы в память об истинном отсчете, который велся, когда Б-жественное присутствие в наших жизнях было куда более очевидным. В нынешних обстоятельствах, пока не будет отстроен Храм, Швуэс является «Праздником седмиц» лишь номинально, и отсчет омера не имеет полноценного статуса, равно как и результаты этого отсчета.

В наш духовно непрочный век «Праздник седмиц» может существовать только в неполном виде, а «День первого плода» не соблюдается и вовсе: для него необходимо присутствие израильского народа на своей земле, наличия Храма Б-га в Иерусалиме. И наш сегодняшний Швуэс не включает в себя этот элемент праздника.

Задача, борьба и мечта

За всю историю извилистого пути сквозь свет и тьму времен не изменилось одно: всегда и при всех обстоятельствах в каждодневной жизни нас наставлял Б-г. Не важно, идет ли в наших душах изнурительная борьба, удастся ли достичь гармонии и праведности в окружающем мире – мы всегда можем поступать правильно, поскольку всегда можем открыть Тору, данную нам Б-гом, и узнать, как Он указывает нам поступить в данных обстоятельствах, чтобы привести свое поведение в соответствие с Его волей.

Если говорить о стремлении к личному совершенству, здесь картина менее ясна, наши возможности более ограничены. Мы можем вести отсчет омера, взбираться на гору из сорока девяти ступеней навстречу семинедельной полноте сердца. Но наш нынешний «Праздник седмиц» – не более чем эхо того, что было достижимо во времена большей святости духа.

Что касается мечты о мире, который объединится в служении

Б-гу, о физической реальности, которая будет не затуманивать, а раскрывать гармоничную истину о Создателе, то все, что у нас сегодня есть от тех времен, когда Швуэс был днем первых плодов, – это одни воспоминания. Мы можем лишь вспоминать, с какой преданностью израильский земледелец отдавал лучшие плоды своего труда Б-гу, а также стремиться делать то же самое в своей сфере деятельности и молить о наступлении дня, когда мы вновь сможем ощутить Б-жественное в наших жизнях и воистину превратить мир в дом для Б-га.

Í îmé

Глиняный сосуд

È ááíðeë Á-ã íáðàíàüííí é Í îóá

òáé: «...Áíëë ÷üý-ëëáí æáí à ñáðàòèòíü

*è ííðòáíèò ñíèè íá:áíòíí... íáíòüííðéáááò ýòíò
÷æíááé æáí óñáíð é èíýí á..*

è áíçüí àò èíýí ñáýíáí ííé áíáü

á æèíýí úé ññá..»

Ááí èáááòð, 5:11-17

Жизнь по определению кабалы – это брак между душой и телом. Душа – активная животворная сила в этих отношениях, «мужской» компонент. Тело – сосуд, который принимает душу, направляет и фокусирует ее энергию, являя собой «женскую» составляющую.

Бытовая мудрость утверждает, что дух возвышается над материей, душа возвышается над телом. Действительно, человеческая душа вечно помнит о своем Создателе и Источнике, тогда как тело, подверженное соблазнам материального

мира, часто является причиной того, что человек забывает о Нем, сбивается с пути и изменяет своему назначению.

Но это «мужской» взгляд на жизнь. Существует и другая точка зрения на реальность: пассивность важнее активности, «быть» важнее, чем «делать», приземленность истинней отвлеченности. По этой теории тело отнюдь не обслуживает душу, а само является проводником Б-жественного.

Наши мудрецы утверждают: однажды наступит время «женской» доминанты. И тогда физическое начало — как средство связи с Б-гом — не будет уступать духовному, даже наоборот: тогда душа будет подпитываться телом.

Масло и вода

У законов, посвященных неверной жене, есть более глубокий смысл.

Предполагалось, что мужчина, который подозревает жену в неверности (и имеет свидетельства в подтверждение своих подозрений), должен привести ее в Священный Храм в Иерусалиме. Там коэн наполнит глиняный сосуд водой из святого колодца («святой» традиция называет воду родников. – Ред.) и добавит в него земли с пола Скинии Завета. Потом он скажет женщине, а затем напишет на пергаментном свитке «заклатья» (Бемидбар, 5:19-23) и «сотрет их» в «горькую воду, наводящую проклятие». Потом «заблудшая жена» должна выпить из этого сосуда.

Если жена и вправду виновна в измене, «горькая вода» возвестит о том, что она согрешила («сделает Б-г бедро твоё опавшим и живот твой опухшим» – 5:23). Если же подозрения мужа оказались беспочвенны, вода не только снимет с нее бремя вины, но и улучшит ее отношения с мужем, и она «будет оплодотворена семенем» (5:28).

Важно, что наказание для заблудшей жены определяется с помощью святой воды и глиняного сосуда. Здесь стоит упомянуть закон, связанный с огнями Хануки. Согласно ему нельзя зажигать эти огни в глиняных плошках или других глиняных сосудах, так как из-за масла у такой посуды становится неэстетичный вид. Действительно, огонь в Священном Храме, служащий прообразом для ханукальных огней, зажигался с помощью чистейшего оливкового масла, налитого в чашечки из чистого золота. Огни Хануки не требуют чистоты столь совершенной, но для них тоже надобно чистое топливо (масло или воск) и посуда из металла или иного «чистого» материала.

Ханукальные огни провозглашают главенство духа над материей. Поэтому совершенно естественно, что нечто столь «духовное» и «мужское» не приемлет глиняного сосуда. Духовность Хануки выражается и в масле, которое не смешивается с другими жидкостями, но возвышается над ними, как дух возвышается над физическим и земным.

Однако существует и другая жидкость. «Тору сравнивают с водой», – писал рабби Шнеур-Залман, потому что «как вода течет с более высокого места на более низкое, так и Тора спускается с высот своей славы, где воля и мудрость Б-га., пока не омоется физическими и материальными явлениями нашего мира».

Когда душа оценивает тело и видит в нем «заблудшую жену», предавшую забвению духовные цели, можно во всем обвинить «женское начало», начало физическое и земное. Но если мужчина подлинно желает достичь с женщиной гармонии, он должен учитывать в их браке ее женскую точку зрения. Он должен понять, что жизнь – это не

свойственны любовь и благодать, другим – самодисциплина и боязнь Б-га, третьим – гармония и сочувствие, честолюбие, преданность, привязанность, восприимчивость. Все вместе это составляет разветвленную на ветви Менору, излучающую семь разновидностей света, который наполняет Храм Б-га и изливается в мир за его пределы.

В этом и заключается более глубокий смысл двух законов, которые повторяются в строках Беаалойсехо. Второй подчеркивает единство происхождения самых разных человеческих особей. Вся Менора должна быть выкована из одного слитка золота, поскольку все семь разновидностей души берут начало из единого Источника. Все они в равной степени «буквально часть Б-га Всевышнего», по происхождению и по сути.

Первый закон выражает общую задачу, которую решает освещение Меноры. Все светильники обращены к лицевой ее стороне. Даже разветвляясь на семь различных светильников, даже излучая семь разных типов света, все они направлены в одну и ту же сторону. Все устремлены к одной цели, хотя природа и направление их поиска могут быть разными.

Две точки зрения на человека

Два выдающихся толкователя Торы, Раши и Рамбан, по-разному трактуют строки из Беаалойсехо.

Раши рассматривает эти строки как «глава Меноры». Рамбан, со своей стороны, считает, что здесь прежде всего речь идет о том, как разжигать светильники. Иными словами, по Раши эти строки нужны для подтверждения второго закона (цельность Меноры), относящегося к изготовлению и форме самой Меноры. У Рамбана основное значение этих строк – подтверждение первого закона, в котором говорится, как светильники надлежит разжигать.

Менора характеризует единство душ, имеющих общее происхождение. Она состоит из семи светильников, которые разделены, однако направлены на достижение общей цели. Эту общую картину можно рассматривать с двух точек зрения. Можно сделать акцент на общем источнике происхождения и рассматривать общую направленность семи светильников как выражение их внутреннего единства. А можно выделить то обстоятельство, что одна Менора состоит из семи светильников, которые, хоть и стремятся к единой цели, тем не менее горят каждый по-своему, каждый привносит нечто уникальное и свое.

В этом принципиальное различие подходов Раши и Рамбана. Для Раши жизнь – это общность, сходство; разнообразие человеческой природы – не более чем иллюзия. Достаточно чуть проникнуть под внешнюю оболочку, чтобы убедиться: все мы стремимся к одному и тому же. В этом суть «послания» Меноры: у меня есть основание, есть цветы, есть семь ветвей, но состою я из единого слитка. Рамбан же видит внутреннюю ценность и значение именно в разнообразии человеческой природы. Наши различия – это не просто средства к достижению общей цели, они играют важнейшую роль в том, что является смыслом жизни. Да, у всех нас общие истоки. Да, мы все стремимся к общей цели. Но все мы идем к этой цели разными путями, которые и составляют менору наших жизней. Сами эти пути есть лучезарный и устойчивый свет.

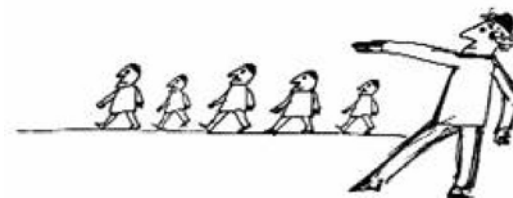
Свобода выбора

È ããðè Á-ã íáðáùáÿñíé Ì í óá

òáè: «Ì í óèè í ò ñáÿ è ðááé,

*÷ ò í áù áùñ í ò ðáèè í í è ñ ò ðáí ó È í ááí,
è í ò í ð ð ÿ äà ð ñí í àí È ç ð á è ÿ,*

*í í í áí ñ ò ÷ äé í á è ó í ò í ò ÷ áá è í è á í à
í í ó è è ò á äé á á í ù ò è ç í è ù...»*

Ááí è äááð, 13:1,2

*Ì í í í áí ó è è í í í á áñ áí è ñ é á ç á è è: «Ì í ó è áí è ð á á é í á ð á á ñ á í é, ÷ ò í á ù ð á ç á á á è è
í í è í áí ñ ò ð á í ó è ð á ñ è á ç á è è í áí í á ñ ð í áí, í í è í ò í ð é í áí è ä ò è, è í á ñ ð í á á ñ, è
è í ò í ð ù í í áí è ä ò è». È í í í ð á á è è í ñ í í í á ñ è í áí ÿ ò í, è á ç ÿ è ç á á ñ á á á í á á ò á ù
÷ ä é í á è, í í í á í ñ ò ÷ ä é í á è ó í ò è í è á í à*

Ááí ð è í, 1:22,23

Эти два отрывка, связанные с походом разведчиков, объясняют, что инициатива «высмотреть страну Кнаан» исходила от народа Израиля. Затем Моше посоветовался с Б-гом, и Тот сказал ему: «Пошли людей своих», – что означало: «Пошли их сообразно твоему пониманию. Я не говорю тебе, как поступить. Делай, как считаешь нужным». Таким образом, миссия разведчиков, хотя и с согласия Б-га, была чисто человеческой инициативой, рожденной желанием людей и одобренной Моше, которому «это понравилось».

Результат оказал трагическое влияние на всю историю еврейского народа. Отчет вернувшихся разведчиков деморализовал евреев – они потеряли веру в обещание Б-га дать им землю Израиля в вечное владение. В итоге целое поколение оказалось неспособным унаследовать землю, и судьба уготовила им жизнь в пустыне. Только сорок лет спустя Иеошуа, возглавивший еврейский народ после Моше, перевел новое поколение через реку Иордан и ввел в землю Обетованную (Иеошуа и Калев были единственными из разведчиков, которые высказывались за покорение Обетованной земли, только они двое из того поколения и вошли в эту землю).

До того момента Б-г давал конкретные указания Моше и народу Израиля фактически постоянно. Случай с разведкой был первым, когда Б-г сказал: «Я не говорю тебе, как поступить. Делай, как считаешь нужным». Неужели это не насторожило Моше?

Насторожило. Мудрецы говорят, что Моше послал Иеошуа со словами благословения: «Пусть Б-г убережет тебя от заговора разведчиков». Тогда зачем он их вообще послал? А если все-таки счел это необходимым, почему, по крайней мере, не благословил остальных? Еще удивительнее другое: когда поколение спустя еврейский народ стоял перед Обетованной землей, готовый (во второй раз) в нее

войти, Иешуа сам отправил разведчиков (!). На сей раз обошлось без пагубных последствий. Но почему он повторил процедуру, которая в прошлый раз окончилась столь трагически?

Конечно же, Моше хорошо понимал, какой риск таит в себе указание «Делай, как считаешь нужным». Если человек должен принять самостоятельное решение, без четких указаний Свыше, опираясь только на свое субъективное и ограниченное суждение, он словно ступает на минное поле, и каждый шаг чреват ошибками и неудачами. Но Моше знал также, что Б-г решил открыть перед человеком новые возможности.

Выбор

Самый критичный элемент нашей миссии в жизни – это выбор. Если бы Б-г сотворил человека как существо, не способное ошибаться, он мог бы сотворить и идеальный мир или не сотворять его вовсе. Но Б-г пожелал сотворить мир далеким от идеала, и мы должны улучшать его, делая правильный выбор. Именно вероятность ошибки с нашей стороны придает нашим достижениям особую весомость.

Идея выбора существует на двух уровнях. Когда Б-г снабжает нас четкими указаниями, мы все-таки можем ими пренебречь. Но в данном случае смысл понятия «выбор» весьма ограничен. Ведь по сути наша душа является «буквально частью Б-га Всевышнего» и ведома одним желанием – исполнить

Б-жественную волю. Рабби Шнеур-Залман сказал: «Еврей не хочет, да и не способен оторвать себя от Б-га». В конечном счете, каждый из нас желает творить только добро, в соответствии с волей Б-га. И «выбор» сводится к тому, подавить ли наше естественное желание либо выразить его в каждодневной жизни.

Вплоть до случая с разведчиками этот выбор был единственным, каким располагал еврейский народ. Б-г давал недвусмысленные указания по каждому вопросу, какой бы ни возникал в их жизни. Люди могли не повиноваться, но это противоречило бы их самым глубоким инстинктам.

Выбор «второго уровня» возник, когда Б-г дал Моше ответ относительно разведчиков. Услышав слова Б-га «делай, как считаешь нужным», Моше понял: Б-г предоставляет человеку новые возможности выбора, более глобальные и истинные. Создавая сферу, в которой Он – Создатель и абсолютный Властелин мира, Б-г говорит человеку: «Я не говорю тебе, как поступать», – тем самым Б-г наделил действия человека еще большей значимостью. И здесь выбор становится по-настоящему подлинным, потому что теперь ничто не сдерживает нас в выборе пути.

В этой сфере вероятность риска выше. Выше вероятность совершить ошибку, и последствия такой ошибки могут быть катастрофическими. Но когда мы, без наставления и указания Сверху, сами находим верный путь в Обетованную землю и реализуем Б-жественную волю, наши деяния становятся как более ценны, так и более значимы.

Личность Иешуа

Вот почему Моше отправил разведчиков, хотя вполне понимал опасность их миссии, даже не благословив их, не предупредив: остерегайтесь ошибок. Дай он им свое благословение, поделись собственным духовным багажом ради успеха дела, он тем самым

воспрепятствовал бы реализации уникальной возможности, дарованной Б-гом, разрешившим реализовать человеческую инициативу «по твоему пониманию». Весь смысл заключался в том, что и Моше, принимая решение об отправке разведчиков, и сами разведчики, исполняя эту миссию, действовали абсолютно самостоятельно, руководствуясь только собственным пониманием и способностью делать оценку. Моше дал благословение только Иешуа: тот был ему верный служитель, который «никогда не выходил из Скинии» (Шмойс, 33:11).

Уникальность отношений между Моше и Иешуа описана в Талмуде метафорически: «Лик Моше подобен лику солнца, лик Иешуа подобен лику луны». На самом доступном уровне это означает, что Моше был выше Иешуа, тот же был лишь бледным отражением учителя. На более глубоком уровне здесь говорится о глубокой связи между выдающимся учителем и наиболее преданным его учеником. Как луна не является самостоятельным источником сияния и сияет светом, отраженным от солнца, так и Иешуа полностью подчинил свое «я» наставнику – все, чем он был, все, что было у него, происходило от Моше. И когда тот благословил Иешуа, это не означало, что он наделил Иешуа какой-то дополнительной силой – вся личность Иешуа и без того была личностью Моше. Воодушевленный благословением Моше, Иешуа все равно был предоставлен самому себе: внутренняя связь с Моше была его сутью, и ничего не было навязано ему извне.

Таким образом, именно Иешуа сделал успешный и независимый выбор и привел народ Израиля в страну Кнаан. Завоевание кнаанской земли и преобразование ее в Святую землю – это вступление человека в новый мир, где нет четких указаний относительно того, что есть добро и что есть зло, что правильно, а что – нет. Человек отныне должен самостоятельно решать, как освящать эту землю, чтобы она стала домом для Б-га.

Ēīēdāō

Разрыв

*Ēīēdāō - ī āā çēīīēō-īīī āūçīāā, ēīōīōūē
īīīōāāēē īīā mīīāīēā āīāēōāēūīōāī Īīōā ē Āāōīā,
dāīīēāçīāāōīŷ ā 16-ē āāāā ēīēāē Āāī ēāāāō - īōāē
īēēōāōāīdāīēāī mīīīē īē īōūīīīōē āīŷēīā ēīīōēēēōā ē
dāçīīdā. Ēī āīīī īīŷōīī óā ōāēī ōāā āīāīdēōīŷ:*

*Ēīā āū mīīāīēŷ ēēē īāīōīŷōāēūīōāā īā
īīāāēāēē ē īāōōāīēp çāīīāāāē, āā īā īēō-ēōīŷ ōāē,
ēāē īāīēīāīī ā ōīdā*

*(Āāī ēāāāō, 17:5), īīēī «ōī āā ÷ōī īĒīēdāōīī
ē mīīāūīēēāī ē āā» (Nāī āāōēī, 110ā). Īīōīī ó, ēīāā ōīdā ōī-āō īōāīīōāā-ūī īāīī
īō āāā-āīēŷ mīīdīī, īō īōdāī ēāīēŷ īāīīāēōūŷ ē īōīōēāīīīōāāēōūī īāŷŷ
īāūīīīōē, īīā āāīdēō: «Īā ōīīāīāēŷēōāīīĒīēdāōō».*

В Талмуде рассказывается, что великий мудрец рабби Меир мог по имени определить сущность всякого человека (Талмуд, Йома, 83б). Акт нарицания ребенка именем является «малым пророчеством», ибо в этот момент родителям явлено ведение души и сути характера младенца (Шаар а-Гилгулим); учение кабалы

утверждает, что это распространяется и на всякое живое существо, а также объект и явление, ибо буквы еврейского алфавита – кирпичики, из которых сложено творение: в первой главе Брейшис сказано, что мир был сотворен посредством Б-жественных речений, а значит, буквы эти образуют имя всякой вещи в священном языке, определяя «форму» и характер души, наделяя ее Б-жественной жизненной силой, тем самым даруя ей существование и жизнь (См. Тания, ч. II, гл. 1; Игройс Койдеш, т. 1, с. 289-290).

Верно это и по отношению к имени «Койрах». Три буквы, означающие это имя на письме, дают типологию конфликтов, указывая, как различными способами может быть нарушена и испорчена гармония, присущая творению Б-га.

Очертания реальности

Если душа всякого создания заключена в буквах, образующих его имя, то внутренняя форма сотворенной реальности в целом заключена в букве «хей». Мудрецы пришли к этому заключению, анализируя стих: «Вот происхождение неба и земли при сотворении их» (Брейшис, 2:4). На иврите слово «бехибараам» – «при сотворении их» – может быть прочитано как «бе-хей бераам» – «посредством “хей”, сотворил Он их». Тем самым подразумевается, что «Б-г сотворил мир с помощью буквы “хей”» (Талмуд, Менохойс, 49б).

Буква «хей» образована тремя чертами: верхней горизонтальной, являющейся «крышей», и двумя вертикальными справа и слева – «ножками». Правая «ножка» соединена с «крышей» и доходит до нижнего края строки, левая же не касается «крыши»: между этими двумя чертами остается небольшой зазор.

Буква «хей»

Три линии буквы «хей» олицетворяют три измерения или три области реальности, в которой проходит наша жизнь: мысль, речь и действие. Верхняя линия олицетворяет мир мысли, правая «ножка» – мир речи, левая – мир действия.

В сознании каждого присутствует некое видение идеального мира. В этом мире, открывающемся нашему незамутненному взору, мы прозреваем все возможности, все совершенство, заложенные в нем Создателем. Это – «мысленное» измерение реальности, представленное верхней чертой буквы «хей». «Речь» – попытка проговорить то, что видится, себе и ближним – олицетворена правой «ножкой» буквы «хей». Изучая, преподавая другим и «проговаривая» идеалы, принадлежащие миру «мысли», мы создаем мир слов, который, образно говоря, продолжает возвышенную, но абстрактную черточку буквы «хей» в приземленном измерении «речи».

Левая ножка буквы «хей» – мир «действия». Это область нашего взаимодействия с миром физических явлений, который мы стремимся оформить и преобразовать в соответствии с видением, присутствующим в нашем сознании. Как и речь, действие является производным от мысли, однако «разворачивая» мысль в мире физических объектов, действие низводит идеалы в царство «уплотненной» реальности. В этом и заключается существенное различие между речью и действием – различие, обозначенное непохожестью левой и правой ножек буквы «хей».

В речевой сфере мы можем формировать реальность, которая является непосредственным продолжением реальности нашей мысли. Мы можем выразить идею

так, как ее понимаем. Мы можем выразить некое видение так, как оно было нам явлено, описать нашу веру именно так, как и верим. Когда же мы пытаемся приложить наши идеалы к сфере действия, мы сталкиваемся с «зазором», изначальной несовместимостью идеала и реальности. Наше действие направлено на мир физических объектов, мы изменяем и преобразуем его, однако рано или поздно мы сталкиваемся с сопротивлением: с непреодолимым препятствием, неразрешимым конфликтом, невозможностью соединить нашу внутреннюю истину с косной внешней реальностью.

Этот зазор между мыслью и действием – неотъемлемая часть реальности сотворенного мира. Именно это имели в виду мудрецы, говоря, что Б-г, сотворяя мир, уподобил его букве «хей» – «зазор», о котором мы говорим, реален. Это не иллюзия. Не субъективная проекция чьих-либо неоправдавшихся чаяний и не недостаток решимости; более того, это было предусмотрено самим Создателем при сотворении мира, ибо Он возжелал, чтобы граница между мыслью и действием была реальной и неотъемлемой чертой нашего существования. Именно эта дихотомия, это напряжение между идеалом и реальностью, побуждает нас дерзать, придает нашим жизням полноту, смысл и в конечном счете – гармонию.

Нижняя, открытая часть буквы «хей» символизирует пустоту зла, тот грех, что «лежит у двери» (Брейшис, 4:7). И мир, каким он станет с приходом Мошиаха, и волею Б-га «поглощена будет смерть навеки» (Ишайау, 25:8) и «нечистый дух будет удален с земли» (Зхарья, 13:2), – этот мир олицетворяет «мем софит», конечная «мем», имеющая квадратную форму (как учат из стиха «Умножению владычества Его и мира нет предела» – Ишайау, 9:7, где эта буква появляется в середине слова в своей конечной форме, что крайне нехарактерно). В этом грядущем мире Б-жественного совершенства разрыв между духом и материей исчезнет, и негативная «четвертая сторона» буквы «хей» будет преображена в благую силу.

Реалист

Три буквы, образующие имя Койрах, – «каф», «рейш», «хет» – начертанием своим схожи с буквой «хей». «Каф» выглядит как «хей», чья «ножка» продлена ниже строки; «рейш» – та же буква «хей» без левой «ножки»; «хет» – «хей» без разрыва в начертании, где левая «ножка» соединена с «крышей».

Корах (справа налево): «каф», «рейш», «хет».

На первый взгляд эти три буквы более «гармоничны»: несоответствие между мыслью и высказыванием, с одной стороны, и действием – с другой, нашло в них некое разрешение: по крайней мере, там нет сопряжения этих трех сущностей за счет некоего волевого усилия. На самом же деле, все обстоит «с точностью до наоборот»: все три буквы, составляющие имя Койрах, по сути свидетельствуют о конфликте и дисгармонии. Каждая из этих букв – искаженная буква «хей», и каждое конкретное «отклонение от первообраза» указывает на определенное разрушение того восприятия Творения и отношений с ним, которых ожидает от нас Б-г.

Первый тип искаженного восприятия Творения – отношение к миру, встречающееся у «сверхреалистов». Такие люди не только признают зазор между помыслами и действиями, но считают его нормой. Для них мир подобен букве «каф», чья левая ножка не только отделена промежутком от двух других линий, образующих этот знак, но продлена за границу строки.

В мире, который символизирует буква «каф», к действию принимаются совсем иные стандарты, чем к мысли и высказыванию. «Несомненно, у меня есть идеалы, – заявляет сторонник такого отношения к жизни. – У меня есть своя внутренняя правда; я знаю, что хорошо, а что плохо. Это мир, в котором я живу в своих мыслях, идеалы, которые обсуждаю со своими сторонниками, истина, которую я стремлюсь передать моим детям. Но я не настолько наивен, чтобы полагать, будто эту истину можно распространить на мир действия, не идя на компромиссы и ни на волосок от нее не отступая. То, что верно в качестве абстракции, в качестве высказанной идеи, не будет работать в реальности этого материального мира. Разве можно обсуждать сделку с той же самоотдачей, которую я требую от себя, обращаясь с молитвой к Б-гу? Разве можно те же критерии, с которыми мы подходим к нашей духовной реализации, распространять на материальные нужды и потребности? Это – две совершенно разные области жизни, и их разделяет непреодолимая пропасть. Я не предаю своих убеждений, но стандарты, которые мы применяем к помыслам и речам, намного выше тех, что мы применяем к поступкам».

Два типа идеалистов

«Сверхидеалист» – полная противоположность «сверхреалисту». Он вообще предпочитает не иметь никаких отношений с реальностью, если та не является прямым продолжением его мыслей и слов. Зачем осквернять свое бытие прозой жизни, которая, если даже не разрушит душу, то уж наверняка притупит чувства?

Для такого «сверхидеалиста» наличие разрыва «между левой чертой буквы “хей” и двумя другими чертами» – повод к тому, чтобы вовсе отбросить все, что олицетворяет собой «неполная» левая черта: отказаться от какого бы то ни было действия, а всю свою энергию направить на размышления и рассуждения, соотносимые с более высокими уровнями бытия: мыслью и словом. Реальность, в которой протекает существование такого индивида, подобна букве «рейш»: это двухмерный мир теорий и споров, где отсутствует все, что напоминает о физическом мироздании (в сущности это та же ошибка, что была совершена разведчиками, которых Моше отправил высматривать землю Кнаан: они не хотели оставлять духовную жизнь в пустыне ради оседлой жизни на Земле Обетованной).

Третий вариант «порочной трансформации» буквы «хей» – буква «хет», олицетворяющая более мягкую, но не менее разрушительную форму идеализма. В этом случае отрицается не наличие левой черты у буквы «хей», а разрыв между этой чертой и «крышей» буквы. Тем самым предполагается, что между тремя областями Творения не существует никакого провала и деления. В представлении таких людей материальное ничуть не менее свято, чем духовное, действие столь же чисто, как и высказывание; обе «ножки» буквы соединены с верхней чертой и, соответственно, в равной мере могут служить для трансляции идеального в реальное (этот подход проявился в притязании Койраха на священство, иначе говоря, подвергалось сомнению само представление о том, что духовное выше материального), которое обосновывалось следующим образом: «Все общество, все святые, и среди них Б-г! Отчего же возносите вы (то есть Моше и Аарон, духовные вожди Израиля) над собранием Б-га?!» (Бемидбар, 16:3).

Изъян такого отношения к реальности в том, что, не осознавая в достаточной мере подлинного значения действий, человек слишком легко достигает состояния удовлетворенности. И если тот, что со структурой «рейш» полагает, будто мысли и слова могут заменить действие, то «хет» тешит себя иллюзией, будто его слова и мысли и есть действие, или полагает, что нескольких аморфных, символических поступков достаточно

для того, чтобы преобразить мир, добившись гармонической актуализации всех заложенных в нем высших возможностей.

Напряжение

В нашей жизни истинная гармония может быть достигнута, только если, признав наличие изначального разрыва между мыслью и действием, мы приложим усилия к тому, чтобы этот разрыв преодолеть. Если мы поддадимся магнетизму той пропасти, что пролегла между действием и мыслью, наше бытие уподобится букве «каф»: физический мир просто соскользнет за границу строки, падет во зло, обернувшись искажением всех принципов, положенных в его основу. Если же мы пытаемся разрешить проблему провала просто, отбросив все, что лежит за ним, то мы оказываемся в «мире рейш», лишенном наиболее «реальных» и весьма важных измерений («И в этом – весь человек и цель его сотворения и сотворения всех миров, верхних и нижних, – быть жилищем Ему в нижних» [то есть – в мире физических проявлений]. Тания, гл. 33).

Если мы игнорируем провал или утверждаем, что его почти нет, – мы кончаем в «мире хет», этом раю глупцов, где ничто не меняется и никто ничего не добивается: все достижения остаются лишь в области умозрительности. Не желая иметь дела с миром в том виде, каким он был создан Творцом, все три типа людей, олицетворяемых именем Койрах, порождают вокруг себя хаос и конфликты.

С другой стороны, отношение к жизни, заданное буквой «хей», есть путь к истинной, устойчивой гармонии. Такое отношение предполагает, что область действия обособлена от области, где существуют высказывание и мысль, однако последние определяют границы, в которых разворачивается действие. Иначе говоря, действительно, существует разрыв между идеалами и реальностью, но это еще не значит, что наши действия не способны изменить мир и привести его в соответствие с исповедуемыми нами идеалами.

Описанный нами разрыв – источник дисгармонии и напряжения, но это – конструктивное напряжение, и оно толкает нас к тому, чтобы к чему-то стремиться, бросать миру вызов и бороться. Ибо именно знание собственного несовершенства питает стремление изменить мир и себя в лучшую сторону. И признание разрыва между тем, что мы есть, и тем, чем нам следует быть, – именно это превращает нас в сознательно сопричастных к деяниям Создателя.

ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2002 СИВАН 5762 – 6 (122)

... ЗА ТО, ЧТО НЕ СОТВОРИЛ МЕНЯ ЖЕНЩИНОЙ

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ אֵל

Б-г сотворил Адама. А каким он был с того момента, когда впервые открыл глаза? Какова была его душа?.. У него не было Эдипова комплекса – откуда же такому быть у не знающего матери; не было и родовой травмы, поскольку он не был рожден; ему не было знакомо соперничество братьев...

Что же это был за человек – Адам?

Интересно, что у Адама не было и инстинкта самосохранения. Вот почему, когда Б-г сказал ему: «От дерева же познания добра и зла, от него не ешь, ибо как только вкусишь от него, должен ты умереть», – это не произвело на него большого впечатления. «Ах, я умру? Ну и что же? Легко досталось, легко будет и расставаться». Полное отсутствие инстинкта самосохранения. Адам не цеплялся за жизнь. Так что же происходило в его душе?

Адам желал смерти. Такова была его психика. Он желал смерти, потому что жизнь казалась ему состоянием неестественным. Когда Б-г говорит: «Из земли ты взят... и в прах возвратишься» – это в какой-то мере отвечает психологии Адама. «Я возник из праха, я хочу вернуться назад» – вот его логика.

Куда назад? Назад, в прах – назад в ничто!

И до наших дней мужчинам свойствен этот комплекс. Если отнять у них все внешнее, всю мишуру, отнять деньги, машину, синие замшевые туфли – что останется? Ничего! Прах! Каждый мужчина боится, что в конце концов может обратиться в ничто независимо от всех своих прежних достижений. Он может быть самым богатым, самым могущественным, самым преуспевающим, самым талантливым и популярным человеком, но в глубине души все же боится, что все это пройдет и он станет ничем, нулем.

Женщинам не свойственно такое чувство. Они не боятся своего ничтожества и даже не подозревают о нем, свободные от этого страха. И все потому, что Ева была создана не из праха, а из части Адама. Поэтому там, где мужчина боится, что ему придется обратиться в ничто, женщина, даже если отнять у нее все ее достоинства и достижения, все равно останется человеком.

Если отнять у женщины всю ее женскую суть, она не превратится в ничто, а только станет «он». Она растворяется в нем. А если у мужчины отнять его мужскую суть, то он не растворится в женщине, а станет ничем.

Вот почему мужчине необходимо чего-то добиваться, что-то совершать. Он должен это делать, чтобы что-то противопоставить пустоте, ему это необходимо. Между тем женщине, чтобы существовать, не надо лезть из кожи вон ради достижений, и все же ей надо что-то совершать ради того, чтоб ее ценили. Ибо если вы ничто и вам необходимо стать чем-то, то предстоит совершить все, и больше всего вы нуждаетесь в уважении. Уважение означает, что вы что-то представляете собой.

Женщина не боится стать ничем, однако она не понимает и не в состоянии перенести, если ее достижения не оценены по достоинству. Поэтому больше всего женщина нуждается в признании – в признании ее достоинств.

Талмуд говорит, что мужчина должен оказывать почет своей жене, не обижать ее.

Мужчина должен оказывать жене почет, потому что женщина очень болезненно переживает несправедливость, недооценку.

Это не просто мое праздное наблюдение. Такова женская природа – женщина болезненно воспринимает несправедливость, недооценку ее достоинств, когда с ней не считаются, будто она ничто. Ведь это не так! Когда с мужчиной не считаются, держат его за ничто, его ранит не несправедливость, его ранит правда. Он и есть ничто, и его ввергает в ярость любое напоминание об этом. А женщина болезненно реагирует лишь на несправедливость, заниженность ее статуса в глазах окружающих.

Вот почему иногда женщину можно годами обижать, а она будет говорить, что, значит, она это заслужила. Мужчина так не может. В такой ситуации он не скажет: «Я заслуживаю этого», потому что для него вопрос не в этом. С его точки зрения, вопрос таков: «Являюсь ли я чем-то в ваших глазах или нет? Если вы меня обижаете, значит, со мной можно не считаться, но я с этим смириться не могу. Приравненный к нулю, я не могу продолжать жить!» А женщина попросту говорит себе: «Я это заслужила – какая тут несправедливость!» С этой мыслью она может жить и жить.

В этом кроется агрессивность мужчины. Во что бы то ни стало он хочет, чтобы его признали за нечто, заслуживающее внимания, за личность. Ему необходимо добиться признания, обрести уважение. Эта необходимость обрести – агрессивна.

А вот женщина исполнена решимости сохранить имеющееся у нее, остаться собой. Как бы активно она ни добивалась этой цели, это – не агрессия: ведь она охвачена не жадной что бы то ни было обрести, а только пытается сохранить то, что имеет, что ей присуще.

Когда лев отправляется на охоту, он воинствен, агрессивен. А когда на охоту выходит львица, она просто пытается добыть корм для своей семьи. Она даже может быть яростней самца, но это не агрессия, а продиктовано необходимостью сохранения потомства. Угрожать медвежонку в присутствии его матери-медведицы очень опасно. Вы говорите: «Ах, как эта медведица агрессивна!» Неправда! Она совершенно пассивна. И пока вы ей не угрожаете, она на вас не нападет. Ей вашего ничего не нужно! Она лишь хочет сохранить то, что у нее есть, и, защищая свое, проявит свирепость. Однако это охрана, а не агрессия.

В противоположность этому лев-самец хочет отнять у вас ваше и сделает все, чтобы того добиться. Поэтому даже если он сделает это без кровопролития, мягко, это – агрессия! Даже самое тонкое и вежливое обольщение – агрессия, поскольку представляет собой попытку получить чужое. Вы стремитесь что-то заполучить, вы себе что-то присваиваете, следовательно вы – хищник! Пусть очень милый, обольстительный, – хищник.

Мужчин называют агрессивными, потому что им требуется нечто такое, чего у них нет. Женщин называют пассивными, потому что им не свойственно охотиться за тем, чего у них нет, они довольствуются имеющимся (естественно, мы говорим не о физической собственности, а о психике).

Это помогает нам понять благословения, которые произносят мужчины и женщины перед утренней молитвой.

Мужчина говорит: «Благодарю тебя, Б-же, за то, что не сотворил меня женщиной». Он благодарит Б-га, что он не что-то иное, поскольку не может сделать в этой связи никакого позитивного заявления, не может сказать: «Благодарю тебя, Б-же, за то, что я есть то-то и то-то». Он никогда не уверен, что что-то представляет собой.

Женщина же говорит: «Благодарю Тебя за то, что создал меня такой, какой Ты хочешь» – чтобы я была вправе сделать о себе позитивное заявление. И она благодарна уже за то, чем является, что она в сущности есть.

ИЮНЬСКИЕ НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

«И РАССКАЖЕШЬ ТЫ СЫНУ ТВОЕМУ...»

Пророческие слова записаны в пасхальной Агоде: «В каждом поколении обязан человек смотреть на себя так, словно сам он вышел из Египта». Египетский плен нашего поколения был особенно долог и тягостен – более семи десятилетий драконовского режима коммунистических фараонов, от которого российское общество (и, разумеется, евреи как составная его часть) не может очиститься до сих пор. Зловещая тень его перешла из века прошлого в век нынешний. Еще и сегодня кровавый облик усатого «отца народов» угрюмо возвышается над головами участников демонстраций так называемой непримиримой оппозиции. Еще и сегодня бритоголовые юнцы очередным погромом празднуют день рождения самого страшного «фараона» XX столетия, бесноватого фюрера, малюют черные пауки свастики на стенах синагог, оскверняют надгробия еврейских кладбищ. А на Земле Израиля – фараон помельче; трусливо закутав свою омерзительную рожу в куфию, призывает он разделаться с сионистским врагом, сбросить евреев в море, подсылает убийц к нашим братьям, примеривается к святому для нас Иерусалиму. Все это, к сожалению, отнюдь не страшная сказка, а реалии сегодняшнего дня.

Что мы можем противопоставить этим реалиям? Свободный и непокорный дух еврейского народа. Прививку свободы, которую получили мы почти три с половиной тысячи лет назад, когда Всевышний вывел наш народ из Египта. Пасхальный сейдер, ежегодно собирающий нас за праздничным столом в весенний месяц Нисан, – как особый, таинственный знак этой прививки, который мы должны передать нашим потомкам.

«И расскажешь ты сыну твоему...»

В своем праздничном поздравлении главный раввин России Берл Лазар сказал: «На сейдере мы должны пройти вместе с нашими предками, вместе со всеми поколениями нашего народа, вместе со всеми, сидящими за пасхальным столом, нелегкий путь от

рабства к свободе. Мы вместе должны пережить унижения, страдания, страх и обрести освобождение и радость...»

Вот и в нынешнем году десятки тысяч евреев, живущих в СНГ, как и много веков назад, собрались вместе за праздничным столом пасхального сейдера...

Разумеется, мы можем рассказать только о малой части этого безбрежного, неохватного взглядом застолья – от Калининграда до Владивостока – 5762 года.

В еврейскую общину Калининграда поступило четыреста килограммов мацы от организации «Ор Авнер». Уборка хомеца и чистка помещения были проведены с помощью учащихся еврейской школы и членов молодежного клуба. Многие евреи впервые участвовали в сделке по продаже хомеца неевреям. В общине была организована образцовая любавичская мацепекарня. Дети и взрослые учились печь мацу, соблюдая все правила.

Накануне Пейсаха по каналам местного телевидения и радио транслировалось выступление главного раввина Калининграда Давида Шведика с кратким рассказом о предстоящем празднике и теплыми поздравлениями. В общине прошло два пасхальных сейдера – в ресторане Калининградского университета и в помещении общины, в которых приняло участие около двухсот человек.

А в Петербурге праздничные столы были накрыты в большом зале Хоральной синагоги. Там прошел сейдер для представителей финансовых и деловых кругов, организованный председателем СПЕРО М. Грубаргом. Пасхальные сейдеры прошли также в помещении Бейт-Хабат, их провел раввин Цви Пински.

В иудейской общине Выборга тщательную подготовку к празднику возглавили посланники из США Довбер Кохан и Мендл Мишуловен. Перед началом пасхального сейдера все мужчины надели тфилин, для некоторых это было впервые в жизни. Пейсах отметили также евреи города Светогорска и поселка Советский. Всего в пасхальных торжествах приняли участие более трехсот членов выборгской общины.

В Северо-Западном регионе России Пейсах отпраздновали также евреи Архангельска, Великого Новгорода, Северодвинска и Великих Лук.

За несколько дней до начала праздничных торжеств в Брянске прошел региональный семинар с участием председателей и активистов еврейских общин городов Клинцы, Новозыбкова и Унечи. Программой семинара руководил раввин Брянской иудейской общины Ицхак Ройтман.

В городе Унече впервые за все послевоенные годы Пейсах отмечался по всем правилам еврейской традиции. Это стало возможным благодаря помощи Федерации еврейских общин России и Брянской иудейской общины. Ведь Иудейская община Унечи еще только проходит процедуру регистрации. Для организации пасхальных праздников в город прибыли молодые посланники из Австралии и США, которые провели здесь десять дней. В домах нескольких еврейских семей в Унече теперь появились мезузы.

Вот и в общине Белгорода нынешний Пейсах стал первым еврейским праздником, который прошел в полном соответствии с древней традицией. И в этом огромная заслуга посланников из Канады и США.

Посланцы Любавичского Ребе Шломо Адлер и Хаим Янковский из Торонто провели пасхальные праздники в еврейской общине Смоленска, состоявшиеся в банкетном зале гостиницы «Россия», где присутствовали 240 человек. Гости посетили знаменитые Любавичи, небольшой поселок в Смоленской области, святое место для евреев всего мира.

А еврейская община Костромы, как и в прошлом году, отпраздновала Пейсах в загородном пансионате «Березовая роща». Но еще до этого костромичи помогли общинам городов Иваново и Шарья в доставке мацы и кошерного сока. Эти неизменные составляющие пасхальной трапезы были отправлены в Бую, Волгореченск и Нерехту, где также прошли пасхальные сейдеры. Подготовку и проведение праздника Пейсах возглавил недавно приступивший к работе главный раввин Костромы и Костромской области Нисон Руппо.

Весело и кошерно отметили Пейсах в еврейских общинах городов Центрального региона России Владимира, Касимова, Липецка, Суража, Рославля, Курска, Орла, Кинешмы, Удомли, Иванова, Кирова.

В этом году региональная и местная пресса проявила значительный интерес к пасхальным праздникам в еврейских общинах.

Председатель рязанской еврейской общины Леонид Резников и посланники из США Шая Познер и Исроэл Зильберштейн дали интервью государственной телерадиокомпании «Ока». Большая статья, рассказывающая об одном из пасхальных сейдеров в рязанской общине, была опубликована в местном выпуске газеты «Аргументы и факты». О праздновании Пейсаха в Тамбове корреспонденту местной газеты «Наедине» рассказали председатель еврейской общины Исай Мишиев и посланники Давид Бакман из США и Даниел Саундерс из Англии. А еврейская община Калуги в ходе подготовки к Пейсаху выпустила свою собственную праздничную газету.

В Волгограде к празднованию Пейсаха был приурочен очередной выпуск газеты «Шофар Поволжья». Главный раввин Волгограда Залман Иоффе выступил по областному радио в программе «Знакомьтесь: еврейство». В общине прошла также книжная выставка «Все о Пейсахе».

Раввин еврейской общины Тольятти Иегуда Рiske дал интервью местной телекомпании «Лада-ТВ». В канун праздника вышла в эфир небольшая телепередача, посвященная Пейсаху, в которой раввин поздравил евреев города и рассказал о пасхальных традициях. А в один из праздничных дней по местному телеканалу транслировалась часовая программа, составленная из фрагментов писем Любавичского Ребе и комментариев раввина Рiske.

Благодаря широкой городской рекламе на сейдер в Оренбурге, который провел раввин Гозл Майерс вместе со своим братом, приехавшим из Израиля, собрались более 350 евреев. В этом году в Оренбургской еврейской общине было продано более тонны мацы.

Пять пасхальных сейдеров провел Саратовский еврейский общинный центр в первую пасхальную ночь, из них три – в Энгельсе и других городах области. Везде перед началом церемонии было оглашено поздравление губернатора Дмитрия Аяцкова.

В Йошкар-Оле на праздничном сейдере, который прошел в ДК имени Ленина, в качестве почетного гостя присутствовал мэр Владимир Сарков.

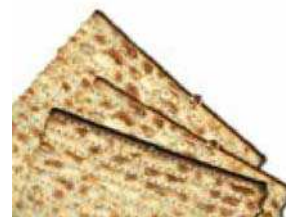
С большим размахом прошли пасхальные праздники в Татарстане. 28 сейдеров для более чем полутора тысяч евреев провели молодые волонтеры казанской еврейской общины, и в том числе в городах Зеленодольске, Дербышках, Чебоксарах. В подготовке и проведении праздника приняли участие пятьдесят «мадрихов» и координаторов. С помощью казанских волонтеров в рамках проекта «Пасхальный сейдер у тебя дома» впервые отметили Пейсах евреи Нижнекамска. Здесь в теплой домашней обстановке в гостях у одного из членов общины на сейдер собрались около 20 человек.

Праздничные пасхальные торжества прошли также в приволжских городах Самаре, Ульяновске, Новокуйбышевске, Ижевске, Набережных Челнах, Балашове, Волжском, Светлом Яре, Астрахани, Сызрани, Уфе. Во многих еврейских общинах Поволжья руководство в подготовке и проведении сейдеров взяли на себя посланники Любавичского Ребе. А в городах Южного региона Анапе, Владикавказе, Шахтах, Нальчике, Пейсах прошел при активном участии членов еврейского студенческого движения «Гилель».

В некоторых городах Урала и Сибири в торжественных вечерах участвовали представители не только местной и областной, но даже федеральной администраций.

На первом пасхальном сейдере в ресторане «Свердловск» Екатеринбурга собрались свыше тысячи человек. Среди почетных гостей праздника были полномочный представитель президента России в Уральском федеральном округе П. М. Латышев, заместитель председателя правительства Свердловской области С.И. Спектор, генеральный консул США в Екатеринбурге Дейл Эпплер, деятели культуры и науки, представители деловых кругов города.

Перед началом пасхальной церемонии выступили артисты Екатеринбургского государственного театра музыкальной комедии.

В своем выступлении П.М. Латышев сказал, что Пейсах, праздник освобождения от рабства, праздник свободы, символичен для всех россиян, строящих

демократическую страну. Он пожелал еврейскому народу, всем россиянам мира, добра и счастья в великой России. С.И. Спектор передал еврейской общине поздравления с праздником от губернатора Свердловской области Э.Э. Росселя и областного правительства. Глава городской администрации А.М. Чернецкий прислал поздравление евреям с кошерным и веселым праздником Пейсах, пожелал общине города счастья и успехов.

Главный раввин Екатеринбурга и Свердловской области Зелиг Ашкинази произнес пасхальные благословения.

Репортажи о празднике были показаны по всем каналам местного телевидения, подробная информация опубликована в городских и областных газетах.

Представители областной администрации побывали в гостях и на сейдере еврейской общины Новосибирска. С приветствиями к собравшимся обратились работники областных министерств и ведомств, заслуженные люди города, руководители предприятий, бизнесмены. Было оглашено праздничное поздравление мэра города В.Ф. Городецкого. Пасхальный сейдер провел главный раввин Новосибирска и Новосибирской области Шнеур-Залман Заклас.

Он же руководил первым в истории сейдером в легендарном Академгородке.

На праздничный вечер в Братске, который прошел в кафе «Братскгэсстрой», были приглашены представители городской администрации. Репортаж о празднике был дважды показан по местному телевидению.

А в Абакане посланники из США Шломо Кохан и Исроэл-Йосеф Кохан побывали в домах членов еврейской общины, познакомились с экспозицией музея и были приняты председателем правительства Хакасии Алексеем Лебедем. Гости подарили музею старинный молитвенник и предметы иудейской атрибутики. В свою очередь Алексей Лебедь преподнес гостям фотоальбомы «Хакасия». О пребывании гостей в Абакане рассказала местная пресса.

В преддверии Пейсаха мэр Красноярска Петр Пимашков принял красноярского раввина Бенъямина Вагнера и президента еврейской религиозной общины А. Шпильберга. Мэр города тепло поздравил гостей с наступающим праздником и передал поздравление членам общины. После заинтересованного разговора о делах в еврейской общине города и ФЕОР гости в качестве подарка вручили мэру мацу и бутылку кошерного вина.

Интересно и содержательно прошли праздники и в других больших и малых городах Уральского и Сибирского регионов России – Магнитогорске, Полевском, Верхней Пышме, Новоуральске, Ревде, Каменск-

Уральском, Нижнем Тагиле, Омске, Норильске, Кемерове, Новокузнецке, Бийске, Прокопьевске, Юрге.

Более семисот членов общинных клубов и объединений приняли участие в праздновании Пейсаха в Биробиджане. В Дальневосточном регионе Пасхальные сейдеры и вечера прошли также в еврейских общинах Комсомольска-на-Амуре, Арсеньева, Петропавловска-Камчатского, Благовещенска, Якутска.

Празднику Пейсах был посвящен семинар в Хабаровске, организованный при поддержке ФЕОР. В семинаре участвовали представители еврейских общин Дальнего Востока – Южно-Сахалинска, Партизанска, Находки, Артема, Спасска-Дальнего и других городов.

Праздничный сейдер для бизнесменов Хабаровска прошел в ресторане «Али», его провели раввин Яков Снетков и председатель общины Марк Аршинский. Репортаж о праздновании Пейсаха был показан по двум каналам местного телевидения. Молодежь хабаровской еврейской общины организовала сейдеры для евреев городов Вяземский, Бикин и поселка Переяславка.

В еврейскую религиозную общину Уссурийска прибыли посланники Леви Броуд из США и Симха Заджак из Бразилии. Особое внимание они уделили работе с детьми. Многие мужчины впервые выполнили заповедь возложения тфилин и научились читать молитвы.

В Магадане в формате регулярной телепередачи «Беседы о еврейской Библии» прозвучал рассказ о Пейсахе. На местном радио транслировалась получасовая программа «Венок еврейских мелодий». А в программе «Монитор» городского телевидения был показан репортаж о проведении пасхального сейдера в еврейской общине. Информацию о праздновании Пейсаха поместила на своих страницах газета «Магаданская правда». А во Владивостоке перед праздником Пейсах приморское телевидение транслировало по всем местным телеканалам интервью с председателем еврейской религиозной общины Владимиром Янкелевичем.

Чтобы оценить масштаб празднования Пейсаха на Украине, нужно представить, что только члены еврейской общины Днепропетровска приобрели свыше 8 тонн кошерной мацы, и еще десятки тонн были розданы пожилым людям через сеть Хеседов как подарок к празднику. Около восьми тысяч человек пришли на общественные сейдеры в еврейские организации Днепропетровска в первый и второй дни праздника в Хоральную синагогу «Золотая Роза», школу «Ор Авнер Хаблад-Любавич», пансионаты для мальчиков и для девочек, женское педагогическое училище «Бет Хана», Общинный центр и «Хесед Менахем». А количество евреев, отметивших праздник у себя дома, просто не поддается определению. Не зря Днепропетровск называют городом Ребе: ведь именно здесь прошли детские и юношеские годы рабби Менахема-Мендла Шнеерсона. Днепропетровская еврейская община, Федерация еврейских общин Украины и Объединение иудейских религиозных общин Днепропетровского региона организовали пасхальные сейдеры в Днепродзержинске, Кривом Роге, Кировограде, Черкассах, Смеле, Никополе, Новомосковске, Желтых Водах, Павлограде, Каневе, Соленом, Терновке, Синельникове, Умани, Знаменке. В общественных сейдерах региона приняли участие около шести тысяч человек.

Стало доброй традицией в преддверии праздника устанавливать во дворе общинного центра мацепекарню. В этом году даже ребята из еврейского детского сада приняли участие в выпечке мацы.

И еще одна добрая традиция, родившаяся в последние годы у евреев Украины, – пасхальные лагеря для детей и молодежи. В этом году в Днепропетровском регионе работали два таких лагеря – училища «Бет Хана» и детской организации «Цивос Гашем».

В Донецке в преддверии праздника Пейсах в синагоге собрались члены Донецкой группы Международного украинского союза участников войны (МУСУВ). В

молитвенном зале перед собравшимися выступили председатель донецкой областной еврейской общины Йегуда Келерман и директор общины раввин Аарон Вагнер, передавший им праздничные поздравления от главного раввина Донбасса Пинхаса Вышецкого и президента Украины Леонида Кучмы. С ответным словом выступил председатель группы ветеранов МУСУВ Моисей Деглин. Ветеранам была вручена маца.

В этом году 16 тонн мацы с печатью главного раввина Донбасса Пинхаса Вышецкого было завезено в донецкую синагогу. Общественные пасхальные сейдеры были организованы во всех городах, общины которых входят в Объединение еврейских общин Донбасса. В Донецке, Макеевке, Мариуполе, Славянске и Артемовске их провели молодые посланники Любавичского Ребе, приехавшие из Израиля. Более 3,5 тысяч человек приняли участие в пасхальных сейдерах, которых только в Донецке было десять. Прошли сейдеры для детей, родителей и учителей общеобразовательной еврейской школы №99 «Ор-Менахем» и еврейского детского сада, для молодежи и для ветеранов. Руководитель ешивы «Томхей-Тмимим» раввин Арье-Лейб Каминштейн провел у себя дома сейдер для студентов ешивы, а главный моэл Украины Яков Гайсинович – для девушек, учениц махона «Хана».

Веселый пасхальный праздник был организован детским клубом «Цивос Гашем». Для еврейских детей Донецка чрезвычайно полезной оказалась сама подготовка к празднику: и в еврейской школе, и в детском саду дети своими руками пекли мацу.

Вообще дети были в центре праздничных событий во многих общинах СНГ.

О том, как прошли пасхальные праздники в рижской школе «Хабад-Любавич» нам написала Нана Вайнберг: «В школе открыта мацепекарня, чтобы каждый ребенок мог увидеть процесс изготовления мацы от начала до конца и попробовать испечь ее своими руками. А в компьютерном зале школы работает программа “Пасхальная Агода”, в актовом зале проходит учебная программа “Как правильно провести сейдер” и пасхальные игры. Кроме этого, каждый класс должен изготовить макет одной из египетских казней. Наконец, все садятся за празднично накрытые столы: здесь и воспитанники детского сада, и школьники, и родители, воспитатели, учителя и, конечно, гости. Начинается первый пасхальный сейдер. Шаг за шагом, скрупулезно соблюдая традицию, раввин Мордехай Глазман выводит всех его участников из египетского рабства к свободе...»

Второй сейдер был организован Хабладом для учащихся ульпана еврейского агентства «Сохнут» и их семей. Пасхальные сейдеры проходили и в других городах Латвии – Юрмале, Лиепае и Резекне. Из США для этого специально приехали шестеро молодых посланников. Всего было роздано четыре тонны мацы, а шестьсот человек получили праздничные продуктовые наборы.

Чудо на Пейсах – дело обычное. Так что воспользуемся случаем, чтобы в один миг перенестись из центра Европы в Азию, в Казахстан.

В канун Пейсаха в Алматы съехались посланники Ребе, которые провели пасхальные сейдеры в крупных городах республики Актобе, Караганде, Костаная, Кокшетау, Таразе и Шымкенте под эгидой Ассоциации еврейских общин Казахстана. А во главе алматинских сейдеров встали председатель Ассоциации раввин Иосеф-Меир Шейнер, президент еврейского учебно-воспитательного комплекса раввин Шевах Златопольский и заместитель директора комплекса раввин Зеев Виноградов. В праздничных трапезах приняли участие более 500 человек – от воспитанников еврейского детского сада и учеников еврейской школы до ветеранов общины. Самым юным

участником праздника стал недавно родившийся в Израиле месячный сын молодой четы Шейнер, которого мама привезла в коляске. Первенца назвали Леви-Ицхоком в честь отца Любавичского Ребе рабби Леви-Ицхока Шнеерсона, сосланного в Казахстан.

Да не прервется нить поколений наших от Авраама и Ицхака. Воистину: «И расскажешь ты сыну твоему...»

יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

מִיָּאָה אֵלֵינוּ

עֵת דְּבָרֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

СВЯЩЕННАЯ ПАМЯТЬ

Сто лет назад на земле появился человек, который сумел увидеть искру в душе каждого еврея и понять, что из этой искры можно зажечь яркий свет иудаизма. Этим человеком был Любавичский Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон, глава всемирной организации «Хабад-Любавич», наставник целого поколения евреев. Ему, а также десятилетию деятельности его посланников в Латвии, супругов Глазман, был посвящен праздничный концерт, который состоялся в Большой аule Латвийского университета в Риге.

Программу торжества открыл артист театра русской драмы, народный артист Латвии Яков Рафальсон, сказавший очень значимые слова: «Евреи со своим стремлением к справедливости являются загадкой истории». Потом слово взял раввин «Хабад-Любавич» Мордехай Глазман, который, вместе со своей супругой Ривкой, стоит у истоков движения Хабада в Латвии. Именно они десять лет назад были посланы Ребе зажечь яркий свет в душе каждого латвийского еврея. И Глазманы с честью справились с этой задачей. За эти годы в Риге много сделано для того, чтобы евреи вновь обрели свои духовные традиции: открыты национальные детский сад и школа, работают зимний и летний детские лагеря, проводятся благотворительные акции. Впервые в Латвии открыт магазин предметов иудаики и национальной кухни, работают всевозможные семинары и воскресная школа, действует Ассоциация еврейских учителей и многое-многое другое.

Потом выступил почетный гость праздника главный раввин России Берл Лазар. Он очень тепло и проникновенно говорил о Любавичском Ребе, о том, что Ребе умел любить ближнего как самого себя, верил сам и вселял веру в других.

В программе концерта, организованного фондом Германа Браумана, звучала еврейская музыка и песни в исполнении Илзе Урбане (флейта), Яниса Булавса (скрипка), Ивара Беспрозванова (виолончель), Инны Давыдовой (фортепьяно), а также мужской группы Государственного академического хора «Латвия».

С приветственным словом обратились к собравшимся председатель рижской еврейской общины Аркадий Сухаренко и председатель рижской религиозной общины Давид Коган.

В заключение были показаны кадры кинохроники: зрители увидели на них самого Ребе, который в течение пятидесяти лет неустанно трудился, чтобы сплотить всех вокруг единственного огня, согревавшего нас тысячелетия, – пламени Торы.

А несколько часов спустя гости собрались в красивом зале «Daugava» гостиницы «Radisson» на праздничный ужин. Среди гостей были министр иностранных дел Латвии Индулис Берзиньш, депутаты Сейма Латвийской Республики, посол США Бриан Карлсон, посол Государства Израиль в странах Балтии Авраам Беньямин, главный раввин Эстонии Шмуэл Кот, руководители еврейских общин Латвии, известные бизнесмены и, конечно, почетный гость праздника главный раввин России Берл Лазар.

Открывая торжественную часть вечера, р. Берл Лазар еще раз поздравил всех с праздником... На столах перед каждым гостем – двадцатый псалом, который все вместе, повторяя слова за раввином Давидом Мондшайном, читают во имя мира в Израиле.

После этого собравшимся был показан фильм о деятельности Хабада в Латвии за прошедшие десять лет. И вот гости слышат первые такты любимой песни «Ясе шалом» – на сцене школьный хор. Смотришь на этих малышей и понимаешь, что это и есть будущее еврейского народа. В них, в своих детях, мы видим подтверждение слов Ребе о важности традиционного образования и поддержания еврейского духа в семье...

В заключение раввин Мордехай Глазман благодарит всех, кто на протяжении этих десяти лет поддерживал Хабад не только морально, но и материально.

День подходит к концу, но жизнь продолжается: в большие и малые города приезжают новые посланники, открываются новые еврейские школы, приходят в школы новые ученики, налаживаются связи и контакты. Все это – подтверждение того, что память о человеке, сделавшем так много для еврейства, священна. Она остается в сердцах людей, руководит и поныне их мыслями, чувствами и поступками.

יְיָ אֱלֹהֵינוּ

ЧУДО ЕДИНЕНИЯ

Празднование дня рождения главы нашего поколения рабби Менахема-Мендла Шнеерсона в Днепропетровске всегда проходит особенно тепло. Ведь именно в нашем городе провел свои детские и юношеские годы Любавичский Ребе. Весь минувший год проходил под знаком большого праздника – столетие со дня рождения Ребе, и концерт,

который состоялся в Хоральной синагоге «Золотая Роза», стал достойным финалом этих празднований.

Днепропетровская еврейская община сделала все возможное, чтобы этот день запомнился евреям как день радости и света. Зал Хоральной синагоги был переполнен. И главный раввин Днепропетровска Шмуэл Каминецкий в своем выступлении отметил, что даже огромная синагога «Золотая Роза» не в состоянии вместить всех желающих участвовать в торжестве. Программа концерта, подготовленного еврейской общиной Днепропетровска, школой «Ор Авнер Хаблад-Любавич», днепропетровской ешивой, еврейским детским садом, общинным центром и творческим коллективом еврейской телепрограммы «Алеф», была насыщенной и разнообразной. Увлекательный видеофильм, рассказывающий о жизни и деятельности рабби Менахема-Мендла Шнеерсона, стал прекрасным прологом праздника. И вот на сцене появляются всеми любимые творческие коллективы нашей общины: хор мальчиков «Пирхей Украина», театр хасидской притчи «Блуждающие звезды», детский скрипичный ансамбль «Фиделе», хор ветеранов «Бейт-Барух».

В этот праздничный день в синагогу пришли мэр Днепропетровска И.И. Куличенко и заместитель председателя областной администрации С.А. Бычков, которые сказали много теплых слов в адрес еврейской общины города. А блестящим завершением праздника и подлинным сюрпризом для всех стало появление в зале Хоральной синагоги большого друга общины, нашего земляка, почетного гражданина Днепропетровска, народного артиста СССР Иосифа Кобзона. Любимые песни – от еврейских, знакомых с детства, до гимна Днепропетровска, вместе со знаменитым певцом пел весь зал. И в этом единении евреев в переполненном зале восстановленной Хоральной синагоги «Золотая Роза» было то Чудо Еврейского Возрождения, о котором говорил Любавичский Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон.

Рַעַיָּ נֶאֱדַעַ

«ДЕЛО ВОЗРОЖДЕНИЯ ЕВРЕЙСТВА В НАДЕЖНЫХ РУКАХ...»

На вопросы журнала «Лехаим» отвечает главный раввин Волгограда и Волгоградской области Залман Иоффе Реб Залман, вы репатриант Большой алии 90-х годов. Что послужило причиной вашего решения уехать в Израиль? Как вы стали раввином? И вообще, расскажите, пожалуйста, о себе.

Родился я в Днепропетровске. Но до восемнадцати лет жил в Западной Украине, в Ивано-Франковске. В конце 80-х годов, когда во всем почувствовалось дыхание свободы, подули «ветры перемен» и уже многое «стало можно», в том числе и быть евреем, в моей душе с огромной силой стали пробуждаться чувства, которые всегда звучали в каждом еврейском сердце, но прежде были глубоко скрыты. Это выразалось в желании утолить страшную жажду во всем, что касалось «идишкайт». Естественно, что у меня тут же возникло большое желание вернуться на свою историческую родину. Сделать алию. Но перед отъездом на уроках иврита я познакомился с моим первым учителем Мойше Колесником, который и открыл для меня ворота иудаизма. По его рекомендации в 1990 году я приехал в Москву и поступил в ешиву «Томхей Тмимим» в Марьиной роще. Это и определило мою дальнейшую судьбу. Через полгода во время конфликта в Персидском заливе я осуществил свою мечту и вернулся в Израиль. Там я продолжил учебу в ешиве города Цфат.

Где вы познакомились с вашей супругой, ребецн Яэль, в России или Израиле?

Через три года жизни в Израиле меня призвали в ЦАХАЛ. Отслужив в армии и вернувшись домой, я узнал, что раввин Ицхок Коган из Москвы ищет помощника для работы шойхетом. К тому времени я уже освоил эту специальность и решил, что следует принять это полезное и интересное предложение. Работы было много, я очень уставал, но это не помешало мне выйти на шидух с девушкой Яэль, которая в то время училась в московском махоне. Через несколько встреч мы были готовы создать новую еврейскую семью. После хупы я забрал Яэль в Израиль. Мы поселились в Цфате. Я продолжил учебу, а Яэль пришлось осваиваться на новом месте.

Какие обстоятельства подвигли вас к возвращению на работу в Россию? Это произошло, как говорится, по долгу службы или по вашему личному выбору?

Однажды у нас дома зазвонил телефон. Говорил раввин Берл Лазар. В нескольких коротких фразах он объяснил мне, что предлагает поехать посланником в Россию. Нас в ешиве всегда воспитывали в духе готовности к такой работе. Естественно, что я тут же согласился. Раввин Берл спросил, куда я хотел бы отправиться, и назвал Казань, Самару и Нижний Новгород. Я задумался. Но раввин не любит пауз, он сразу подвел черту: «Тогда езжай в Нижний Новгород». Так в 1996 году я вновь оказался в России.

В мае исполняется три года, как вы с семьей живете и работаете в Волгограде. Какие проблемы вам приходилось решать на первых порах? Какие изменения произошли в общине за этот период? Расскажите, пожалуйста, о наиболее масштабных проектах вашей общины, которые уже реализованы или находятся в процессе реализации.

Через три года работы в Нижнем Новгороде раввин Лазар предложил мне оставить обжитое место и переехать в город, где в ту пору еще не было активной еврейской жизни. И вот мы в Волгограде...

Понятно, что не все вначале шло гладко. У нас были ужасные условия жизни: в квартире, которую мы сняли, все сыпалось и ломалось; чудом не сгорели из-за поломанной газовой колонки. При этом приходилось целыми днями бегать в поисках помещения для общинного центра. Но уже через месяц все стало утрясаться, и мы даже умудрились провести летний городской лагерь для 35 детишек. Б-г помог найти и помещение, в котором мы смогли сделать первые решающие шаги. Там начали собираться евреи на молитву; до этого их пристанищем был офис местного отделения Еврейского агентства в России. Во главе этой неформальной группы стоял замечательный и преданный еврейству человек – Давид Ильич Колотилин. После регистрации волгоградской еврейской религиозной общины он стал ее председателем. Отметив праздники месяца Тишрей, мы «с разбега», не сбавляя темпа, занялись организацией одного из важнейших в формировании нормальной общинной жизни проекта – «семейного лагеря». Ситуация была непростой. Нам необходимо было найти: еврейские семьи, место для проведения лагеря и деньги. В тот раз нам очень помог благотворительный фонд «Джойнт», оплатив 80% расходов. Место нашлось в Подмоскowie в лагере «Ган Исроэл» при МЕОЦе. Каким-то чудом на пустом месте вдруг «оказались» 14 алохических семей, и семинар был проведен. В результате шестеро мужчин прошли обряд обрезания, а в общине образовался очень активный семейный клуб, который и стал ядром всей общинной жизни.

Семинар состоялся в январе, а в феврале нам предложили открыть в Волгограде еврейскую школу. После нескольких месяцев сумасшедшей работы, к которой подключились энтузиасты, мы поздравляли друг друга с открытием школы «Ор Авнер». 1 сентября 2000 года 55 еврейских детей пришли на занятия в арендованные классы обычной городской школы во вторую смену. Но уже в 2001 году мы перешли в свое помещение. Еще через год был открыт и еврейский детский сад. Сейчас мы ремонтируем второе здание. И очень надеемся, что к сентябрю с Б-жьей помощью вопрос размещения сада и школы, наконец, благополучно разрешится созданием собственного учебного комплекса. Радует, что школа наша – элитная, с очень высоким уровнем обучения. Дети учатся с удовольствием и с радостью приобщаются к своим национальным ценностям. Поэтому-то и количество школьников сейчас в два раза больше, чем в первый год.

Естественно, воспитанием детей мы не ограничиваемся, работаем также с молодежью. Уделяем много внимания и пожилым.

Волгоград, как известно, расположен в так называемом «красном поясе» России, где у коммунистов сохраняется значительное влияние. Как складываются ваши взаимоотношения с городской и областной администрациями, с представителями других национальных и религиозных общин?

Однажды, в первые дни после приезда в город, на улице меня остановил пожилой еврей. «Ты знаешь, куда ты приехал? – сказал он. – Это же “красный пояс”! То, что ты делаешь, приведет к погромам. Уезжай сейчас же». Такая же реакция была у евреев на наши объявления в средствах массовой информации о проведении праздников и концертов. Звонили люди и умоляли не делать этого. Они боялись. Но мы продолжали работать, как привыкли работать в Нижнем Новгороде. Могу сказать, что враждебности мы не чувствовали. Но была настороженность: а кто они такие и чего можно от них ожидать. Постепенно к нам привыкли, и не только евреи. В администрациях города и области стали общаться с нами спокойнее и свободнее. А после открытия школы и детского сада почувствовали, что община приобрела, наконец, вес и значимость. Наши обращения в администрацию всегда рассматриваются благожелательно, и я не помню случаев отказа или игнорирования наших проблем.

Хочу особо отметить грамотную политику органов государственной власти и местного самоуправления по укреплению доверия и толерантности в разрешении конфликтов между людьми различных национальностей. Постоянно проводятся встречи за чашкой чая между руководителями диаспор. Совсем недавно по радио транслировали информацию о встрече, в ходе которой за круглым столом собрались руководители греческой и афганской общин, а также раввин. А вскоре в Волгограде будет посажена «Аллея дружбы народов». В проекте областной администрации выпуск передач на телевидении и радио с нашим участием. Община и общинный центр хорошо позиционированы в городе и регионе. Мы работаем в тесном контакте с такими важными подразделениями, как Комитет по делам национальностей и казачества областной администрации и Комитет социально-политических связей администрации Волгограда. Нам повезло, что среди работников этих комитетов есть такие разумные, интеллектуальные, в высшей степени знающие и ответственные люди, как, например, Алексей Александрович Суслов, заместитель председателя Комитета по делам национальностей и казачества администрации Волгоградской области.

Сейчас полным ходом идет процесс возвращения синагоги, и надеемся праздник Рош а-Шона встретить в родных стенах.

Ваша супруга ребецн Яэль возглавляет волгоградский еврейский общинный центр. Что это за организация? Как она взаимодействует с общиной, которую возглавляете вы?

Яэль в Нижнем Новгороде занималась адвокатской деятельностью, и при переезде в Волгоград ее опыт юриста и организатора очень пригодился. Она активно включилась в работу, и основная нагрузка легла на ее плечи. Это помогло мне больше времени уделять работе с людьми. Яэль зарегистрировала все наши организации, в том числе общинный центр, который она и возглавила. Спектр вопросов, которые решает Яэль, огромен. Кроме повседневной общинной работы, она активно участвует в борьбе с проявлениями антисемитизма на правовой основе. Конечно, мы не одни. Все добрые дела

совершаются с помощью замечательных людей, которые работают в центре или помогают в качестве волонтеров. Когда видишь их энтузиазм, веришь, что дело возрождения еврейства в надежных руках.

Общинный центр и религиозная община сотрудничают очень тесно и плодотворно, ведь цели у нас одни.

В Южном округе России расположены крупные города с большими еврейскими общинами. Как вы с ними взаимодействуете?

Работа по взаимодействию между общинами только начинается. Есть проекты, которые нужно осуществить, но пока нет на это средств. В первую очередь я вижу необходимость проведения серии семинаров по еврейской традиции для молодежи из городов региона. Это даст колоссальный импульс в работе. Я считаю, что пока эта работа в зачаточном состоянии. Хотя потенциал в регионе огромный.

Многие в Израиле полагают, что «русские» евреи – это, прежде всего, резерв израильской алии. Так ли это? Есть ли перспективы у российского еврейства как части мирового еврейского сообщества?

Не думал над этим. Передо мной стоит конкретная цель – возрождение еврейской общины Волгограда. Все силы и мысли стараюсь концентрировать на этом. Рассуждать о глобальных отвлеченных вещах просто не хочется – я человек действия.

Действие само по себе предполагает оптимистическое решение. «Возрождение еврейской общины» и есть ваш ответ...

Спасибо. Надеемся на новые встречи на страницах нашего журнала.

ПРАЗДНИК ДУШИ

Настоящим подарком еврейской религиозной общине Уссурийска стало выступление клейзмерского ансамбля «Ноар», состоявшееся в канун столетия со дня рождения Любавичского Ребе. За все недолгое время существования нашей общины (ей чуть больше года) встреча с еврейским музыкальным коллективом состоялась впервые. Организаторами концерта стали Федерация еврейских общин России и еврейский религиозно-культурный общинный центр Владивостока.

В еврейской общине Костромы приступил к работе раввин Нисон Руппо. Состоялась его встреча с мэром города Борисом Коробовым, на которой обсуждалась перспектива дальнейшего развития общины, в частности организация работы еврейских детского сада и школы. Мэр обещал подыскать для этого помещение недалеко от синагоги, а также в ближайшее время решить вопрос о передаче общине бывшего дома раввина, ныне занятого под хозяйственные нужды муниципальными органами. В беседе с мэром были также затронуты вопросы непрекращающихся антисемитских выходок молодежных экстремистских группировок.

Дело в том, что после возвращения из пансионата «Березовая роща», где члены еврейской общины Костромы праздновали Пейсах, нас ждал очень неприятный «сюрприз». Ночью группа молодежи из шести человек в возрасте около шестнадцати лет совершили очередной акт вандализма: на фасадной стене синагоги были намалеваны свастика и оскорбительные антисемитские надписи. В результате предпринятых мер событие получило широкий международный резонанс. Возбуждено уголовное дело, милиция и ФСБ ищут вандалов.

В областной администрации под председательством вице-губернатора Сергея Галицкого прошло совещание представителей общин малых народов, проживающих на территории Костромской области. В работе совещания приняли участие главный раввин Костромы Нисон Руппо и председатель городской еврейской общины. На нем присутствовали представители силовых структур областной администрации. Руководители ФСБ и УВД области заверили собравшихся, что лица, которые недавно осквернили здание синагоги, установлены и будут привлечены к уголовной ответственности. Впрочем, все присутствующие согласились, что одними карательными мерами проблему ксенофобии решить невозможно; необходимо всерьез заняться досугом и воспитанием молодежи. Раввин Нисон Руппо предложил внести этот вопрос на рассмотрение участников совещания, инициатива раввина была безоговорочно поддержана всеми присутствующими. Достигнута также договоренность сделать подобные встречи более частыми и регулярными, чтобы оперативно решать возникающие межнациональные проблемы на областном уровне.

Вместе с тем проблема национализма и ксенофобии не воспринимается властями области с должной серьезностью. Надписи на стенах синагоги пришлось закрасить нам самим, никто не подумал хотя бы извиниться перед общиной города. В апреле в газете «Северная правда» появилась очень злобная статья «В поисках свастики», в которой автор с сарказмом пишет о проблеме национализма, что, мол, бороться-то не с чем, евреи сами все придумывают. Любопытный факт: жена автора статьи возглавляет департамент печати и средств массовой информации областной администрации. Странно, не правда ли?..

ГУБЕРНАТОР ПОЛУЧИЛ В ПОДАРОК МАЦУ И ЕВРЕЙСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

В преддверии праздника Пейсах состоялась официальная встреча главного раввина Калининграда и Калининградской области р. Давида Шведика с главой администрации Калининградской области Владимиром Егоровым. Во встрече принимали участие председатель еврейской общины Калининграда Яков Азимов и другие видные представители еврейской диаспоры. В ходе встречи, которая продолжалась около полутора часов, еврейские руководители рассказали губернатору о различных направлениях деятельности общины. Владимир Егоров с вниманием выслушал рассказ о религиозной, культурной, образовательной и благотворительной работе. Он проявил заинтересованность в скорейшем строительстве городской синагоги, которую община планирует восстановить в ближайшее время. В ходе беседы были также затронуты проблемы антисемитизма в Калининградской области. Встреча прошла в теплой и дружеской обстановке. Губернатору была подарена израильская маца, еврейский календарь и последний выпуск общинной газеты «Симха», которая очень понравилась Владимиру Григорьевичу.

אַעֲרִיב אֶד אֶעֱמִיעַ

КОШЕРНЫЙ СЫР ИЗ ГУЛЯЙ-ПОЛЯ

Узнав, что еду в Москву, мои московские друзья не удержались от просьбы: а не привезешь ли нам головку сыра? Шутка показалась неуместной: давно прошли времена, когда в поисках продуктов жители одних городов мобилизовали эмиссаров в другие. Но даже и в те годы – везли оттуда, из Москвы...

Оказалось, что это была не шутка. Дело в том, что «Укркошер», которому нет и года, впервые на территории СНГ изготовил кошерный твердый сыр. А до этого под маркой «Укркошера» появились кошерные молочные продукты: масло и молоко, кефир и ряженка, сметана и йогурт. А также (не в ту же строку будет сказано) кошерное мясо кур и индеек. А еще кукурузные палочки и крекеры. И все эти продукты у украинских евреев (и не только евреев) сразу стали пользоваться повышенным спросом.

Прежде своего кошерного сыра на Украине не производили, его привозили из израильско-американских далей. Оно и понятно: технология изготовления сыра требованиям кашрута не отвечала самым вопиющим образом. Известно, что для изготовления твердых сыров используется сычужный – пищеварительный – фермент, взятый из коровьего желудка, благодаря которому творог отделяется от сыворотки. Естественно, фермент этот некошерный. Еврею такой сыр есть нельзя. Но «Укркошер» нашел сычужному ферменту достойный заменитель – бактериальную закваску, разумеется, кошерную и очень полезную для здоровья. Между прочим, качество сыра от этого заметно повысилось.

Но все это было позже. Следовало еще разыскать завод, на котором этот сыр мог бы производиться в полном соответствии с требованиями кашрута. Но ни в самом Донецке, где находится «Укркошер», ни в Донецкой области заводов по изготовлению сыра нет вообще. За пределами области экзамен на кошерность сдавали десятки заводов, но получилось только у одного – у Гуляй-Польского объединения по изготовлению сыропродуктов, что в селе Павловка Днепропетровской области. Далее тщательно, по специальной схеме, откошеровали оборудование. Для этого на пару дней даже пришлось остановить завод. Сыровары Павловки к еврейской традиции отнеслись с уважением, «еврейским причудам» не удивились, и с первых же дней сотрудничества «Укркошер» понял, что Павловка – это всерьез и надолго.

Кошерному сыру без кошерного молока не обойтись. А значит, коров должны доить сами евреи или, по крайней мере, наблюдать за дойкой. Понятно и без комментариев, что сами коровы должны быть абсолютно здоровы. А это сейчас, увы, большая редкость. Поэтому у «Укркошера» не заемное, а собственное – отборное – стадо...

В Павловку приехал главный раввин Донбасса и председатель Всеукраинского совета по кашруту Пинхас Вышецкий. Своими руками приготовил закваски. И дело пошло...

Первые четыреста килограммов кошерного сыра разлетелись по стране в считанные дни. С учетом многочисленных заявок была изготовлена новая партия сыра. Потом еще одна, и еще. Планируется, что в дальнейшем его продажа будет бесперебойной. А потребности еврейского рынка диктуют новый перечень продуктов питания, к изготовлению которых «Укркошер» приступит уже в ближайшее время. И первые в этом списке – растительный маргарин и майонез.

А сыр в Москву я таки доставил...

ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ ЛИТОВСКОГО ЕВРЕЙСТВА

Новая выставка документов по истории литовского еврейства проедет по Литве. А начала она свою работу в Государственном еврейском музее Вильнюса. Экспозиция, рассказывающая о прошлом еврейства начиная с 1370 года, будет показана в восьми литовских городах. Создание этой выставки стало возможным благодаря тому, что правительство Голландии пожертвовало 8 000 долларов и выделило еще 4 000 долларов на создание фильма об истории еврейского гетто Вильнюса.

ПОСЛАНИЦА «ЯД ВАШЕМ» НА УКРАИНЕ

Днепропетровск с циклом лекций посетила сотрудница музея «Яд Вашем» Шломит Разумная. Она встречалась с учащимися школы «Ор Авнер Хабад-Любавич», с воспитанницами женского педагогического училища «Бет-Хана», с ветеранами. Шломит рассказала о работе «Яд Вашем», истории его создания и перспективах развития, о той огромной исследовательской и гуманитарной работе, которую ведут сотрудники мемориала, а также ответила на вопросы аудитории.

БРАТСКАЯ ПОМОЩЬ

Синагога «Бейт-Эль» Мерилленда собрала 7 500 долларов на оплату системы безопасности в синагоге Костромы. Денег хватит на установку охранной сигнализации и строительство ограды вокруг здания. Эта синагога в прошлом году пострадала от пожара и неоднократных актов вандализма, которые продолжаются и по сей день.

ПЕРВЫЙ КОШЕРНЫЙ РЕСТОРАН В ДНЕПРОПЕТРОВСКЕ

Состоялась презентация еврейского ресторана «Кидуш». Это единственный ресторан, который получил сертификат кошерности, выданный главным раввином Днепропетровска Шмуэлом Каминецким. Директор ресторана А. Ларин видит «Кидуш» местом встреч и общения, куда можно прийти с семьей и друзьями пообедать и поужинать, послушать хорошую музыку в дружеской атмосфере. В меню ресторана традиционные ашкеназские блюда и блюда израильской кухни – от домашних, приготовленных, как говорится, «по рецептам бабушки», до изысканных, способных удовлетворить вкус самого придирчивого гурмана. На презентации также были представлены особые программы ресторана «Субботняя трапеза», «Бизнес-ланч», «Кидуш на праздник».

«ВОСХОДЯЩАЯ ЗВЕЗДА»

В Кривом Роге прошел отборочный тур регионального еврейского музыкального фестиваля детского и юношеского творчества «Восходящая звезда». Вот уже пятый год коллективы общинных центров региона представляют свое творчество на суд зрителей и строгого жюри. В празднике приняли участие музыкальные коллективы и солисты, а также танцевальные ансамбли и дуэты из Кривого Рога, Днепропетровска, Днепродзержинска, Кременчуга, Павлограда и Новомосковска. Для многих ребят это выступление было дебютом. Все делегации, участвовавшие в фестивале, были награждены дипломами и подарками.

НЬЮ-ЙОРКСКАЯ ЕВРЕЙСКАЯ ШКОЛА ЧЕСТВУЕТ УЗБЕКСКОГО ПРЕЗИДЕНТА

В «Институте Беер-агола – Центре российского еврейства» – крупнейшем американском учебном заведении для детей еврейских иммигрантов из СССР чествовали президента Узбекистана Ислама Каримова за поддержку, которую он оказывает еврейской жизни в своей стране, а также за участие в антитеррористической борьбе Соединенных Штатов. Церемония в честь узбекского президента состоялась в отеле Плаза в Нью-Йорке. В ней приняли участие бывший госсекретарь США Генри Киссинджер и президент Федерации еврейских общин СНГ Лев Леваев.

Í î ï àò áðè àë àì ï ð àññ ò áí ò ð à Á Î Õ Á í àí ð ï à ò ð ï àñ è à

è Á à ð à è ï è í à ò à è à à ð à ò í í à à ñ ï ò ñ ò à à

Í î à ñ ò è Õ à à à ð à ò è è à à ð à è ñ è ò í à ï è í

í î à ñ ò ï à è è à È ð è í à Ð à ç à ï à à

«ПЕПЕЛ ХОЛОКОСТА БЬЕТСЯ

О МОЕ СЕРДЦЕ»

Алла Гербер — на редкость разносторонняя личность: непримиримый борец с национализмом, президент Всероссийского фонда «Холокост», общественный и политический деятель (депутат Государственной Думы V созыва), публицист, писатель... Безусловно, наиглавнейшей темой ее жизни стала тема Холокоста. Перефразируя слова героя Шарля Костера Тия Уленшпигеля, воскликнувшего: «Пепел Клааса бьется о мое сердце», — Алла Ефремовна могла бы сказать: «Пепел Холокоста бьется о мое сердце».

В этом году у Аллы Ефремовны замечательный юбилей. Редакция «Лехаима» от души поздравляет ее и предоставляет слово на страницах журнала.

Максим Горький говорил: «Всемирным лучшим в себе я обязан книгам», — а я скажу, что всем лучшим в себе обязана дорогим моим папе и маме. Я получила от них в наследство стойкий темперамент и благодарность Творцу за то, что просто живу на свете.

Папа, бывало, говорил: «Не знаю, как насчет подвига, но я убежден, что в жизни всегда есть место празднику», — и дома у нас часто накрывался белой скатертью стол, приходили родные. Так было и по субботам, и в Пейсах, и в Рош а-Шона... Очень религиозной была бабушка, евреем до мозга костей был папа. Получивший хасидское воспитание, он всегда мечтал уехать в Израиль. Но мама не была в то время готова к такому шагу. Она, хоть и выросла в религиозной семье, в отличие от папы в значительной мере ассимилировалась, но к соблюдению религиозных традиций, конечно, относилась с уважением.

Мамины интересы в основном были связаны с консерваторией, в которой она училась, с философским кружком Асмуса в Киеве, который посещали Пастернак, Нейгауз, многие замечательные актеры. Это была особая, высочайшая по духу богема.

Папа, выпускник Киевского политехнического института, обладал прекрасным голосом, благодаря чему они с мамой и сблизились в свое время — она ему аккомпанировала. В конце концов оба «доигрались» — стали мужем и женой.

В 1949 году, когда развернулась широкомасштабная борьба с космополитизмом, в переводе с большевистского — государственные антисемитские погромы, папу забрали по делу «инженеров-вредителей». «Настучали» на него управдом и сосед по квартире — тогда многие способны были на подлость из-за жилплощади. Но даже для времен тотального беззакония это дело оказалось настолько абсурдным, что его

закрыли, и гэбэшники переключили свой пыл на дело «врачей-вредителей», спущенное им сверху: должен же кто-нибудь работать в лагерях, да и страх в народе надо было поддерживать - знай всеильного отца и его систему!.. Поистине Сталин со товарищи старались подменить собой Г-спода Б-га с Его воинством.

Для заключенных всегда находились «великие стройки коммунизма». Папу «переквалифицировали» на участника «антисоветского сионистского заговора», который возглавляли – я видела дело собственными глазами – Соломон Михоэлс и Лион Фейхтвангер!.. Очевидно, выдающийся писатель здесь фигурировал за его непримиримую антифашистскую позицию.

С арестом отца пришло повзросление. В детскую душу ворвались страшные истины из мира взрослых и очень чужих людей. Еще до ареста отца дома говорили о преследовании по национальному признаку наших хороших знакомых. Я как губка впитывала эти разговоры, хотя родители при мне не слишком вдавались в подробности. Но жили мы в одной комнате, и я многое слышала за своей ширмочкой. И о многом думала. Правда, была еще слишком маленькой, чтобы как следует постичь, что такое антисемитизм.

Помню, как во дворе меня впервые назвали еврейкой. Не жидовкой, а именно еврейкой. Казалось бы, ну что особенного? Я и сама знала, что еврейка. Но прозвучало это с такой уничижительной интонацией, будто моя национальность – это вина, тяжкий грех. Услышав такое, я расплакалась, прибежала домой. А папа весело и озорно подбросил меня к потолку и сказал: «Быть еврейкой так же прекрасно, как быть грузинкой, русской или татаркой». С тех пор я горжусь своей национальностью, как мой отец.

Если от бытового антисемитизма можно было отстраниться благодаря убежденности, что оскорбляющие тебя подонки не стоят твоей обиды, то от государственного антисемитизма отгородиться было невозможно. Почти не скрываемая дискриминация евреев при поступлении в учебные заведения и трудоустройстве – в отличие от гитлеровской Германии не провозглашаемая, но не многим менее действенная, – тяжелым катком прошла по многим судьбам. А когда грянули официальные еврейские погромы под вывеской борьбы с «безродными космополитами», когда разразилось «дело врачей», я была уже достаточно взрослым человеком, чтобы видеть корни этих пронацистских кампаний.

Пришло и мне время поступать в вуз – я выбрала МГУ, факультет журналистики. Секретарша, принимавшая документы, заглянув в мой паспорт, закричала: «Даже не думайте, что вас примут!» – «Почему?» – «Потому что вы – еврейка», – церемониться надобности не было...

Не так давно вышла в свет книга Симона Визенталя «Подсолнух». К отечественному изданию я написала большое послесловие, в котором откровенно рассказала, что такое быть евреем в нашей стране. Это была большая исповедь...

В России веяло перестройкой, шел 1989 год. Я стала не только убежденным, но и действующим антифашистом. К этому времени мне в подробностях было известно, как погибла в оккупации моя одесская бабушка, как в гетто закончили свои дни мои тети и двоюродные братишки. Такая же судьба постигла киевских родственников...

И вот писательский клуб «Апрель», в который входила и я, проводил вечер в ЦДЛ – о том вечере, я думаю, многие наслышаны: туда ворвалась огромная шайка маргиналов во главе с их лидером Смирновым-Осташвили. А писатели вместо того, чтобы выставить хулиганов, закричали: «Это провокация!» – и выбежали из зала. Опомившись, многие вскоре вернулись. Между тем, семьдесят внешне похожих на приматов особей распоясались: «Убирайтесь отсюда! Этот Дом принадлежит русским писателям-патриотам!..» А мне лично сказали: «А тебя, жидовка, мы зарежем в собственной постели пятого мая!» (то есть в День печати).

«Надо подать в суд!» – возмущались «апрелевцы» помоложе. «Это безнадежно», – отвечали им более опытные и умудренные жизнью. Тем не менее, возглавляемая мной инициативная группа довела дело до суда, который состоялся в апреле 1990 года.

Процесс проходил в горсуде. Зал разделился на две половины: с одной стороны сидели неонацисты, сторонники Осташвили, в основном в черных рубашках, с другой – мы. Стыдно вспоминать, но из наших пришло значительно меньше. Каждое выступление против обвиняемого, их лидера, чернорубашечники встречали угрожающим гулом. В тесный зал, куда не пускали посторонних, они проходили беспрепятственно. В наш адрес раздавались крики: «Убирайтесь в свой Израиль! Россия – для русских!».

И все-таки процесс над националистом завершился обвинительным приговором – беспрецедентный дотоле случай. Юрий Щекочихин рассказал о нем по центральному телевидению, писатель Яков Костюковский и я раздавали интервью, а Владимир Познанский, работавший на радиостанции «Юность», подготовил подробный репортаж из зала суда. Кстати, алия 1990 – 1992 годов была самой многочисленной, и с тем процессом это было связано напрямую.

К сожалению, государственные структуры не сделали тогда правильных выводов и более чем лояльно продолжали относиться к неонацистам. То же и по сей день. Такие «мелочи», как, например, коллективное посещение чернорубашечниками концерта в консерватории, посвященного известному композитору и не менее известному апологету нацизма Рихарду Вагнеру, никого сегодня особенно не шокирует. И музыканты «не заметили», что концерт превращается в нечто, не имеющее ничего общего с искусством, и с невозмутимым видом отыграли весь репертуар. Сходят негодьям с рук и куда более значительные вещи. Что это, недалевидность властей?..

Кстати, в том, что Смирнов-Осташвили оказался за решеткой, заслуга в первую очередь судьи Муратова и обвинителя Макарова – процесс они провели блестяще, за что Муратов был немедленно уволен и до сих пор (!) не восстановлен в должности судьи (он член коллегии адвокатов).

В тот момент в условиях вновь активизирующегося антисемитизма, как очевидно, была необходима организация, противостоящая ему и постоянно напоминающая о том, что представляет собой фашизм на воле. Так появилась идея создания Фонда «Холокост». Она принадлежит Михаилу Гефтеру и Илье Альтману, они и предложили мне как активному антифашисту возглавить этот фонд. Мы собирались для обсуждения своих задач и проблем то у Михаила Яковлевича, то у меня, архивные материалы хранили по разным углам, пока, наконец, не обрели свое помещение. Очень помогло в этом мое депутатство в Госдуме и антифашистские слушания. Между прочим, тогда в День Катастрофы мне удалось поднять в парламенте зал. Никто не решился не

встать в отличие от минувшего года – в какую сторону идет процесс, комментировать не надо.

Итак, помещение мы получили, но было оно в руинном состоянии. Помог «Джойнт», причем очень быстро. В результате при наличии всего нескольких комнат (кроме нас, в здании размещаются нееврейские организации) у нас есть свой конференц-зал, хорошая библиотека, класс для преподавания знаний о Холокосте, где учатся слушатели не только еврейских, но и русских учебных заведений, оборудованные кабинеты, компьютеры.

Самое важное, я считаю, в деятельности Фонда «Холокост» то, что мы сумели разбудить общественное мнение. Многие узнали, наконец, о Катастрофе и какие ужасы с ней связаны. Помогли этому регулярно проводимые вечера памяти евреев-жертв нацизма и сталинского режима, которые широко освещаются средствами массовой информации, и наша школа – уже в течение двух лет в Бресте проходят ее занятия. Начинаются они всегда в день нападения нацистов на Советский Союз – 22 июня. В прошлом году, когда с начала Великой Отечественной войны исполнилось 60 лет, первый урок состоялся в Брестской крепости в четыре утра – как известно, в это время передовые части армии Гитлера перешли границу СССР. Слушателями нашей школы были учителя из России, Украины и Белоруссии. Сейчас эти люди поехали в Израиль и пополнят свои знания уже в международной школе. Занятия пройдут в музее Яд Вашем.

27 января нынешнего года, в День освобождения Освенцима и 90-летия со дня рождения генерал-лейтенанта, Героя Советского Союза Василия Петренко, освобождавшего этот концлагерь (в февральском номере «Лехаима» за 2001 год опубликовано с ним интервью. – В.Н.), мы подвели итоги уже третьего нашего конкурса, в котором приняли участие 250 школьников со всей России. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Еврейское агентство в России, выделившее нам средства.

Одно из самых грандиозных достижений и наша большая удача – это прекрасно изданная с помощью венского магистрата и спонсорской помощи Л.Б. Невзлина тиражом 25 тысяч экземпляров книга «История Холокоста на территории СССР», к написанию которой и я приложила руку. И нашему фонду удалось добиться, чтобы на этом издании стоял гриф «учебное пособие для средней общеобразовательной школы». К сожалению, добиться, чтобы Холокост упоминался хотя бы отдельной строкой в учебнике истории,

нам все еще не удастся, как не удастся и ввести факультативные занятия в общеобразовательных школах по изучению Холокоста, как это принято в цивилизованных странах.

Кстати, недавно в Стокгольме состоялась конференция по Холокосту

(в то время эту страну посетил российский президент). Выступившая на конференции Валентина Матвиенко сказала замечательные слова, что нельзя забывать об этой трагедии, ее нужно повсеместно изучать.

У меня есть давняя мечта – создать общедоступный музей с официальной вывеской «Музей Холокоста», и чтобы люди, идущие по улице, прочитав вывеску, могли беспрепятственно войти и узнать главное об этой черной странице истории человечества. К сожалению, эта инициатива застряла в многочисленных кабинетах, которые я исходила за много лет. Но нашу идею подхватил Владимир Гусинский и создал музей в синагоге, к сожалению, в непригодном для этого помещении. Хорошо, конечно, что есть хотя бы такой музей. В его становлении принимал участие и наш фонд.

Однако мы задумывали дело совершенно иначе: это должен быть музей не только памяти, но и предупреждения новой опасности фашизма. Очень надеюсь, что в конце концов наш замысел осуществится, тем более для этого есть все основания. Жизнь подарила мне много хороших, интересных друзей. Надеюсь, благодаря их помощи и содействию все получится.

Как-то в США меня спросили, богатый ли я человек, и я назвала себя миллионером. На миллионершу, конечно, я не очень-то была похожа, и во взглядах деликатных собеседников промелькнуло едва уловимое недоверие. Я пояснила: «Мой капитал – мои друзья». Этот духовный капитал, подобно материальному, переживает кризисы и банкротство и, конечно же, имеет ценный и даже бесценный прирост.

Чем я еще богата? У меня есть замечательный сын, очень талантливый, и прекрасный внук. А кроме главного дела моей жизни, у меня есть еще одна большая страсть – это кинокритика: я была и остаюсь верным приверженцем своей профессии. Сейчас возвращаюсь к написанию книги об Инне Чуриковой. Писать в последнее время удавалось мало, но надо стараться как можно больше успевать, чтобы жизнь не казалась ни мгновением, ни затянувшимся стоп-кадром.

Çàì èîîë Áëääè èð Í àò ðîöèé

КРОВЬ, ТЕКУЩАЯ ИЗ ЖИЛ...

Ėāī ēā Āīāī āī

«Почему же я называю себя русским писателем? Мой покойный друг, польский поэт Юлиан Тувим очень точно разъяснил однородное положение, и я приведу его слова: “Я поляк, потому что мне нравится быть поляком. Это мое личное дело, и я не обязан давать кому-либо в этом отчет. Я не делю поляков на породистых и не породистых, я предоставляю это расистам чужестранным и отечественным... Я делю поляков на антисемитов и антифашистов, потому что антисемитизм – международный язык фашистов... Я поляк, потому что в Польше родился, вырос, учился, потому что по-польски исповедовался в тревогах первой любви... Я поляк еще потому, что береза и ветла мне ближе, чем пальма и кипарис, а Мицкевич и Шопен дороже, нежели Шекспир и Бетховен, дороже по причинам, которые я не могу разумно объяснить... Я слышу голоса: “Хорошо. Но если вы поляк, то почему вы пишете, что вы – еврей? Отвечу: из-за крови. Стало быть, расизм? Нет, отнюдь не расизм. Наоборот. Бывает двойная кровь. Та, что течет в жилах, и та, что течет из жил... Кровь евреев – не “еврейская кровь” – течет широкими ручьями, и в этом новом Иордане я принимаю крещение – горячее, мученическое братство с евреями...” Да, лучше об этом не скажешь. Нравится ли это всем или нет, но я русский писатель. А покуда на свете будет существовать хотя бы один антисемит, я буду с гордостью отвечать на вопрос о национальности: “еврей”».

В этом признании писателя Ильи Эренбурга много смыслов, и они, так или иначе, пересекаются с тем, что я узнал лет тринадцать назад в областном центре Украины, Ивано-Франковске, и с тем, что послужило толчком, побудившим сесть и обо всем рассказать в этих заметках...

СТАРОЕ КЛАДБИЩЕ

В годы второй мировой войны, как известно, нацисты уничтожили шесть миллионов евреев, в том числе полтора миллиона – на территории Советского Союза. Считается, что известны благодаря «Черной книге» – и самые страшные места трагедии

Холокоста – Бабий Яр в Киеве, Яновский лагерь в Львове, 9-й форт под Каунасом, где жертвы исчисляются десятками тысяч.

Так думал и я – до тех пор, пока не попал однажды на старое еврейское кладбище Ивано-Франковска, а затем – в областной архив.

Впрочем, все по порядку...

Шел, вероятно, 1988 год. Особенно дотошный читатель, порывшись в газетах того времени, может удовлетворить свою страсть уточнять: хорошо помню лишь то, что в разгаре была «перестройка» и самые ревностные эпигоны из кожи вон лезли, стремясь быть «святейшим папой» – Михаила Горбачева.

Именно тогда и прозвучал призыв Егора Лигачева открыть архивы...

В то самое время, судьбой заброшенный в Ивано-Франковск, я много ездил по области и, бывая в небольших городках, видел там старые еврейские кладбища или, чаще, их следы, поскольку многие погосты были разрушены временем и людьми...

Первое такое знакомство случилось в Коломые, небольшом, красивом и уютном городке. В самом его центре, окруженное металлическим, сломанным местами забором, за которым почти вплотную стояли жилые дома, размещалось старое еврейское кладбище. Кое-где надгробные плиты лежали на земле, кое-где отсутствовали вовсе. Позже от здешнего – единственного! – еврея я узнаю, что плиты были из черного мрамора, их, естественно, утанули местные жители.

Трудно сказать, сколько там было надгробий – подсчитать, видимо, можно лишь косвенным путем: вширь кладбище было не менее сотни метров и вглубь – не менее ста пятидесяти. Плиты стояли рядами, довольно плотно, расстояние же между рядами было не более шага взрослого мужчины.

Большинство плит украшали тексты и рисунки. Некоторые из них – подлинные произведения искусства.

Я решил вернуться сюда с фотоаппаратом. 1 мая 1988 года, прихватив жену, обоих сыновей и два фотоаппарата, приехал в Коломыю. Долго ходили по старому кладбищу, разглядывая рисунки и гадая, сколько же лет надгробиям? Отсняли две пленки, выбрав, на наш взгляд, самые уникальные плиты... Через месяц вновь приехал в Коломыю. И на месте кладбища нашел... строительную площадку. Надгробные плиты снесли бульдозером... Кости, по словам очевидцев, растаскивали вороны...

Здесь же я услышал, будто бы во время войны в лесу близ Коломыи фашисты расстреляли около 50 тысяч евреев. Признаюсь, тогда не поверил в эту цифру, счел ее мифической... Потом мне показали еще одно скорбное место: в центре Ивано-Франковска часть тротуара была вымощена каменными плитами, на которых, если присмотреться, можно было разглядеть текст на иврите.

– Плиты с еврейского кладбища, – мрачно прокомментировал мой «экскурсовод», местный раввин Виктор (Мойше) Колесник.

Потом он отвел меня на здешнее еврейское кладбище. Показал убогую стелу, на которой по-украински было написано, что здесь во время войны фашисты уничтожили свыше 128 тысяч советских людей.

Эта цифра меня поразила...

Показал раввин и длинную, чуть просевшую полосу земли вдоль забора и сказал, что здесь был ров, куда сбрасывали тела. А еще сказал, что те дома, за забором, стоят на костях евреев...

«...І òмí үєє ääá í ěáí ěє, áíáðäâ í à í àø äçæÿä, ñàì ù á óí ěєäèÿÿ ù á í ěєò ù...»

Мы ходили по запущенному и, по сути, разгромленному кладбищу, смотрели на следы от пуль на старых плитах, и нам было грустно и тоскливо. Наверное, тогда и родилась идея проехать по селам, найти старые еврейские погосты и еще не старых свидетелей акций уничтожения...

Вскоре Колесник починил свой ветхий «Запорожец» – «еврейский броневи́к», – и однажды мы таки заехали далеко в горы, в небольшое село.

Виктор заявил, что говорить с встречными будет сам, по-украински. Мне велел молчать – опасался, что, услышав «москальську мову», местные не станут отвечать. И лексику выбрал понятную им: евреев называл «жидами».

Показать старый «цвинтар» вызвалась «жінка» лет пятидесяти. Вышли за околицу... Карпаты – красивые горы, но здесь нам открылся необыкновенный вид: на небольшой и чуть холмистой возвышенности, среди редких деревьев и кустов где-то стояли – одни прямо, другие покосившись, а где-то лежали старые, потемневшие от времени надгробные плиты с письменами и рисунками. За плитами, через низину, в тонкой дымке высились окрашенные цветами осенней палитры горы, и на их фоне надгробные камни казались живыми существами: от них веяло мудрой вечностью и печалью. И над всем этим великолепием – тишина... Молчание нарушил раввин. Показав на заросшие углубления, он спросил у женщины: «Моги́лы?»

Та отвела взгляд, заторопилась, назвала свидетеля, который мог помнить расстрелы, и торопливо ушла.

«Могилы были, – грустно сказал раввин. – Местные рыли, искали “жидівськое золото”»...

Эта поездка была первой, но, увы, последней...

«...І ааааіаіаіа іеєòú їі аїїє аоєііісадіі ...»

«БЕЛОЕ ПЯТНО» «ЧЕРНОЙ КНИГИ»

И вот, как уже было сказано, прозвучали призывные слова Егора Лигачева – открыть архивы. Тогда-то, прихватив с собой номер газеты с заявлением секретаря ЦК КПСС, пришел я в областной архив и, показав членский билет Союза журналистов СССР и ткнув в газетный текст, сообщил директору архива, что хочу, мол, непременно ознакомиться с материалами расследования уничтожения еврейского населения области в годы второй мировой войны.

Степень изумления директора – это была «жінка» – представить себе может лишь тот, кто знает здешние нравы. Обескуражена она была настолько, что тут же, при мне, позвонила в областное управление КГБ и сообщила о происшествии.

Минуты две она молча выслушивала рекомендации особых специалистов, затем, повесив трубку, сказала, что членского билета, дескать, недостаточно, а обязательно нужен официальный запрос, например, от издательства или редакции.

«И что, – спросил я, еще не веря в удачу, – с бумагой можно?»

«Можно», – сухо сказала директор архива...

«Официальный запрос» сварганил Карл Волох, сотрудник местной молодежной газеты, единственный еврей в редакции. Выслушав просьбу, он исчез за дверью кабинета редактора.

Через четверть часа у меня в руках был запрос областной молодежной газеты – с печатью и подписью «керівника». Директор архива, приняв бумагу, попросила позвонить через пару дней.

Вскоре я сидел в маленьком уютном читальном зале областного архива и слушал наставления сотрудницы, которой поручили обслужить посетителя. Наставления были краткими: часть страниц в папках с делами будут закрыты, в них нельзя заглядывать, и, естественно, папки за пределы кабинета выносить нельзя.

Принесли объемные папки. Часть страниц были закрыты большими, по размеру самих страниц, конвертами – прочитать, не сняв конверт, было невозможно.

Знакомясь с архивом, я не сделал даже попытки снять конверты и не потому, что постоянно чувствовал на себе взгляд сотрудницы, сидевшей за рабочим столом в углу кабинета, – погрузившись в бумаги, я напрочь забыл о конвертах. К тому же на второй день эта женщина скорее из любопытства, а, может быть, проникнувшись сочувствием, сама заговорила о документах. Оказалось, что закрыты страницы с адресами полицаяв, тех, кто принимал участие в расстрелах и пытках.

Закончив работу, спросил ее о том, над чем ломал голову сам, – что думает о таком странном факте: в «Черной книге» ничего не сказано об уничтожении здешних евреев; о жертвах соседних Львова и Черновцов есть, а о жертвах Станиславщины – так до переименования называлась эта область – ничего нет, хотя их много больше.

Архивариус предположила, что причин тому могло быть несколько: во-первых, местность эту позже освободили от фашистов, а, во-вторых, область долгие годы была закрытой: еще в пятидесятые годы в здешних горах прятались «лесные братья»...

Похоже, сотрудница архива близка к истине: Эренбург и Гроссман работали над «Черной книгой» с 1944 по 1946 год – Иванофранковщину уже «закрыли»...

ДНЕВНИК ФЕЮРМАНА

Узнав об архивных изысканиях, кто-то из местных евреев дал мне телефон старика, у которого, якобы, хранится уникальный документ на ту же печальную тему. Я позвонил и был приглашен.

Старик-еврей жил в довоенном так называемом «польском» доме, где большие квартиры с высокими потолками и печи – теперь газовые, украшенные изразцами, и где почти физически ощутимо время.

Старик уже не ходил, лежал в постели и с трудом говорил. Он протянул мне тонкую брошюрку, напоминавшую школьную тетрадку, сказал, что там есть упоминание о родственнике и попросил обязательно возвратить.

Это был малотиражный бюллетень на польском языке. На титульном листке значилось: «Feuerman J. Pamietnik ze Stanislawowa (1941 – 1943). Biuletyn ZIH, 1966/52». Что можно перевести так: «Дневник из Станислава» Юлиуша Феюрмана.

В «Дневнике» станиславский житель Юлиуш Феюрман, инженер по образованию, скрупулезно описывал события тех дней, начиная буквально с того момента, когда в Станислав вошли немцы.

Уже с первых строк было ясно, что автор – не стихийный бытописатель, но человек не без беллетристического дара и способный обобщать.

Вот первая страница «Дневника» Юлиуша Фейурмана.

«С началом войны передо мной встал вопрос: убежать или остаться? С одной стороны – сын, с другой – мои родители, для которых я был единственной опорой. Я не мог решиться на бегство, на нищую жизнь без средств. Силой обстоятельств остался. Мы точно знали, что в течение нескольких дней немцы казнили в Пшемьсле 600 еврейских интеллигентов, но в глубине души не могли поверить, что так, без причины они могли это сделать.

Власть над городом была в руках украинцев, а через несколько дней вошли венгерские войска. Официально было объявлено, что линия до Днестра находится под венгерской оккупацией. Через две недели стало известно, что и эта территория под немецкой властью. Вначале были преследования со стороны украинцев: принуждали раввина или его жену подметать улицы, избивали евреев и заставляли венгров, чтоб те заставляли евреев носить желтые повязки»...

Я перевернул несколько страниц.

«...Через главные ворота мы вошли на кладбище, где тысячи людей сидели рядами на земле. Справа украинские юноши заканчивали копать огромную могилу длиной 60 метров, шириной 20 метров, глубиной 5 метров. Нам было приказано сесть на землю и отдать под угрозой расстрела (несколько трупов уже были) золото, деньги, золотые ручки и т.п. Собирали это под контролем немцев евреи. На кладбище были украинская полиция, жандармы и гестапо. Я понял, что это у них не первая подобная акция, а вещь для них очень привычная. Все время прибывали новые группы людей, установили пулемет»...

«Расстрел начался в первом часу. Приказано разделить на группы, снять верхнюю одежду, подойти к могиле. Живыми должны были прыгать в могилу. В лежащих в могиле стреляли из автоматов четверо гестаповцев. Двое немцев и двое украинцев. Некоторым повезло – их застрелили сразу. Других только ранило, они задыхались и мучились перед смертью. Ночью многие выбрались из могилы, и пошли домой. Я потерял тогда девять близких родственников (родителей, сестру с мужем и двумя детьми, брата с женой и восемнадцатилетней дочерью).

Мы сидели на земле неподвижные, окаменевшие и бесцветные. Мокрый снег падал на нас. Я смотрел на то, что происходит вокруг. Несколько раз собирал всю силу воли, чтобы доказать себе, что это реальность, а не злой кошмар. А тем временем в могилу бросали беременных женщин, матерей с детьми на груди и стреляли по ним без остановки. Спаситься среди тысяч людей попробовал только один: по дороге к могиле убежал в поле и, несмотря на погоню (было уже темно), убежал. Стрелявшие сменяли друг друга, в перерывах закусывали бутербродами»...

Прочитав эти строки – признаюсь, с большим трудом, поскольку до тех пор мой польский был ограничен лексикой джазовых журналов, издаваемых в Варшаве, я понял, что перевести этот дневник – дело чести. Помогли местные благожелатели с хорошим знанием польского. Так что мой архив пополнился еще одним свидетельским показанием¹¹...

С той поры вследствие целого ряда обстоятельств я не притрагивался к папке с выписками. Впрочем, справедливости ради надо сказать: в разное время, помня о «пробеле» в «Черной книге», делал слабые попытки реализовать идею, которая была рождена совместно с раввином Колесником: проехать по селам области и собрать свидетельские показания, сфотографировать то, что осталось от еврейских кладбищ. Ведь в 90-х еще живы были люди, которые могли видеть ужасные картины, запечатленные в материалах архивного дела и дневнике Юлиуша Феюрмана. Некоторые из них живы и сегодня.

Но, увы, идея не воплощена... Остались лишь выписки из архивных дел и переведенный и отпечатанный на машинке «Дневник». Этим собираюсь, наконец, воспользоваться.

Но перед тем как изложить все это, должен напомнить: в «Черной книге» сведений о трагедии в Станиславе нет, ни в одной редакции. Упоминание появилось лишь в вышедшей в 2000 году в Киеве мизерным тиражом «Энциклопедии Холокоста» А.Круглова. Раздел «Ивано-Франковская область» невелик, но в нем есть немало ценных сведений. Так, например, сообщается, что согласно переписи 9 декабря 1931 года в Станиславском воеводстве проживало 117330 евреев, в том числе в Станиславе 24820 евреев. Далее следует перечень численности евреев в различных повятах. Например, в Городенковском повяте проживало 7480 евреев, в Долинском – 10470, в Коломыйском – 20880, в Надворнянском – 9070, в Станиславском – 29500...

«Энциклопедия» сообщает, что естественный прирост еврейского населения составлял в то время 9-10 человек на 1000 в год. Поэтому, по мнению автора издания, к 1941 году в теперь уже бывшем Станиславском воеводстве (в советской Ивано-Франковской области) могли проживать около 130 000 евреев.

Затем следуют статистические данные: в 1941 году в области было уничтожено 24 000 евреев или 18-19% общего числа; к концу 1942 года еврейское население области сократилось до 10 000; в 1943 году гетто было полностью ликвидировано. Последняя казнь состоялась 25 марта 1944 года. Были уничтожены 105 000 из Львова, которых доставили сюда 25 января того же года сжигать трупы расстрелянных на еврейском кладбище.

В общей сложности в 1941-1944 годах, сообщает «Энциклопедия», в области было уничтожено 132 000 евреев: 125 000 местных и 7 000 венгерских.

Здесь же приведена таблица «Удельный вес евреев в общем количестве жертв среди гражданского населения» области. Приведу лишь несколько примеров, поскольку считаю такое цитирование важным для дальнейшего разговора на эту тему (первая цифра – общее количество жертв, вторая – жертвы-евреи, третья – «удельный вес» евреев в процентах):

Станислав	128272	128122	99
Коломыя	9619	9500	99
Богородчанский р-н	1050	900	85
Болеховский р-н	4350	4350	100

Букачевский р-н	1370	1355	99
Бурштынский р-н	1909	1806	95
Галичский р-н	102	94	92
Гвоздецкий р-н	3913	3844	98
Городенковский р-н	6750	6750	100
Долинский р-н	4046	4000	99
Калушский р-н	7560	7430	98
Косовский р-н	5003	4732	95
Ланчинский р-н	311	308	99
Надворнянский р-н	6501	6359	98
Рогатинский р-н	9846	9800	99
Снятинский р-н	4973	4957	99
Тысменицкий р-н			
	63	64	100
Чернелецкий р-н	3000	3000	100

В таблице подведен итог: всего в области из 215035 жертв евреи составили 212103 человека, или 98%. Что обращает на себя внимание: так называемый «удельный вес» жертв-евреев не опускается ниже 95%. Цифра 100%, естественно, не может вызвать никаких сомнений, но вот с цифрой 99% в отдельных случаях можно поспорить. В частности, в Рогатинском районе, строго говоря, «удельный вес» евреев составляет 99,5%, а в Снятинском – 99,7%. Особо придирчивый читатель может проверить остальные примеры. Впрочем, ужель трагедия измеряется десятками и сотыми долями процента? Более о Холокосте на территории Ивано-Франковской области «Энциклопедия» ничего не сообщает.

И еще: в списке архивов, с которыми работал ее автор, станиславский (ивано-франковский) архив не значится. Для меня это обстоятельство весьма важно, поскольку в моих выписках – другие цифры.

Преамбула явно затягивается, но, тем не менее, в заключение еще раз обратимся к «Энциклопедии». Допустим, в ее таблице дана верная цифра жертв еврейского населения области – 212103 человека. Но, обратим внимание: цифра противоречит числу жертв-евреев, названному выше: 130 000^[2].

Тем не менее примем за истину цифру 130 000 и сравним с числом жертв в других областях Украины. Так, по сообщению «Энциклопедии», в Винницкой области

уничтожен 178181 еврей, в Львовской области – около 210 000, в Ровенской области – 130074, в Тернопольской – 162403, в Хмельницкой – 214205.

Как видим, трагедия в Станиславщине на этом фоне не выглядит особой, напротив, по числу жертв она уступает Львовской, Винницкой, Ровенской, Тернопольской и Хмельницкой областям...

Но дело в том, что есть другие цифры!..

СТАНИСЛАВСКАЯ ТРАГЕДИЯ: ДЕЛО № 420

Разбирая свои записи спустя тринадцать лет, я с сожалением обнаружил, что начинал их делать явно под влиянием эмоций. Так, например, у меня нет регистрационных данных о документе, с которым я познакомился в первую очередь. Хорошо помню лишь то, что это было довольно объемное архивное дело, в котором собрана информация именно об уничтожении евреев. Об этом говорят мои первые беглые пометки: «Губерн. “дистрикт” д-р Ляш»; «Представ. “угорской влады” – полк. Легер»; «Окружн. староста – к-н Альбрехт».

А вот и стержневая запись: «Великие муки и страдания испытало за время немецкой оккупации еврейское население Станиславщины... Альбрехт – сотворил в грудне 1941 г. в м. Станиславе еврейское гетто и “лагерь смерти”... День и ночь горели костры...»

Вот что сообщает этот документ: «Всего по области замучено и уничтожено 257933 человека советских граждан».

Надо полагать, под термином «советские граждане» проходит скорбный ряд евреев. Украинцев – прежде всего молодежь – угоняли в Германию. Большинство поляков к началу войны были депортированы советской властью в Польшу. Местные партизаны и большевики здесь не водились – были лишь полицаи. А какие жертвы среди полицаев в отсутствие партизан?..

Впрочем, если взять на вооружение те самые 98% «удельного веса» евреев, приведенные в «Энциклопедии», то итоговая цифра все равно превысит 250 000 жертв и, конечно же, не изменит ужасающую картину...

*«...Ааеёеа і оеє є пò даааі еў еїі ў о аеі çà ааі ў і аі аеіе іеёі аеє ааеіеіа
і аїеіа еа Ноаі еїеааеі ў...»*

Далее у меня следует несколько примеров уничтожения евреев в селах области с обозначением районов. Эти выписки – лишь небольшая часть того, что содержал документ. Хорошо помню, что в папке были объемные списки, полное цитирование которых превратило бы мои записи в копию архивной папки.

Приведу лишь несколько примеров из своих записей, которые, на мой взгляд, иллюстрируют скрупулезную работу следствия. Буква «М» – обозначает місто – город, буква «С» – село, «Х» – хутор.

Бильшовцевский р-н.

С. Бильшовцы: уничтожено 1914 мирных граждан. С. Лопушня: 3 чел-ка. С. Наравка: 21 чел-к. С. Слободка-Бильшовцевска: 48 чел-к.

Богородчанский р-н.

М. Богородчаны: 822 чел-ка. С. Быстрица: 6 чел-к. С. Глебовка: 10 чел-к. С. Глыбока: 3 чел-ка. С. Горохолина: 3 чел-ка. С. Горохолине: 6 чел-к. С. Грабовец: 3 чел-ка. С. Гринивка: 5 чел-к. Х. Гурбине: 3 чел-ка. Х. Гусаки: 7

чел-к. С. Дуброва: 3 чел-ка. Х. Заграй: 9 чел-к. Х. Заречье: 5 чел-к. Х. Копачивка: 2 чел-ка. Х. Ланы: 3 чел-ка. С. Лесивка: 7 чел-к. С. Новочин: 21 чел-к. Х. Полик: 4 чел-ка. Х. Романовка: 5 чел-к. С. Саджава: 31 чел-к. Х. Сасанивка: 2 чел-ка. Х. Скобычивка: 7 чел-к. С. Старые Богородчаны: 10 чел-к. С. Хмелевка: 6 чел-к.

Болехивский р-н.

М. Болехов: 4594 чел-ка. М. Витвица: 5 чел-к. С. Гориня: 50 чел-к. С. Гошив: 17 чел-к. С. Гузнив: 7 чел-к. С. Кальна: 36 чел-к. С. Липа: 15 чел-к. С. Лужки: 2 чел-ка. С. Межречье: 6 чел-к.

Как видим, тщательная работа.

Далее в записях – районные центры и города. Приведу несколько примеров: М. Галич (р.ц.): 1272 чел-ка. М. Городенка (р.ц.): 5895 чел-к. М. Долина (р.ц.): 3427 чел-к. С.м.т. р.ц. Гвоздец: 3633 чел-ка. М.р.ц. Коломыя: 36873 чел-ка. М.р.ц. Калуш: 7431 чел-к. М.р.ц. Надворная: 6284 чел-к. С.м.т.р.ц. Рожнятів: 3522 чел-ка. М.р.ц. Снятин: 4560 чел-к. М.р.ц. Рогатин: 5695 чел-к. М.р.ц. Косов: 2865 чел-к. И так далее.

В самом Станиславе было уничтожено 128272 человека.

Следующая запись говорит уже о том, что эмоции схлынули, и я весьма рационально подошел к делу. Здесь уже есть такие пометки: «Ивано-Франковский обл. архив. Фонд Р-909. Дело № 420»; «РС-98с № описи 1с. № ед. хр. 1».

А вот и выписки из «Дела № 420».

«...С первых дней варварского нападения немецко-венгерских войск на Советский Союз 22 июня 1941 года город Станислав и Станиславская область имели еврейского населения до 330 000 человек...

...большое количество не смогло эвакуироваться... и остались на местах жительства в городах Станиславе, Коломыя, Снятин, Галич, Тлумач, Городенка, Лисец, Отыния, Калуш, Тисменица, Делятин и др. (Лист 8.)»

Массовое уничтожение продолжалось с 3 июля 1941 года по 27 июля 1944 г. – весь период оккупации.

Читаем записи дальше.

«...В период временной оккупации города Станислава и Станиславской области были варварски замучены, повешены, расстреляны, заживо брошены в могилы и спалены в душегубках 128 000 ни в чем не повинных человек города Станислава (лист 8)».

«Неповинные люди» – евреи. Как видим, здесь цифра округлена. Напомню: в предыдущем, выше процитированном документе значится 128272 человека.

«Энциклопедия», кстати, говорит о том, что в области были уничтожены 130 000 евреев. А здесь: только в Станиславе – более 128 000... Далее нас ждут еще более страшные цифры.

Пока же будем знакомиться с выписками в порядке их следования. Вот выписка, которая вновь характеризует тщательность следствия.

«...Кроме того, немецкими варварами было разрушено 25 еврейских синагог... 9 синагог было разрушено стоимостью 5 миллионов рублей, а остальные 16 синагог – 1,5 миллиона рублей каждая. Всего уничтожено на сумму 69 млн. руб. (лист 9)».

«Отобрано у еврейского населения и вывезено:

- 2300 радиоприемников (6 900 000 руб.);
- один рентгеновский аппарат, стоим. 300 тыс. руб.;
- рентгеновский аппарат д-ра Шавдера, стоим. 75 тыс. руб.;
- ...
- фотографические аппараты 370 шт. по 25 тыс. Всего на 9,25 млн.;
- швейных машин 1750 шт. на 10,5 млн.;
- библиотеки – 142 тыс. томов;
- ковры – 8 тыс. шт.;
- рояли и пианино – 1100 шт.;

- часов – 55 тыс. штук;
- вещи серебряные – 33 центнера;
- золота – 20 центнеров;
- драгоценные камни – на сумму 150 млн. руб.;
- валюта – 3 млн. долларов.

И т.д. (листы 10-12)».

Впрочем, как видим, не только скрупулезную работу следствия характеризуют эти цифры, но жизнь и благосостояние евреев Станиславщины.

Вот еще цифры: «Во время оккупации... по Станиславской области: 198413 расстреляно, 4105 повешено, 18252 умерло после истязаний и пыток... (лист 44)».

Элементарное сложение дает цифру 220770. Согласитесь, несколько больше, чем 130 000. И, кстати, эта цифра сразу же выдвигает Станиславскую область на первое место по числу жертв-евреев среди всех областей Украины.

А вот и палачи: «Ганс Кригер – начальник гестапо (штурмфюрер). Штурмфюрер Бранд – его помощник. Альбрехт – окружной староста».

Еще выписка:

«Всего в области... убито и замучено 223920 человек и угнано в рабство 68361 человек (лист 54)».

Цифра, как видим, растет! Более того, есть косвенное разграничение по национальному составу: «убито и замучено» – это о евреях; «угнано в рабство» – это об украинцах.

Почему разные записи и разные цифры? Ответ, думаю, нужно искать в следующих обстоятельствах: во-первых, в деле, обозначенном «единица хранения № 1», собраны многочисленные и по большей части «статистические» документы, но датированы они разными числами – значит, данные все время уточнялись. Кстати, под многими документами, если мне не изменяет память, стоит только одна подпись: «Председатель комиссии^[3] Слонь М.В.». Во-вторых, как свидетельствуют последующие записи, работа велась спешно, в непростых условиях, – и это тоже отложило отпечаток на результат...

А вот, наконец, уникальная запись, на которую хочу обратить особое внимание. Хорошо помню, что именно эти строки бросились мне в глаза. Замечу, речь идет об официальном, юридическом документе: сухие, казенные формулировки, цифры...

И вдруг такое: «...День был солнечный и жаркий. Утопая в облаках пыли, в ворота лагеря смерти вкатилась и остановилась легковая открытая машина. В ней поднялся бандит Кригер... (лист 127)».

Вот еще: «...А при дожде вся земля была красная (лист 128)».

Ну, чем не Вавилон этот безвестный автор, писавший отчет об уничтожении евреев таким ярким образным языком?..

Вот выписки из другой папки: «Ед. хр. 2». Из акта № 1 от 25 января 1945 г. ^[4]

«В Станиславе и области уничтожено 127352 чел-ка. 3 августа – первая акция на интеллигенцию – 600 чел-к. С 3 по 11 октября 1941 г. 5000 чел-к. 12 августа – 12 тыс. чел-к. С 15 окт. 1941 г. по 30 марта 1942 г. – 8000 чел-к. 31 марта – 3000 чел-к».

И т.д. – список занимает весь лист № 10. Начиная с листа № 14, следует список жертв. Я выписал несколько имен с порядковыми номерами: «1. Альнорд Дебора; 10. Арбайт Яков; 20. Арнольд Стадис; 30. Арбайтер Ян; 60. Бикель Давид; 100. Проф. Баргат Пинкас; 150. Гершман Бергль; 200. Дриммер Ента; 300. Гурштейн Сруль; 600. Мендель Юзеф; 700. Шоор Самсон».

Из акта от 29 ноября 1944 г.

«Лагерь смерти»: длина 400 м, ширина 150 м = 6 га...

В 1944 году – ликвидация».

Еще списки, начиная от листа № 115. Указаны возраст

и число уничтоженных членов семей:

«84. Цукер Мехель, 40 лет, 14 членов семьи.

85. Мантель Якуб, 40, 12 членов семьи.

103. Гланзберг Леопольд, 35, 12 членов семьи.

127. Ландау Шулим, 45, 12 членов семьи.

132. Погибер Хаим, 49, 17 членов семьи.

215. Вайлер Мозес, 40, 12 членов семьи.

450. Бер Ефроим, 25, 12 членов семьи.

840. Релис Израиль, 1899, 5 членов семьи.

1000. Клигер Герш, 1884, 4 члена семьи».

Всего в списке 4911 номеров.

На этом статистика заканчивается.

Далее следуют записи другого рода – описания того, как все это происходило. Иногда, пропуская второстепенные детали, я пересказываю прочитанное своими словами, что, конечно, не говорит о профессионализме, но, впрочем, картины тоже не меняет.

И еще раз хочу заметить: цитируемый официальный документ, составленный в недрах комиссии, написан человеком, использующим далеко не канцелярский язык – это ощущается по цитатам. Судя по лексике, автором был украинец, хорошо владеющий русским языком. Вот эти выписки – без изменений, как они были сделаны в архиве Ивано-Франковска.

«...1 сепня 1941 г. В м. Станислав прибыл начальник гестапо Ганс Кригер с работниками гестапо: Шотт, Тауш, Бранд, Міллер, Маурер.

В тот же день Кригер созвал (с 12.00) представителей еврейской общины возле входа в помещение гестапо; (обратился) с балкона 2-го этажа с такой речью: “Я для евреев очень добрый человек. Во время моего пребывания... они очень следуют за мной... Заверяю вас, что ваша громада тоже будет любить меня и жалеть обо мне после моего отъезда”».

После чего Кригер заявил, что «Гитлер тоже очень добрый человек, и во время войны он изолирует евреев от других национальностей, чтоб они могли спокойно жить и работать». Поэтому предложил провести регистрацию всей еврейской интеллигенции. «Явка на 3 сепня, в понедельник, в 12.00 – представителей еврейской общины и раввинов; с 14.00 – адвокатов; с 16.00 – врачей и фармацевтов; с 21.00 – маляров, артистов и музыкантов; с 10.00 4 сепня – инженеров и фотографов.

В субботу вечером 1 сепня. Альбрехт (руководитель национал-социалистической немецкой рабочей партии) собрал совещание гестапо: инструктаж проведения “бляуер монтаг” (синього понеділка)».

«Срок 8 сепня 1941 г. – уничтожение интеллигенции в Станиславе».

«Альбрехт предвидел бегство – выставил патруль шуцполицаев».

«3 сепня в понедельник, в 12.00. Альбрехт вышел из подъезда со словами: “А, панове, прошу в помещение”».

«Д-р Шауднер (который случайно остался живым) рассказал, что Кригер не прятал своих звериных намерений... лицо “страшное и гневное”».

«Вошли... Маурер начал кричать: “Что вы тут стоите, как свиньи в хлеву, становитесь по трое”».

«Впереди стоял старик-фармацевт Шпицер. Кригер подбежал к нему, ударил нагайкой в лицо, тот упал, а когда поднялся, Кригер ударил его в голову, тот опять упал, стал бить ногами в бока.

Так же был избит консультант 1-й поликлиники Розенбаум. К зубному врачу Горлику подскочил бандит Дауст, вырвал пальто и сказал: “Оно вам тепер не нужно!”».

«Синий понедельник» начался...

Д-р Либесман, который случайно остался живой, рассказал, что он пришел в гестапо с опозданием: в коридоре по трое уже стояли врачи. Играл патефон. И слышались дикие крики мужчин и женщин. Кригер пытал в отдельном помещении под звуки патефона: «бил револьвером, кулаками, травил собаками».

Расстреляли: писателя Берловец, адвоката Клайн, врачей Грингарт, Коган, Горлик, Ордовер, Гицкевич, Ферстер, Фогель и др.

Служителей культа бандиты «пытали невиданными способами»: в туалетах пихали лицом в писсуар, сверху накрывали пальто. Били прикладами.

«Так замучили 3 раввинов, а 70-летнего раввина Горовица и д-ра Заславскую после таких пыток раздели догола и заставили под патефон плясать “танец смерти”, потом Кригер, не выходя из-за стола с шампанским, расстрелял их...».

Интеллигенцию, что не явилась в гестапо – поляков, русских, украинцев, – тоже пытали в гестапо и расстреливали^[5].

«Бляуер монтаг»: за 6 дней гестаповцы уничтожили: врачей – 142, инженеров – 68, учителей – 425, художников и писателей – 18, юристов – 125, глав еврейских общин и служителей культа – 180, музыкантов и артистов – 27, фармацевтов – 75, ветеринаров – 28, служащих с высшим образованием – 1750. Всего 2865 интеллигентов.

После чего началась подготовка массового уничтожения советских граждан.

Евреи – на правой руке повязка со звездой. Только по середине улицы! Не выполнявших – расстреливали.

«В первых числах жовтня на еврейском кладбище было вырыто несколько общих могил, кладбище было огорожено колючей проволокой».

Пулеметы. «Лагерь смерти».

Генерал-губернатор Франк прикомандировал еще 3 роты солдат «СС».

«12 жовтня 1941 г. солдаты “СС”, гестаповцы и украинские полицаи согнали со всех концов Станислава евреев. С золотом, серебром и деньгами – на базарную площадь. Тут Кригер “знакомился” с прибывшими, и отсюда, как скотину, гнали на еврейское кладбище, в “лагерь смерти”. Кто пробовал бежать, на месте расстреливали».

Больных, старых и детей, как дрова, – на машины и в «табор»...

В 12.00 в «таборе смерти» было около 12 000 человек.

«Приехал Кригер. Объявил, что на новом месте им ценности не потребуются и приказал собрать в общий фонд».

«Раздетых подводили к ямам и расстреливали».

«На детей патронов не тратили: живыми кидали в могилы или на глазах родителей брали за ноги и разрывали на части».

Жах. Началась паника.

В 7.00 вечера могилы были заполнены трупами.

«На кладбище пахло свежей кровью».

Прибыл Альбрехт. Заявил: живым дарует жизнь, если те прокричат «Хайль Гитлер!»

12-19 жовтня – расстреливали сотни граждан.

«Поздней осенью, голых, полузамерзших, живыми бросали в могилы».

В конце грудня 1941 г. стали готовить второй этап массового уничтожения евреев. Всех евреев переселили на ул. Бельведерскую в гетто.

Захаживали «СС»: «насиловали молодых девушек, стреляли живых, кидали с третьего этажа детей и стреляли в них на лету».

«Гестаповец Грим заставил мать взять на руки ребенка и держать так, чтоб сердце матери и ребенка были на одной прямой, и одним выстрелом убил мать и дитя».

Другой гестаповец, Шотт, привел в «гетто» своих 4 детей от 7 до 13 лет и на их глазах расстреливал советских детей^[6], причем дети Шотта смеялись и хлопали в ладоши.

До 20 грудня 41 г. в «гетто» було согнано більше 20 тис. євреїв, із яких до 10 січня 1942 г. осталося всього 5-7 тис.

Сюда сгоняли громадян із міст і сіл області.

«Створено» (в «гетто» по ініціативі Кригера):

– «млин смерті»,

– «інфекційний дім»,

– «дитячий дім».

«Млин смерті» – відправляли в «табор смерті».

«Інфекційний дім» – прививали всякі інфекційні хвороби.

В «дитячому домі» – через 5-7 днів в «табор» – живими закапували.

Підручні Кригера – Штреге, Грім, Шотт пішли далі: 31 березня 1942 г. сожгли в «гетто» в дімах около 300 осіб (нафтою поливали).

До 1 січня 1943 г. на території «гетто» осталося около 4000 осіб, а к началу лютого они были расстреляны, и гетто ликвидировано.

«Уничтожение в городах и селах Станиславщины было не менее дикими способами. Так, в Рогатине зимой 1942 г. гестаповцы забрали 3000 человек, раздели их, продержали голыми на снегу при $t -25$ с 8.00 утра до 2.00 ночи и замерзших покидали в ямы».

«В Косове немцы собрали в синагогу около 1000 человек, закрыли окна и двери, облили нефтью и сожгли».

«В Більшовцях гестаповцы загнали около 500 человек, женщин, стариков и детей, раздели и голых заставили ползти 5 км на коленях до могил. Отставших и больных били прикладами и расстреливали. Дошедших – тоже».

«В Галичине гестаповцы посадили громадян міста на паром и стали переправлять на другой берег. На середине Днестра заявили: кто хочет остаться живыми, должен кинуться в воду и плыть до берега». Расстреливали.

«В м. Городенко загнали детей 13 – 14 лет, связали им руки колючей проволокой, прострочили из автомата им руки, а потом отрубили секирою руки детей, освободив их от проволоки, и живыми закопали в могилы». (Стр. 216-222.)»

Да, несомненно, документ писал украинец, неплохо владевший русским языком. Впрочем, может быть, это был сам Слонь М.В.? Здесь он обозначен как «Голова Станиславской комиссии по восстановлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков».

В конце выписок значатся еще две заметки.

Такая: «Фонд № Р-98/58с, справа № 1, аркуш № 140-146».

И такая: «Евреи в области с 1662 г. получили привилегии, имели право селиться в городах, заниматься торговлей и др. (Из истории городов и сел УССР)».

Итак, перед нами несколько цифр уничтоженных в годы второй мировой войны на территории нынешней Ивано-Франковской области Украины евреев: согласно «Энциклопедии» – 130 000, согласно документам республиканского областного архива – 257933, 220770 и 223920.

«Энциклопедию», при всем уважении к труду ее автора, в данном случае, видимо, следует игнорировать – туда явно попала случайная цифра: скорее всего, какой-то мелкий служака отписал автору первое, что попало на глаза...

Остаются архивные данные. Какая из трех цифр истинная?

257933? В данном случае, напомним, речь – о «советских гражданах».

220770? Эта цифра из «единицы хранения № 1», полученная путем сложения: «Во время оккупации... по Станиславской области: 198413 расстреляно, 4105 повешено, 18252 умерло после истязаний и пыток...».

Лист № 44.

223920? Вспомним: «Всего в области... убито и замучено 223920 человек и угнано в рабство 68361 человек».

Лист № 54 той же «единицы хранения»...

Думаю, какую бы цифру мы не взяли за основу, – все едино: на Станиславщине погублена шестая часть полутора миллионов евреев, уничтоженных на территории Советского Союза, – больше, чем где бы то ни было.

Но назвать «Станиславскую трагедию» самым большим лихом – не берусь. Разве цифрами измеряется людское горе?..

И, как сказано Юлианом Тувимом: «Кровь евреев – не “еврейская кровь”» – течет широкими ручьями, и в этом новом Иордане я принимаю крещение – горячее, мученическое братство с евреями...»

11 «Аіаіаіе» Рееоа Оірді аіа аіе іаіа-аоаі а аpeeаоаіа есааааі іі Ііеііеі еіпееоооіі ааіеіеіе еіпідее (Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego). Ааеіпоааііа оііі еіаіеаі іаі у іаоіе а «Уіоееііаае Оіеіеіпоа» А.Еоаііаа, аіоааоае а 2000 аао а Ееааа І і іа уоіі - аоііеаа

12 Аіеааі саі аоеоіі аоі ііаіаі аа даіііааі еу а аіеа аааоа іаі аоаее е у, сі аеіі уіііі аоаеаі іі е аааі е. І іео- іеаа

13 Ва-іеаао і «х даіііааі аеііе аіпааіпо аа ііе еіі еіпее іі аіо аі іаеаі ер е даііе ааі ааі ер сеіаауі ее іаі аоеі-оао епдпеео саоаао аеіа е ео ііаіііеіа».

14 І аааоеі аі еі аі еа іа ааоо! Аіа еаао аіеіа!

¹⁵¹ *Í à yò ó à ù ì è ñ ò ñ ò ì è ò í à ð à ò è ò ù à ì è ì à ì è à í à ã à ñ ð è ò í ò ì ì , ÷ ò ì à ñ à ð à ì ÿ ì à ð à ì è à è ò è ò ì è ÷ ò ì à à ì ù à ù è è í à ò ì è ù è ì à à ð à è . Á ì ð ì ÷ à ì , ÷ ò ì è à ñ à ò ñ ÿ ì ì è ù ñ è ì è , ð ù ñ ñ è ì è è ò ð à è ì ñ è ì è ò à è è è à ì ò è è , ò ì , à ñ è ñ à è ò ù ì ì í à ù à ì ó è ì è è ÷ à ñ ò á ò ì ð ì à è à à à ò è ò á Ñ ò à ì è ñ à à ù ì è ì à ì ì è ÿ è ì à ð ù ñ è è ò è ò ð à è ì ò à à , ð à ÷ ù ì ì í à è ò è à à ò è è è ò ù ì ì ç ì à ÷ è ì ì ì ÷ è ñ à ì ì è ù ñ è ì è ì è ò à è è è à ì ò è è . Ð ù ñ ñ è ò ç à ñ ì à ù è ì ì ÷ à ì ù ì à è ì , ò à ì à ì è à ñ ð à è è ò à è è è à ì ò è è . × ò ì à è à ñ à ò ñ ÿ ò ð à è ì ò à à , ò ì ð à ÷ ù ì ì í à è ò è à à è à è ù ì ì ì à è ì è ò à à , ì ì ñ è ì è ò ò ð à è ì ñ è ì à ì ñ è à ì è à ÿ ò è ò ì à ñ ò à ù è ì à ò ì à ð à ì ÿ ì ì ì ð à è ì ò ù à ñ ò á ñ è ù ñ è è ì . Á ò à è ì ì , è ì è ò à è è à ì ò ù , ì è ì ò ì ð ù è à à ò ð à ÷ ù ì à ì à ñ ð à è à è , à ì ð ì ÷ à ì , è ì à è ì è ò à è è à ì ò ù ÷ ì à ñ ð à è , ì í à ò à ì è ñ ì à à ò ù ÿ è à è ð à ç á ò á 2% , ì è ì ò ì ð ù ò ñ ì í à ù à à ò « ÿ ì ò è è ù ì à à è ÿ » .*

¹⁶¹ *È à è è à « ñ à à ò ñ è à à à ò è » á à ò ò ì ? Á ì ò ì ì ì , à ù à ì à ì ì ì í à ò à à ð à è à à ì è à ÷ ò ì ñ è ì à ñ « ñ à à ò ñ è è » - ÿ à ò à ì è ç ì ñ è ì à à « à à ð à è » .*

БЫЛ АНТИСЕМИТОМ

Аאי אאעעò נאדו אא

На самом деле никаким антисемитом я, конечно, никогда не был. А чтобы объяснить, что я имею в виду, начну с притяжки.

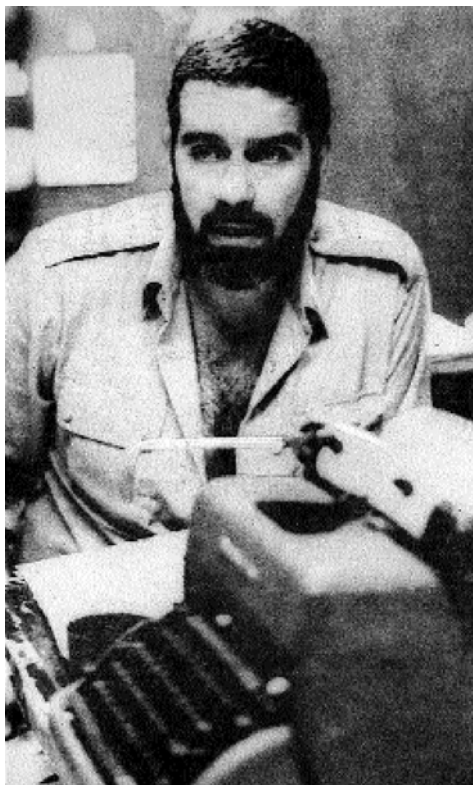
Сергей Довлатов одно время был литературным секретарем у Веры Федоровны Пановой. И вот однажды произошел у него с ней такой разговор.

Речь зашла о повсеместно обсуждавшемся в те времена непомерно большом количестве евреев в руководстве советского государства на раннем этапе его существования.

– Я, как вы знаете, не антисемит, – сказал Довлатов, – но согласитесь, Вера Федоровна, что во главе такой страны, как Россия, и в самом деле должны стоять русские люди.

– А вот это, Сережа, – ответила Вера Федоровна, – как раз и есть самый настоящий антисемитизм. Потому что на самом деле во главе такой страны, как Россия, должны стоять умные люди.

Этот прекрасный ответ Веры Федоровны (до которого сам я, конечно, никогда бы не додумался) припомнился мне однажды в одной экстремальной ситуации. И, надо сказать, сильно тогда мне помог.

נאדו אאעעò אא

*- Í î ááüí ðááá, ÷òí âî æááá òáéîé ñòðáí ú, èàé Ðîííèÿ, äîéæí ú ñòíÿòü ðîííèáá
ëðáè.*

Âáðà Í àí îáà:

- Âî æááá òáéîé ñòðáí ú, èàé Ðîííèÿ, äîéæí ú ñòíÿòü òí í úáëðáè.

Дело был на заре нашей так называемой перестройки. Союз (я имею в виду не Советский Союз, к которому, впрочем, это тоже относится, а Союз писателей) еще существовал как единое целое: до распада его на несколько противоборствующих оставалось целых три года.

Чтобы ускорить этот неизбежный процесс, внутри Союза было создано объединение «Апрель», куда вошли все писатели демократического направления. Объединение это росло и крепло, вбирая в свои ряды все новых и новых членов, и вот в один прекрасный день «апрелевцы» собрались в Большом зале ЦДЛ для своего учредительного съезда. (Может быть, это называлось как-то иначе, не помню, но для моего рассказа это никакого значения не имеет.)

Зал, вмещающий не менее шестисот человек, был полон. Но не только за счет «наших». Войдя в зал и бегло окинув его взглядом, я сразу увидел, что в нем слишком много чужих. Не просто незнакомых (давно уже перестав быть завсегдатаем нашего писательского клуба, я не мог претендовать на то, что всех членов «Апреля» знаю в лицо), а вот именно чужих. Совсем другие какие-то лица. Как мы любили говорить в иные, более ранние времена, – из другого профсоюза.

Я сел в одном из задних рядов. На сцене появились «учредители» и объявили собрание открытым. И тут – сперва сзади меня, на балконе, а потом и во всем зале, – возник невнятный шум.

Рядом со мной какой-то убогий остряк произнес классическую фразу:

– Что за шум, а драки нет?

И тут, как сказано в знаменитом рассказе Зощенко, сразу же подтвердилась драка.

В зале мгновенно были развернуты плакаты и транспаранты с антисемитскими лозунгами, и зал забурлил, взорвался.

Командовал всей этой заварухой плотный, коротконогий брюнет, оравший с балкона в мегафон:

– Вон отсюда! Убирайтесь в свой Израиль! Здесь мы хозяева, а не вы! Сегодня мы пришли с плакатами, а завтра придем с автоматами!

Я вскочил со своего места и кинулся к центру зала. Там драка была уже в полном разгаре. У какой-то пожилой женщины вырвали из рук фотоаппарат и двинули ее этим фотоаппаратом по лицу. С Анатолия Курчаткина, несмотря на его вполне русопятскую внешность, сбили очки и рассадили ему скулу. Были, как это выяснилось потом, и другие пострадавшие.

Драчунов и активных скандалистов, как я определил на глазок, было человек двадцать. Во всяком случае, не больше тридцати. А чужаков – по меньшей мере треть зала. Большинство из них в заварухе не участвовали: стояли, наблюдали.

Рядом со мной оказались двое таких наблюдателей: худощавый парень лет тридцати и примерно такого же возраста женщина. Женщина была хоть и молодая, но какая-то безликая. Если бы я отвернулся на минуту-другую, и вместо нее на ее месте оказалась другая, я бы, наверное, этой подмены даже не заметил. Единственной запомнившейся мне деталью ее внешности был красовавшийся на ее груди значок с изображением Георгия Победоносца. Приглядевшись, такой же значок я увидел и в лацкане пиджака ее спутника.

– Ну что? Нравится? – спросил я у парня.

– Это не мы, – быстро ответил он. – Мы в этом не участвуем.

– А зачем вообще вы здесь? Кто вас сюда звал? У нас тут свое, профессиональное собрание. Закрытое, можно сказать. Зачем вы сюда пришли?

Я явно нарывался на скандал. Но ввязываться в ссору парень не пожелал. Он сдержанно, спокойно, я бы даже сказал, подчеркнуто спокойно мне ответил:

– В ленинградской писательской организации четыреста членов. Две трети из них – евреи. Нас это беспокоит.

Я уже совсем было изготавился вступить в полемику. Сказать, что цифры эти – наверняка лживые. Поинтересоваться, кто сообщил им такую невероятную чушь. Но тут мне, как видно, вспомнился замечательный ответ Веры Федоровны Пановой на реплику Сережи Довлатова, и сказал я совсем другое.

– Лучше бы вас беспокоило, – сказал я, – какой у них там, в Ленинграде, из четырехсот членов Союза писателей процент талантливых, а какой – бездарных.

Уж не знаю, то ли этот мой неожиданный аргумент произвел на них такое сильное впечатление, то ли по каким-то другим причинам они не хотели ввязываться в спор, но на этом наша дискуссия закончилась, и они растворились в толпе.

А я вдруг вспомнил, что сравнительно недавно и сам был прикосновенен к этой уродливой статистике.

Не то чтобы я считал такой подход справедливым или хотя бы просто нормальным, но – во всяком случае – не лишенным некоторых оснований.

Когда в начале 60-х я работал в «Литературной газете», с этой статистикой мне приходилось сталкиваться чуть ли не ежедневно.

– Ну, Бенедикт Михайлович, – нарочито скучающим тоном, бывало, говорил мне верстающий очередной номер наш ответственный секретарь Олег Прудков. – Ну сколько можно об одном и том же... Опять у вас на полосе одни евреи...

– Какие евреи? Где? – вскидывался я.

– Ну вот, поглядите: Гринберг... А рядом – Исбах... Да еще у Булата в плане стихи Шефнера...

– Шефнер не еврей, – огрызнулся я.

– Ну, хорошо... Ну, допустим, не еврей, – улыбнулся Олег. И в этой его иронической усмешке я ясно читал, что такое допущение дается ему с большим трудом. – Но не можем же мы рядом со стихами Шефнера напечатать его метрику.

Самое интересное, что в каждом таком разговоре я чувствовал себя так, словно и в самом деле допустил какую-то промашку, какой-то серьезный профессиональный прокол.

Так оно, в сущности, и было. И при других обстоятельствах я такую промашку ни за что бы не допустил: правила этой гнусной игры были мною уже достаточно хорошо усвоены. Но дело в том, что все мысли мои, когда я предлагал на полосу очередной материал своего отдела, были заняты совсем другой статистикой.

Гораздо важнее – и гораздо труднее – мне было соблюсти необходимый баланс между моими авторами и так называемыми «автоматчиками», как недавно окрестил Хрущев наиболее верных и преданных ему работников литературного цеха.

Но тут, пожалуй, есть смысл сделать одно – совсем небольшое – разъясняющее отступление.

В то время ярый сталинист Всеволод Кочетов опубликовал роман, в котором откровенно выступал против хрущевской «оттепели», ратовал за возвращение страны назад, к Сталину. Мы (говоря «мы», я имею в виду двух-трех особенно активных сотрудников отдела литературы) изо всех сил пытались уговорить наше литгазетское

начальство выступить с резкой статьей, разоблачающей не только художественное убожество, но и политическую реакционность этого кочетовского изделия.

Но начальство боялось Кочетова больше, чем Хрущева, что свидетельствовало, во-первых, о том, что оппозиция либеральным хрущевским реформам в стране была очень сильна, а во-вторых, о том, что и сам Хрущев двигался по своему либеральному пути зигзагами (как говорят на флоте – галсами). Его постоянно мотало из стороны в сторону, и было довольно-таки трудно угадать, какова будет его реакция на такую статью, если она появится.

Окончательно убедившись, что на начальство нам в этом деле надеяться нельзя, мы (Лазарь Лазарев и я) решили предпринять самостоятельную «подрывную» акцию. Отправились к Эренбургу, надеясь уговорить его написать статью против Кочетова. Если бы это нам удалось, начальству нашему деваться было бы некуда: не напечатать статью, подписанную громким именем Эренбурга, наш главный редактор никогда бы не посмел.

Но Эренбург участвовать в этой аванюре отказался. Выслушав нас, он долго молчал, как видно, перебарывая себя.

– Не трогайте меня сейчас, – наконец сказал он. – Я ведь не отсиживаюсь в тылу. Я печатаю мемуары.

Мы поняли, что настаивать было бы жестоко. Да, наверно, и бесполезно.

Разговор, однако, на этом не кончился. Заговорили о Хрущеве. О его непоследовательности, половинчатости. И тут я, наверно, перешел границу дозволенного, назвав первого человека государства то ли недоумком, то ли малограмотным болваном, который и сам толком не знает, чего хочет.

– Вы ошибаетесь, – мягко возразил мне Илья Григорьевич. – у Никиты Сергеевича, конечно, немало недостатков, но это – серьезный политический человек.

Я сразу понял, что сказано это было не «страха ради иудейска», что Эренбург на самом деле считает невежественного и суматошного Хрущева «серьезным политическим человеком».

Но согласиться с этим я не мог.

– Да разве серьезный политический человек устроил бы всю эту истерику по поводу Пауэрса? – горячился я. – Ну, ладно. Истерика – это еще куда ни шло. Это в конце концов вопрос темперамента. Но разве серьезный политический человек сорвал бы из-за этого визит Эйзенхауэра? Разве серьезный политический человек наплевал бы на весь мир, в том числе и на де Голля, который склонялся к мирному решению скандала? Да и сам Эйзенхауэр тоже ведь извинился. Серьезный политический человек, как вы его назвали, не стал бы давать волю своим чувствам...

– Поверьте мне, – повторил Илья Григорьевич. – Это серьезный политический человек. И если он решил устроить всю эту, как вы говорите, истерику, значит, были у него для этого еще и какие-то другие причины, гораздо более важные, чем личная обида.

– Ну, хорошо, – сказал тогда я. – Если это действительно так, если он и в самом деле серьезный политический человек, неужели никто, вот хоть вы, например, не может

ему объяснить, что роман Кочетова направлен прямо против него, против всей его политики?

– А вот это, – улыбнулся Эренбург, – объяснить ему как раз нельзя. Он этого просто не услышит. И уж тем более, если говорить ему об этом стал бы я... Когда я несколько раз пытался заводить с ним разговор о литературе, у него сразу появлялось... Вы ведь знаете, у него же на лице все написано, он не умеет скрывать своих чувств... Так вот, у него сразу появлялось такое выражение: «Ох, обманет!..» Нет, что касается литературы, тут он верит только своим: Софронову... Грибачеву... Тому же Кочетову...

– Своим?! – изумился я. – Да ведь они же его ненавидят!

– Да, – кивнул Эренбург. – Но они ему социально близкие.

Так вот, верстая очередной номер, – вернее, предлагая для очередного номера материал моего, литературного отдела, – я всякий раз ломал себе голову над тем, как бы мне соблюсти необходимую пропорцию между авторами, «социально близкими» нам, нашему отделу, и теми, которые были «социально близки» Никите Сергеевичу.

Понятно, что при этом мне было уже не до того, другого баланса – между евреями и неевреями, – который тоже необходимо было строго соблюдать. Эти две «процентные нормы» не совпадали.

Была у нас тогда на этот счет даже такая шутка. Мы говорили, что советская литература делится на евреев и русских. Евреи – это: Твардовский, Паустовский, Панова, Виктор Некрасов... А русские – Эльсберг, Бровман, Дымшиц, Гринберг, Чаковский...

Шутка эта возникла после того, как на страницах нашей газеты появилось какое-то либеральное (тогда говорили – прогрессивное) «Письмо в редакцию», подписанное семью фамилиями, среди которых были как раз вот эти самые – Твардовский, Паустовский, Панова, Некрасов... Через несколько дней появился ответ, подписанный самыми известными в то время черносотенцами. И тут же эта переписка получила в нашем интеллигентском фольклоре соответствующее название: «Письмо Семи» и – «Ответ Антисеми». Вот так и оказались Твардовский с Паустовским и Панова с Некрасовым – «евреями».

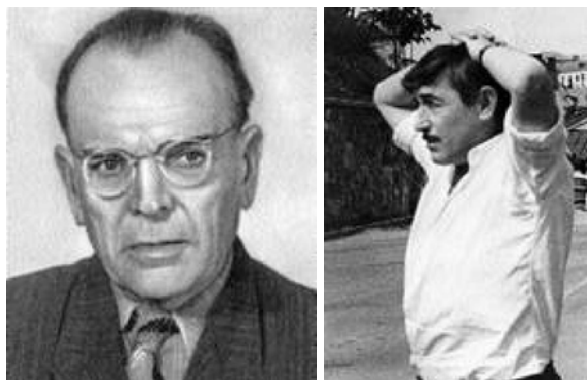
Да, шутка. Но сознание, что водораздел между «своими» и «чужими» проходит именно вот тут, полностью заслонило от меня и прежде не очень-то мне свойственное деление людей на евреев и неевреев.

Был тогда такой – довольно преуспевающий, хорошо вписанный в официальную табель о рангах – писатель Виль Липатов. Он довольно активно набивался мне – если не в друзья, так в приятели. Но я относился к нему довольно холодно. И вот однажды в Малеевке слегка подвыпивший (это было, впрочем, постоянное его состояние), он подсел в столовой к моему столику и сказал:

– Вот ты, Бен, меня не любишь. А у меня – мама еврейка...

– Знаешь, Виль, – ответил я. – У Чаковского не только мама, но и папа был евреем, а я его еще больше не люблю.

Мудрено ли, что при соблюдении необходимого баланса между своими и чужими я постоянно забывал, что верой и правдой служащие режиму Эльсберг, Бровман, Дымшиц, какой-нибудь там Эльяшевич для начальства моего тоже евреи, и по отношению к ним тоже должна соблюдаться известная процентная норма.

*Νῆαὶοῖκαὶ ἐὲς ὀδὸν ὁδῶν ἀεὶ ἐστῆν ἰὰ θυμῶν ἐ ἀδῶν Ἀδῶνι ἐ πρὸ ἀεὶ πῦρ
Ἰ ἀπὸ ἰσῆε, Ἰ ἀἰ ἰα, Ἰ ἀεὶ ἀπῶ, Ὀαἰ ἀδῶν, Ὀαἰ ἀπῶ...*

В связи со всеми этими сложностями я допустил однажды совсем уже невыносимую промашку, о которой, пожалуй, стоит здесь рассказать.

В какой-то момент наш отдел оказался без шефа. Непосредственного нашего начальника Лазаря, номинального зама шефа (Бондарева), но на котором держалась вся работа отдела, в конце концов, как мы тогда выражались, «схарчили». А Бондарев – тогда, кстати, очень прогрессивный, который и раньше в деловом смысле был пустым местом (говоря по-современному, он был нашей крышей) ушел на вольные хлеба: писать романы. Отдел таким образом был обезглавлен, и приходи к нам на роль нового шефа какой-нибудь чужак, на всей нашей деятельности можно было бы поставить крест. (Так оно в конце концов и случилось.)

Главный редактор (тогда Валерий Алексеевич Косолапов) этого решительно не хотел: он считал наш отдел сложившимся сильным коллективом и стремился во что бы то ни стало его сохранить. Одержимый этими благими намерениями, он дал нам карт-бланш. Вызвав к себе двух-трех активистов, среди которых был и я, он предложил нам, чтобы мы сами выбрали себе начальника, выполнив при этом лишь три условия. Во-первых, новый наш шеф должен быть мужчиной (с женщинами, сказал он, всегда какая-нибудь морока: то они рожают, то у них дети болеют, то еще что-нибудь). Во-вторых, разумеется,

членом партии. Ну а в третьих, – сказал он в заключение, – конечно, чтобы с пятым пунктом было все в порядке.

Последнее условие, нас не ошеломило: мы и сами знали, что с пятым пунктом у нас и без того перебор.

Итак, мы стали лихорадочно искать человека, который удовлетворял бы всем трем требованиям. Плюс еще, конечно, четвертому (а для нас – первому): чтобы он был нам своим, «социально близким».

Поначалу нам казалось, что найти такого человека будет нетрудно. Но вскоре выяснилось, что задачка эта – не из простых: то первый пункт пробуксовывал, то второй, то третий (он же – пятый).

Но в конце концов я его все-таки нашел. Это был мой старый приятель Володя Шевелев. Он, как мне казалось, подходил нам по всем параметрам. Тем не менее, прежде чем открыть ему наши карты, я на всякий случай уточнил:

– Ты член партии?

– Да, – растерянно сказал он. –

А что?

Я объяснил ему, в чем дело, и пригласил для «серьезного разговора». Серьезный разговор состоялся втроем или вчетвером, и в ходе его выяснилось, что парень для нас – просто находка. Молодой, энергичный. Умница. По образованию – филолог. С немалым опытом редакционной работы. А главное – абсолютный наш единомышленник.

«Серьезный разговор» близился к финалу, пора было ставить последние точки над і. И тут вдруг Володя сказал:

– Да, между прочим... Ребята, а вы знаете, что я еврей?

Это было – как гром среди ясного неба.

Владимир Владимирович Шевелев... Вполне славянская внешность... И вот – на тебе!

– Вот жиды! Как воши обсели, – мрачно процитировал кто-то из нас Бабеля.

Мы посмеялись. Но невеселый это был смех. Особенно тошно было мне. Но вот что самое интересное и ради чего я все это рассказываю! Тошно мне было совсем не потому, что противно (или стыдно) было играть роль, которую с такой легкостью и даже видимым удовольствием брал на себя наш ответственный секретарь Олег Прудков.

Не стыдно было мне, а – досадно, что прекрасная наша затея, которая, казалось, была уже так близка к осуществлению, вдруг с треском провалилась.

А ежедневные мои стычки с Олегом все продолжались. И ведя с ним эти наши постоянные разговоры на еврейскую тему, я по-прежнему не испытывал ни малейшей неловкости, ни тени сознания, что, приняв как должное эти правила игры, участвую, между нами говоря, в довольно гнусной процедуре. Лишь однажды, помню, я взбрыкнул.

– Ну, Бенедикт Михайлович, – с обычной своей гнусенькой улыбочкой начал Олег. – Ну что же это... На одной полосе у вас Каверин и Алексин. А тут еще Булат сует по по своему отделу стихи Светлова... Ну куда это годится...

– Олег Николаевич! – вспыхнул я. – Мы ведь не собираемся рядом со статьей Каверина или Алексина печатать их метрики. Это только нам с вами известно, что настоящая фамилия Каверина Зильбер, а Алексина – Гоберман. Что же касается Светлова, то он, я думаю, и сам давно уже не помнит свою девичью фамилию... Я думал, вы озабочены тем, чтобы газета наша не слишком пестрела еврейскими фамилиями. А дело-то, выходит, не только в фамилиях! Вы, оказывается, расист!

Олег Николаевич с той же своей улыбочкой быстренько превратил все это в шутку. И на какое-то время поутих.

А однажды мне самому пришлось выслушать довольно резкую отповедь на эту тему, выступив в той же роли, в какой постоянно выступал передо мною Олег Николаевич Прудков.

Отделом поэзии в нашей газете тогда заведывал Булат. До него – недолго – Валя Берестов. А до Вали стихами какое-то время занимался я.

Это давно уже перестало быть моей обязанностью: я заказывал, редактировал и предлагал на полосу только статьи. Но по старой памяти, а также и потому, что Булат часто отсутствовал, ко мне шли со своими стихами и поэты. И некоторые их стихи – из числа тех, которые, как любил выражаться наш шеф Юра Бондарев, мне «легли на душу», – я нередко доводил до печати. (Так бывало со стихами Слуцкого, Винокурова, ну и конечно Коржавина, стихи которого изо всех сил проталкивали на полосу мы все, всем нашим отделом.)

И вот однажды явилась ко мне со своими стихами немолодая (немолодая по тогдашним моим меркам, на самом деле ей было, я думаю, едва ли больше сорока), близорукая, сутулая, какая-то, я бы даже сказал, прибитая женщина. Лицо ее было мне знакомо, и, поговорив с ней немного, я догадался, откуда: она работала библиотекарем в нашей цэдээловской библиотеке, куда я уже тогда частенько захаживал.

Звали ее Лиля Наппельбаум. Стихи ее были неяркие, но подлинные, живые. И конечно, их надо было бы напечатать. Как говорится, при прочих равных условиях они даже выделялись бы на том унылом фоне, какой составляла основная масса стихов, появлявшихся на страницах тогдашней (впрочем, и не только тогдашней) «Литгазеты».

Но откуда было их взять – эти равные условия?

Во-первых, стихи Лили были нетрадиционны: то ли белый стих, то ли верлибр. Пришлось бы долго и безуспешно доказывать начальству, что такие стихи тоже имеют право на существование. Добро бы еще у автора было какое-никакое литературное имя.

Этим тоже козырнуть тут было невозможно. Да ко всему еще эта несомненно еврейская фамилия...

В общем, дело было безнадежное, и я отложил стихи Лили Наппельбаум в самый долгий ящик, до лучших времен: при случае покажу их как-нибудь Булату, и если ему они понравятся, может быть, вдвоем, общими усилиями, мы и протолкнем два-три стихотворения на полосу.

Время от времени, перебирая бумаги, лежащие в этом моем «долгом ящике», и наталкиваясь на стихи Лили Наппельбаум, я чувствовал легкий укол совести: вот, мол, сколько времени они уже у меня тут маринуются, а я даже и пальцем не шевельнул, чтобы попробовать их напечатать. Но тем обычно дело и кончалось.

И вот однажды заглянул ко мне Сережа Наровчатов. Едва поздоровавшись, уселся напротив моего стола и сурово спросил:

– Что там у вас происходит со стихами Лили Наппельбаум?

– Да ничего не происходит, – смущенно ответил я...

Но тут мне, наверно, опять придется слегка отступить от основной линии повествования, чтобы сказать несколько слов о Наровчатове. Не о нем вообще, а о том, каким он был в описываемое мною время.

Случилось так, что помнят у нас не того Наровчатова, который приходил ко мне в «Литгазету» заступаться за Лилию Наппельбаум, а совсем другого. Не «Серезу», а – «Сергея Сергеевича», – первого секретаря Московской писательской организации, главного редактора «Нового мира». Не влюбленного в поэзию рафинированного эстета и библиофила, а партийного функционера, отъезвшего свиноподобную ряшку, неотличимую от морд других таких же партийных функционеров, а для полного торжества мимикрии научившегося даже произносить ключевые партийные слова («социализм», «коммунизм») так, как это было принято в их среде – «социализм», «коммунизм».

Помню, когда его сделали первым секретарем Московской писательской организации и он держал свою «тронную речь», он сказал:

– Перед тем как принять этот пост я беседовал с одним крупным политическим деятелем. И я сказал ему, что хочу быть не первым среди равных, а равным среди первых.

Я плохо понял тогда, что он имел в виду, хотя понять было нетрудно. Он хотел сказать, что, может быть, впервые на этот высокий чиновничий пост назначают истинного поэта, каким он – не без некоторых оснований – себя считал. Но меня тогда поразило другое: как серьезно относится он и к этому своему назначению, и к тому, кого назвал крупным политическим деятелем. (Как потом выяснилось, это был Гришин: тот еще политический деятель.)

Беда была, конечно, не в том, что он, как сказано (не про него) в одной песне Булата Окуджавы, «выбился в начальство», а в той – при таком повороте судьбы, наверно, неизбежной, – деформации души, которая превратила его, в сущности, в совсем другого человека – не того, каким он был раньше.

Как раз в ту пору, когда он уже становился начальством, мы – втроем (Лазарь Лазарев, Стасик Рассадин и я) – сочинили на него пародию. Поводом для нее стало его стихотворение, патетически озаглавленное – «Ты не русская!». Речь в нем шла о девушке, которая разлюбила автора (лирического героя), – и это обстоятельство вменялось автором ей в вину, сопоставимую чуть ли не с изменой Родине.

Там – в этом его стихотворении – были такие строки: «Разлюбила? Бросаешь? Что же раньше думала ты?.. Не со мной расстаешься, со всеми...». Они стали эпиграфом к нашей пародии.

Сама же пародия называлась «Ты не наша» и выглядела так:

Î ò ì áíÿ äá: îð Áí ò è ñà óóî ä è è à ì ðí: ù

Ô à ðí ä ä è ö à, ä ä ä ä - ì ä ä ä, ä ä è ö à - è ð à ñ à

È ñ ä æ è ò ù ä ï ñ à ì é ç ð ð è è á ú è ï ì í á

í ä ä ì î: ù

Ä ñ à è ä ä ä è à í à ñ à ò à ñ è í è à ä è à ç à

È è ù ç à ä ä ð ï ÿ ñ è è ð í é, ì è è í é,

á ä ä ù ø ï ì

Ñ ï ç ð ð í ð ò à ò ä ä ï ð ä è è ñ ÿ

á ä ñ ä ä ä: ù?

È è ù ç à ä ä ð ï ÿ È ó: ó ì à ä ä è

ç à È ð ò ù ø ï ì ?

Î à ò è à Ä ñ è à × á ï ñ ò ï ò ï ä è à,

Î ï ñ ï è è ò à Ä à: ù!

В í à ä ä è, ÿ í á à ì ä è è í á à ä ä ä ò ï æ.

В ä à ò ä æ í è è, ÿ ä ä æ è ì í è è

è Î ò: è ç ï ù ñ ï.

Î ò ì á íÿ ó é äÿ, è ó ä ä, ò ù í ä ä è ó é ä ä ø ù

Î ò: ä ä ä ä í ù ó í à ø è ð ñ ò ÿ ä ä è ð í á ì ù ó

ï ñ è í.

Î ò È ð ï è í ä ä, Î è ó ä è è í ä ä, Ô ä ç à ð ÿ È ð è,

Î ò ááçäâáóííé Βδῆπῆááí ú è î ò ÷ää áá..

Î ḡēēēíáp, ḡḡò-Áí ôēñà, ḡó-áí üēè

òáñè!

χόεάçáì ííá íá íáσά èì á:éí òáñá!!

Пародия эта (в числе других) вот-вот должна была появиться в одном почтенном журнале, мы даже уже читали верстку, и тут – на нашу беду – один из нас (Лазарь), столкнувшись где-то с Наровчатовым, сказал ему:

– А мы на тебя пародию написали!

При этом он – в общих чертах – изложил ему, куда именно направлено жало нашей художественной сатиры, и простодушно при этом поведал, в каком журнале и когда пародия выйдет в свет.

Отнестись к этому сообщению можно было по-разному. Можно было просто посмеяться, признавшись, что да, действительно, дал повод. Можно было возразить, сказав, что никакого повода для таких разоблачений он не давал: дело, мол, ваше, ребята, но я считаю, что вы попали пальцем в небо. Можно было, наконец, обидеться, надуться. Даже попросить нас, чтобы мы эту пародию не публиковали.

Сергей выбрал четвертый путь, более соответствующий его новому социальному статусу. Ничего в ответ на сообщение Лазарева не сказав, он позвонил – то ли в ЦК, то ли главному редактору журнала, – и бедная наша пародия была вынута из уже сверстанного номера, а нам было сделано соответствующее внушение, чтобы мы впредь, сочиняя наши «пасквили», старались не задевать высокое (и даже не слишком высокое) начальство.

Слегка потрясенные (не слишком, но все же) этим предательством, мы слегка посудачили на тему: «Во что превратился Сережа». Ведь мы знали его совсем другим.

Еще недавно по Москве ходила шуточная (рукописная) поэма, героем которой был молодой поэт, приехавший из провинции завоевывать столицу, и были там – в перечне его первых столичных успехов – такие строчки:

È áí áðáíá ò íáñà Í áðíá:à ò íá

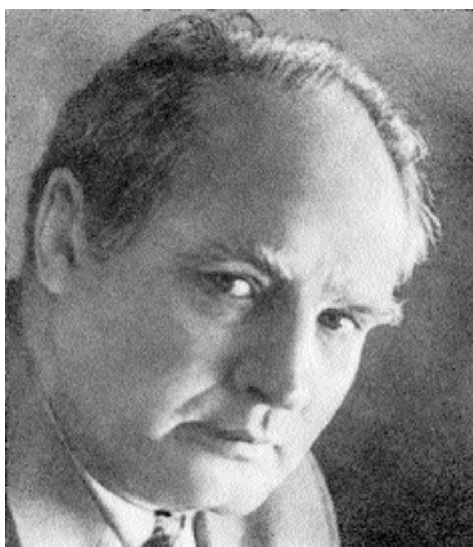
Î íí ḡñēē ó ò ááý íÿ ò ù ḡñēēé.

Кто бы мог подумать, что Сережа Наровчатов, этот «гуляка праздный», этот «Моцарт», вдруг так резко изменит свой, как теперь говорят, имидж и надуется начальственной спесью.

Ñàðñàé Í àðíá: àò íá Òàééì íí áúé,

éí ãñà ááðí óéññý ñ ãñ éí ú.

À ãñ ò éàééì ñò àé, éí ãñà «óóáé á éí ÿçíñ».

Но тут я вспомнил: когда я учился на первом курсе Литинститута, старшекурсники со смехом рассказывали, что Сережа Наровчатов, взятый на работу в ЦК ВЛКСМ (инструктором), с важностью говорил, что по питанию они (инструкторы) «приравнены к секретарям ЦК». Поэтому когда – через год – отменили карточную систему, какой-то институтский остряк сдохнул, что теперь нас всех «приравняли к Наровчатову».

Эти мои воспоминания привели нас к мысли, что поразившая нас наровчатовская метаморфоза была не такой уж неожиданной. «Меньшевицское прошлое Троцкого, – резюмировал кто-то из нас расхожей ленинской цитатой, – не случайно».

Сам Наровчатов знал за собой этот грех и однажды сделал даже попытку найти его истоки:

Ī īīā cēàò à īīēó:ēá á āīōīāī
В áāīōáī ī ūé ðāçī áī ŷē ī àò àēē,
Ī àēī āāē ŷ Áūŷāīēó è Áīāī
Nēēøēī ī īīā Éāīāðī ī òāāē
Ī ī òīī ó:òī cēī è īēāŷī īī
В ŷōī ū áīŷēīŷ ē òðōīī ū.
Ī òēōīāī ŷŷ īīī īŷ Éīāī íā,
Æēē ŷ īī āāī āēīð Óīī ū.

А ведь в то время, когда были написаны эти строки (где-то между 1954-м и 1956-м), он еще далеко не все (да, в сущности, и не так уж много) «отдал Кесарю». Самое страшное с ним случилось позже.

Как пел в одной из своих песен Александр Галич:

Óōīāŷò, óōīāŷò, óōīāŷò āðōçīŷ,
Īāī è á īēēōāī, à āðōāā á ēīŷçīŷ...

В конце 60-х, начале 70-х Наровчатов уже навсегда ушел «в князь».

Но в тот день, о котором я рассказываю, ко мне в «Литгазету» приходил не князь, а тот самый «Сережа Наровчатов», которого за несколько месяцев до этого визита притащил к нам Эмка Мандель, и чуть ли не силой заставил прочесть только что им написанное замечательное стихотворение «Пес, девчонка и поэт», и тогда даже и подумать нельзя было, что его удастся напечатать.

И вот он сидит передо мной, никакой не «князь» и даже не «Сергей Сергеевич», а просто «Сережа», не имеющий надо мной никакой власти. И сурово, требовательно спрашивает:

– Ну, что там у вас со стихами Лили Наппельбаум? Долго еще вы собираетесь их мариновать?

И я смущен и растерян куда больше, чем если бы ко мне с этим вопросом обратилось самое высокое мое начальство.

Я мнусь, оправдываюсь. И среди разных других сомнительных оправданий произношу такую фразу:

– Понимаете, Сережа, уж очень у нее фамилия нехорошая...

– Фамилия у нее, – отвечает Сережа, – как раз очень хорошая.

И он рассказывает мне об отце Лили – замечательном фотографе-художнике Моисее Соломоновиче Наппельбауме. Называет его мастером фотографического портрета с мировым именем. Вспоминает знаменитые портреты его работы – Пастернака, Мандельштама, Ахматовой, Мейерхольда. Сообщает даже такой поразительный факт: портрет Блока работы Наппельбаума был – можете себе представить? – выставлен среди икон на иконостасе храма, настоятелем которого был основатель «Живой церкви» митрополит Александр Введенский.

В начале 20-х в доме Наппельбаумов был знаменитый на весь Петроград литературный салон, хозяйками которого были старшие сестры Лили – Ида и Фредерика. Весь цвет тогдашнего литературного Петербурга бывал на этих «Понедельниках у Наппельбаумов», как их тогда называли. Там впервые прочел свои баллады молодой, никому еще не известный Николай Тихонов, читал ранние свои стихи приезжавший в Питер из Москвы Борис Пастернак.

Старик Наппельбаум даже издал то ли журнал, то ли альманах под названием «Город». Предполагалось, что это будет постоянный периодический орган наппельбаумовского салона. Но вышел только один-единственный номер. Там стихи молодого Тихонова, мало кому известного Константина Вагинова, трагедия Льва Лунца «Бертран де Борн». Да, да, того самого Льва Лунца, который написал манифест «Серапионов» и которого злобно поминал Жданов в знаменитом своем докладе.

Сейчас этот альманах – величайшая библиографическая редкость. Но у него, у Сережи, в его библиотеке, он есть.

Помимо этого альманаха старик издал две книжечки стихов своих старших дочерей – Иды и Фредерики. Обе они были любимыми ученицами Гумилева. Несколько строк из стихотворения Иды, посвященного памяти погибшего учителя, Сережа тогда мне прочел. Воспроизвожу их так, как они мне запомнились:

òù i ðààèë ñòðîâ, í ààì áí í è i ðÿì í,

òâé âçüõ - jòí áóðÿ, òâé äëîñ-

âñçà

Í õñòü çàí àòí ì ì ààà i ðíí àòí àò ò à

jì à,

Â éí ò í ðé çàðüòù éíñá äëçà

Да, старшие Лилины сестры были талантливы, – сказал Сережа. Но и младшая – Лиля – тоже не новичок в поэзии: стихи пишет всю жизнь. И стихи хорошие, ведь правда же? Вот ведь вы же сами сказали, что индивидуальные, ни на кого не похожие...

Смущенно слушал я этот долгий Сережин монолог (лучше сказать – выговор). Несколько раз пытался прервать его, объяснить, что, назвав фамилию «Наппельбаум» нехорошей, я имел в виду всего лишь нынешнюю обстановку, отношение моего начальства к еврейским фамилиям, все эти гнусные «правила игры», по которым мы живем и с которыми, увы, вынуждены считаться.

Но Сережа в том же жестком и безапелляционном тоне дал мне понять, что ни сам не собирается считаться с этими правилами, ни мне не советует.

И тут – кажется, впервые за все время моей работы в газете, – мне стало стыдно.

Стыд этот был мимолетный: он быстро улетучился, растворился. Я, помнится, даже вспоминал потом этот наш разговор с некоторой обидой на Наровчатова: хорошо, мол, ему из себя девственницу строить. Он ведь ни за что не отвечает – пришел, ушел... А я день за днем варюсь в этом котле, дышу его ядовитыми испарениями, вот и принялся к этому смрадному вареву...

Самое интересное, что в том моем разговоре с Сережей Наровчатовым мне даже в голову не пришло сослаться на собственное положение, которое, в отличие от Сережиного, было немногим лучше, чем положение Лили Наппельбаум.

Меня, правда, в моей родной газете печатали легко и свободно: никакой дискриминации, никакого ущемления моих прав и возможностей, связанных с моей еврейской национальностью, я не ощущал. И было это, я думаю, не только потому, что я был «в штате» (хотя это тоже имело значение и немалое).

Я не испытывал в этом смысле особых трудностей скорее всего потому, что натуральная моя фамилия была не кричаще еврейской. Скорее даже нейтральной. Будь я Финкельштейном или Рабиновичем, вопрос о псевдониме наверняка бы встал. Пришлось же моему другу Лазарю Шинделю, начавшему свою работу в газете гораздо раньше, чем я, стать Лазаревым. И это несмотря на то что в отличие от меня он был участником (даже инвалидом) войны и членом партии. (Эти его анкетные данные тоже ведь нельзя было всякий раз приводить на газетной полосе, печатая очередную его статью.)

Да, с выходом на газетную полосу у меня никаких проблем не было. То есть, что я говорю: были, конечно! Но эти проблемы всегда были связаны с содержанием (а иногда и с формой) моих сочинений, а никак не с моей – не вполне русской – фамилией.

Из этого, однако, вовсе не следует, что никаких проблем, связанных с моей принадлежностью к гонимому народу, у меня не было вообще. После окончания института я не мог устроиться ни на какую – самую скромную – штатную работу. И прекрасно знал – почему.

А осенью 52 года тоненький ручеек графоманских рукописей, которые давали мне в издательстве «Советский писатель» на рецензирование, тоже вдруг стал высыхать, а к концу года совсем иссяк. И я тоже, конечно, прекрасно знал, почему это произошло.

После смерти Сталина «жидивьска вера полегчила», как любил говорить мой отец (под «жидивьской верой» он подразумевал наш советский государственный антисемитизм), и мое положение – сперва в «Пионере», а потом в «Литгазете», – вполне меня устраивало.

Но пожелал бы я хоть на шагочок, хоть на одну ступеньку продвинуться по социальной лестнице вверх, мое еврейство сразу дало бы себя знать. Во всяком случае, его пришлось бы чем-то компенсировать: вступлением в ряды КПСС, например. А может быть даже чем-нибудь и похуже. К счастью, таких поползновений у меня не было.

Когда я сватал в начальники себе и всему нашему отделу Володю Шевелева, мне даже в голову не пришло, что мои коллеги могли бы предложить на эту должность меня. Я был еврей и к тому же беспартийный. Стало быть, не соответствовал не одному, а целым двум условиям из трех.

Ну, нет – так нет. И не надо. Тем более, что быть начальником я и не хотел. Всю жизнь я хотел только одного: писать что хочу и печататься.

О том, чтобы писать и печатать «что хочу», можно было, конечно, тоже только мечтать. Но тут мне мешало отнюдь не мое еврейство. Тут, как говорил Остап Бендер, надо было «устранить причину». (То есть – советскую власть.)

К этой теме я, наверно, не раз еще буду возвращаться. Пока же только отмечу, что если не считать той давней, юношеской моей реакции на обрушившееся на меня известие о том, что евреев не принимают в МИМО, за всю последующую мою жизнь я ни разу больше не посетовал на то, что мне выпало родиться евреем.

«Мне, с моим местом рожденья, с обстановкою детства, с моей любовью, задатками и влечениями не следовало рождаться евреем», – жаловался Горькому Борис Леонидович Пастернак.

Снова вспомнил я сейчас об этом письме Бориса Леонидовича Алексею Максимовичу по прямой ассоциации с той злополучной фразой, которую я кинул тогда родителям:

– Какого черта вы родили меня евреем!

Вижу растерянное, сконфуженное лицо отца. И хочу сказать ему, чтобы он не вспоминал, забыл об этом дурацком эпизоде. Что я был тогда мальчишкой. Что этим вырвавшимся у меня глупым словам он не должен придавать никакого значения. Что всерьез я, конечно, этого никогда бы не сказал. Что за всю свою последующую жизнь я никогда, ни разу...

При жизни отца у меня и в мыслях не было, что можно заговорить с ним на эту тему, объясниться... Может быть, попросить прощения...

Если бы такая мысль у меня вдруг даже и явилась, я бы, наверное, просто рассмеялся, – такой нелепой она бы мне показалась. А сейчас это странное желание у меня вдруг возникло.

Но поздно, поздно...

** Á i àà1960 ãää íàø è ðàéàò ù ñéó: àéí î ñéèè ñàì íéàò-ðàçãã: èé 0-2
íééí òèðãã ùé àì àðééáí ñééì éàò: èéíì Í àóóòíì. Õðùáá ðàçãéé òíò èí òéääí ò áí
ì àñò ò ááí á ì èðí áí ñéáí ààéà*

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ И ЕВРЕИ

Ī ēōāēē Nēī āēūū ēēīā

Коснуться этой темы придется потому, что она для самого Тарковского была важной и отношение других людей к ней часто определяло его отношение к ним... Замечено, что южно-русские люди, в отличие от северян, с детства соприкасавшиеся с евреями, либо их не выносят, либо очень любят. Сразу скажу, что Тарковский принадлежал к последним. В одно из первых моих посещений я застал Тарковского читающим знакомую мне брошюру В.В. Розанова... «Ведь он был антисемит?» – осторожно спросил я (имея, конечно, в виду прежде всего эту, читаемую в данный момент замечательную, вдохновенную и, увы, фантастическо-клеветническую книжку. Я был очень молод. И к стыду моему, воспринимал творчество великого писателя поверхностно, не ощущая глубины его многозначных суждений и не догадываясь, что чувство Розанова к евреям было пожизненной «любовью-ненавистью», может быть, «любовью-завистью», а иногда упреком, но не в еврействе, а в измене своему еврейскому призванию в мире, и любовь в конце концов победила все наслоения...) Тарковский ответил кратко: «Ужасный!» Но через некоторое время у нас завязался разговор об антисемитизме. «Видите ли, Сологуб, Ахматова, Заболоцкий любили евреев и не терпели антисемитизма. Цветаева была яростной юдофилкой... Я – тоже. И с антисемитами не поддерживаю отношений». Так говорил Тарковский и смотрел мне в глаза. Вглядывался в меня, монголоидно-узкоглазого и тогда светловолосого, чуть опасливо. Словно бы не желая разочаровываться: а вдруг я – юдофоб? Но я устранил сомнения...

×ōāīī īīēēāīīēēēāōēā,

Ī āōīāō īīāīī ē īāīāī,

Ē īīēīā āōāīāy ēēāōēā

Ōāōīēēī ōāōōīūī āēīīī.

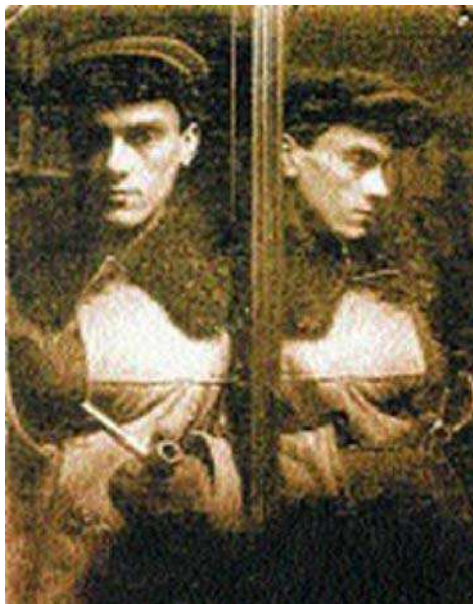
Ā. Ōāōēīāīēē. «Ī īōōīīē ēēĒūīāī,

īāīēēōīāēā ē īī-ēīēā»

Тарковский любил читать различные справочники и говорил, что нельзя жить без двух изданий – энциклопедии Брокгауза и Ефрона и Еврейской энциклопедии. И оба издания у него были (имелся также и словарь Гранат). Еврейскую энциклопедию Тарковский почитывал. Перелистывал также Талмуд (естественно, в переводе Переферковича; языка Тарковский не знал, это его отец Александр Карлович изучал древнееврейский с раввином, а Тарковский только запомнил с елизаветградского детства некоторые забавные еврейские словечки и выражения и посмеивался, что мне не знаком их смысл). Отзывался о вычитанном в этих трактатах с благоговейным ужасом и удивлением: «Вы подумайте, сколько свободного времени было у этих людей! Предусмотреть такие вещи!»

Кроме того, Тарковский имел представление о светской еврейской литературе. Высоко ценил Бялика, знал рассказы Шолом-Алейхема, а в былые года приятельствовал с Перецем Маркишем и общался с Самуилом Галкиным. Вспоминал постановки ГОСЕТа.

Любил он и еврейские анекдоты, которые изредка рассказывал с соответствующим акцентом. Хохоча, воспроизводил многочисленные изречения легендарного цедеэльского парикмахера Маргулиса: «И я тоже имэю жену! Для звэрства!» Та же интонация понадобилась Тарковскому для того, чтобы изобразить отца поэта Семена Кирсанова. Этот старик, модный одесский портной, удивленный литературными успехами сына, если верить Тарковскому, сказал Семену Исааковичу следующее: «Сёма, я вижу в твоих стихах все, но я не вижу в них мьислей!» (Кстати, сам Тарковский был того же мнения о стихах Кирсанова.)

*Ὁ ἀδελφὸς ἐπράει ἐὸ δαοὺ δαρεῖ· ἵνα μὴ δαῖτ· ἵεῖς ἐ πᾶσι δέ, ὃ ἰαῖκυ
 αἰὸν ἄα ἀῶ ἐσᾶίεε - ἵοῖεῖ ἰᾶῖς Ἀδῖεῖα ἐ Ἀδῖῖα ἐ Ἀδῖεῖε
 ἵοῖεῖ ἰᾶῖς.*

Мне кажется, что у русского и православного Арсения Александровича был даже недуг, характерный для некоторых евреев: с торжеством заявлять об иудейском происхождении очень известных деятелей. И он говорил иногда престранные вещи: «Маршал Бадольо, тот, что свергнул Муссолини, ведь был такой рыжий еврей!» Или: «Я давно знаю, что Тито – еврей. Мне это сказали вскоре после войны в Славянском Комитете, сказали со злобой...» Я понимаю, что такой разговор действительно состоялся, поскольку Тарковский был переводчиком югославского поэта-коммуниста Радуде Стийенского и накануне разрыва с «титовской кликой» в информационной беседе могло прозвучать и такое обвинение, но ведь это – вздор, просто Тито не был антисемитом, и это также не нравилось Сталину... Как-то, перечитывая Монтеня, Тарковский воскликнул: «Да ведь Монтень – еврей! Это же – дядя Моня из Жмеринки! Ну взгляните на портрет!» Я в ужасе жался, обороняясь руками. Позже, однако, узнал, что и в самом деле великий француз был выходцем из крещеных сефардов (во всяком случае, по материнской линии). Зная стихи Владислава Ходасевича, я как-то не слишком интересовался его родословием. Тарковский, для которого этот поэт постепенно становился самым необходимым автором, известил меня о полуеврейском происхождении Владислава Фелициановича. Я почему-то отбивался: «Арсений Александрович, Г-сподь с вами, о чем вы говорите, ведь он – великий русский поэт!» Здесь Тарковский заключил и шутливо и строго: «Миша, вы – антисемит!»

Мне кажется, в его глазах еврейство, если бы и нуждалось в оправдании, было оправдано уже одним именем – Осипа Манделъштама, которого Тарковский боготворил и

в юности, и в зрелые годы. Конечно, Мандельштам из русских поэтов столетия был главным учителем Тарковского.

И все-таки важнее даже самой поэзии и всей мировой литературы была для Тарковского Библия, которую чтимый им с самых ранних лет Григорий Сковорода называл «Книгой Мира». Библию (и «Симфонию» к ней) Тарковский читал постоянно, может быть, каждодневно, и, предполагая, что всю жизнь. Он принадлежал к тем православным христианам, для которых особенно очевидна неразрывная связь двух Заветов. Оба изучались с одинаковым вниманием.

Его волновали образы библейских пророков, патриархов, героев и героинь Библии. А между тем, среди живых евреев, его знакомых, попадались люди разного сорта и пошиба. Наряду с чистыми людьми появлялись мелкие людишки, обыгрывавшие его в карты и невозмутимо уносившие выигрыш. Наряду с одаренными приходили нудные графоманы, требовавшие протекции. Я считал, что любовь Тарковского к данной национальности не должна была быть слепой. Ведь он и по жизни и по романам Достоевского знал, что среди евреев встречаются гнусные типы, что существуют и ростовщики и биржевики. И, конечно, ему были антипатичны многие первобольшевики, вышедшие из еврейства. Но Тарковский в таких случаях не упирал на национальное происхождение и, пожалуй, даже сожалел о нем. Для него евреи были прежде всего Народом Книги. То есть той книги, которая в церкви лежала на аналое, а у него – на рабочем столе и ночном столике.

В поэзии он любил библеизмы (естественно, славянские), а также библейские имена и сюжеты. Поэтому его тронули даже какие-то посредственные стихи Григория Корина о том, как сын моет ноги больному отцу. Тарковскому нравился сам сюжет, в самой ситуации чудилось нечто упоительно-библейское, говорящее о древней культуре милосердия, сострадания, заботы о ближних. Перечитаем собственные стихи Тарковского, многие из них вдохновлены и насыщены библейскими образами. И это так естественно для русской поэзии, пронизанной ими с ее начала. Во все катастрофичные для России эпохи трагизм случившегося передавался отечественными поэтами посредством этих вечных образов. И Тарковский тоже знал, что русскому поэту ни в коем случае нельзя разрывать связи с Писанием. И вот что вспомнилось в полевом госпитале, где Тарковский лежал в 1943 году на смутной грани умирания:

*«Ī í á ááú íáí àòàèĭ.
È áúá í áŷ ĭ ĭèèè ñèĭæèè,
È áúá íáí íáŷ áŷĭ ĭ ĭèòŷ éàé ĭ áŷ
çĭâòò.
Ī ĭ ĭæèè ó ĭ áŷ ĭ á ŷçúéá
Ñèĭâòŷ òâðŷ Ááâèâ».*

В стихах 1946 года, посвященных Марине Цветаевой, поразительно сказано не только о ее гибели, но и о погибели и попрании страны... И каким языком сказано!

В ñèŷòá ŷ í á ĭĭ'èð, çĭâèŷŷ ĭ áŷ,

Î àðείà,
Î ίαουÿ Î àðείà, ì íá èðùείι
ãñçèσÿ Î àðείà,
Èàé ò ðσáú àí ãείá í áã ã ðíáíì ì íðò,
È ò í èüείτ ã ðá-ιψ ñáí áé
í àèñüáèè ì é,
Î àσ òéáá ì ò ðááéáí ì úé áñçü àσü
í à Ñò ðàσ í úé ñü,
Èàé áðàèè ì ðáð ðíáí í é ó ñò áí
Èáðñüèè à
Èçã áí í èèè, éí ãü ì ñüèì ù ñéáñé
Áááèä
È áðááñüé σàò ðú ðáñéè í óé
í à Ñèí í á..

Но кроме высокой библейческой поэзии и высокой риторики были еще стихи, переполненные самыми будничными обстоятельствами и реалиями нагрывавшей войны и эвакуационной неразберихи. Произнесенные с характерной бытовой интонацией и проникнутые состраданием, щемящей жалостью к бесприютному и одинокому еврейскому беженцу:

Ñ ÷ àí í ááí ÷ èéíì èáðò í í úì,
Èáñò í í ãé á éí ò áééá
Î í èáèè -ò í ò àì í áððí áì,
Ñ ã ó ò í é ò ðñò ì ÷ éí é á ðéá
Ñóí àñσáñσéé, ááçí ò ááò í úé,
Áááí úé æè ò áéü ã ðí áñéí é,
Î ááðæèì úé ááçééá ò í é
Î áí ðééáγí í í é ò í ñéí é.

Этот неожиданный ритм возник в глухомани «над стылой Камой», где все дышит стужей и военным поражением и предвещает голод и гибель. Низок и безнадежен быт, интонация все понижается, приземляясь, и вдруг преодолевается высоким всплеском:

Í ðèáèúî ãè, ì ãðòè, òèáí à

Ó íáñ í à ýçúéá

Áóòî î öàðü Áàèè èç í éáí à

Ê í áááñî ãççâè á ò îñéá

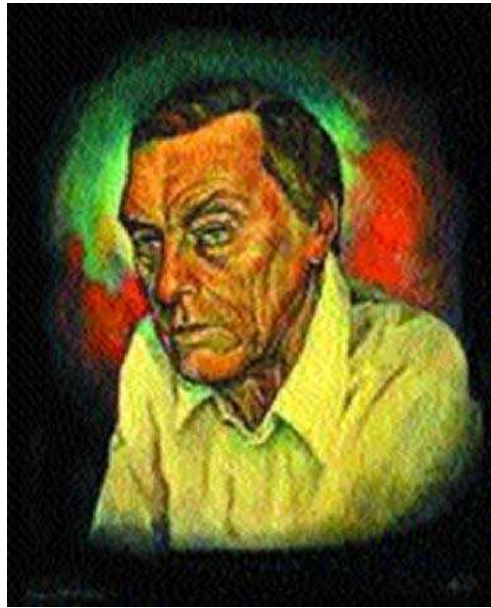
Стихотворение, датированное 1947 годом и столь сочувственное к евреям, чудом выжившим и вновь ощутившим веянье гонения, вызвало благодарный отклик. Фальк за эти стихи подарил Тарковскому свою картину.

Нехорошо, что стихотворение «Портной из Львова, перелицовка и починка» в худлитовской редакции было напечатано с нелепым искажением:

Áóòî î öàðü öàðé èç í éáí à

Ê í áááñî ãççâè á ò îñéá

Я понимаю, что наспех сделанная замена царя Давида каким-то несусветным персидским «царем царей» была продиктована страхом перед цензурой. Предполагаю, что это был личный страх и личная инициатива Татьяны Алексеевны, но страх пустой и напрасный. В стихах Тарковского и без того достаточно отсылки к Библии, библейских имен. Даже тот же царь Давид встречается и в других стихотворениях. Видимо, была попытка обуздать пристрастие и чуть убавить это преступное в глазах цензоров и надсмотрщиков библейское изобилие. Но такие уродующие поправки (названная – не единственная) делались для вышедшего в советское время однотомика. А в 1991 году в них уже не было надобности, и в трехтомник такие несуразности перетекли механически, по небрежности.

Аёу і аа аадаё аўеё і дае аа аааа І ааіаіі Еі еаё.

Старший брат Тарковского, юный революционер, идейный анархист, погиб, руководя вместе с младшим братом Г.Е. Зиновьева, тоже анархистом, группой единомышленников, оборонявших елизаветградский вокзал от банд Григорьева, который, конечно, намеревался, захватив город, произвести еврейский погром. Тарковский всю жизнь горевал о гибели брата (подкосившей родителей), в стихах вновь и вновь возвращался к его судьбе, но вместе с тем гордился подвигом Валерия. Гордился и родным Елизаветградом, из которого вышло так много артистов, музыкантов, художников и, по утверждению Тарковского, чуть ли не двести профессиональных литераторов. Большинство, разумеется, еврейского происхождения.

В доме Тарковских с уважением говорили о русских людях, которые во время борьбы с «космополитизмом» отважно, рискуя головой, пытались защищать евреев. Например, об известном журналисте Ю.А. Тимофееве... Но прошли годы и десятилетия, а государственный антисемитизм все не шел на убыль... В доме появился польский католический журналист, вероятно, заинтересовавшийся историей семьи Тарковских, семейным преданием о Пилсудском, а заодно и поэзией Тарковского. Однажды завязался разговор о польском антисемитизме, затеянный Борисом Альтшулером, мужем Ларисы Миллер, физиком, учеником Сахарова. Поляк говорил осторожно, утверждал, что антисемитизм идет в Польшу из России. Выслушано это было с изрядной долей сомнения. Хотя понятно, что Москва могла только поощрить традиционную юдофобию в так называемых народных демократиях.

Тарковский интересовался израильской жизнью и как религиозный человек, помышляющий о Святой Земле, и как друг нескольких писателей еврейского происхождения, избравших «историческую родину» и уехавших. Итоги «Шестидневной войны» доставили ему большое удовольствие. Более того, Тарковский приговаривал: «Хоть бы еще там дали израильтяне по арабам!» До того мерзок ему казался Герой Советского Союза Гамаль Абдель Насер, но главное, удар по нему был и ударом по репутации кремлевских товарищей. Правда, позже Тарковский потускнел: «Вцепился Израиль в свои Голаны и больше ничего не видит!» И стало ясно, что искренне симпатизирующий Израилю Тарковский озабочен все-таки более всеобщими, всечеловеческими проблемами. Очевидно, вызывал его уныние непрекращающийся планетарный натиск воинствующего коммунизма. Все же не хотелось думать, что умирать

придется при том же режиме, в той же наглухо заверченной и задохшейся консервной банке.

Наступило время публичных дискуссий о традициях и современности. Дряхлеющая партия, изверившаяся в собственной идеологии и утратившая даже ветшающую фразеологию, предоставила трибуну своему заботливо возвращенному черносотенному союзнику и возможному наследнику. В ходе этих «дискуссий» с заранее подготовленной аудиторией имевшие неосторожность вовлечься в эти прения «западники», либералы наслушались оскорблений и от «патриотических» ораторов и от публики. Иным предлагали как нерусским уйти из русской культуры. Эфросу – создать «свой» театр... В этой-то обстановке выдвинулся всеохватный прозаик Дмитрий Жуков, писавший сегодня книгу о письменах мая, а завтра – о протопопе Аввакуме (с чьим творчеством по сему случаю ему надо было срочно ознакомиться). В сущности, он не являлся ни лингвистом, ни историком, а был лишь засветившимся на Западе нашим разведчиком, искавшим себе новое поприще и решившим заняться пока словесностью и общественной деятельностью. Имел успех у «молодогвардейцев». И на одном собрании будущих «заединчиков» живописец Илья Глазунов даже совершил символическую акцию – зачем-то вручил Дмитрию Жукову посмертную маску Ф.М. Достоевского. Вероятно, предполагалась преемственность. Жуков как бы уже объявлялся «великим писателем русской земли». И вот такой человек еще не был членом Союза советских писателей! Вступить он решил как переводчик с английского и переводные свои труды отдал в приемную комиссию. Рецензентом была назначена Татьяна Алексеевна, которая никакого понятия о Дмитрии Жукове не имела, но решительно отвергла его продукцию как недоброкачественную и непрофессиональную. Это вызвало взрыв злобы. К Тарковскому в ЦДЛ подбежал какой-то верзила с руками-кувалдами и яростно загомонил: «Так вот как... Мы думали, что вы – великий русский поэт, а вы – синагогальный служка!» Бедный Тарковский только хлопал глазами и озирался, не понимая, кто это и чего от него хочет. Никогда он не видел таких жутких людей и не желал бы видеть! А был это Дмитрий Жуков, предполагавший, конечно, что ничего не делается спроста, что Тарковские (ну, разумеется, «муж и жена – одна сатана») знают, что делают, что они – его идейные ненавистники и проявившие себя жидомасоны. А в Союз писателей Жуков естественно ступил, легко перешагнув через препоны и преграды. Очевидно, и в самом деле в «патриотическом» кругу решили пересмотреть отношение к Тарковскому, ранее изучающе-благоприятное. Он ведь вполне мог бы пригодиться на роль «хранителя священного огня» классики. Но теперь в статье Вадима Кожинова был объявлен эпигоном модернизма. Тарковский, обычно презиравший всяческую газетно-журнальную полемику, всю кухню советской критики, кажется, на сей раз был задет. Хотя допускаю, что громкое на собраниях и сходках имя Кожинова услышал только в связи с этой изничтожающей статьей. В те дни в одном застолье он с улыбкой оглядел меня и почему-то сказал, обращаясь к присутствующим: «Вот – Миша! Он никогда не станет каким-нибудь Кожиновым!»

ЗИГМУНД ФРЕЙД – ХРОНИКЕР

Ī āēīð Êäëīī āð

За месяц до открытия в Лондоне Музея Фрейда в 1986 году из стола великого ученого были извлечены документы. Среди них оказались 20 листов, написанных его собственной рукой, готическим шрифтом, – какие-то заметки с указанием дат записей. Первый лист был озаглавлен «Краткая хроника».

Хранитель музея Стив Нойфельд попросил научного директора Мишеля Молнэра посмотреть эти листы, и тот был поражен, обнаружив, что перед ним не что иное, как дневник Фрейда, содержащий лаконичные записи последнего десятилетия его жизни.

Ī īīūīāp ŷōó ðāāī òó ī īāē æāī ā Äēāī ā Êäëīī āð

Часто задают вопрос: кто такой Зигмунд Фрейд – психиатр, философ, писатель, историк, культуролог, провидец? Вопрос этот не случаен. Фрейд исследовал самые разнообразные области науки и культуры, был не только врачом-душевнобольных, всемирно известным психиатром, тонким психологом, но и талантливым историком, летописцем, хроникером. Об этом убедительно свидетельствует его дневник, который он вел в последние 10 лет своей жизни, начав его в конце 1929 года, в возрасте 73 лет, и окончив за четыре недели до смерти – 23 сентября 1939 года.

Последнее десятилетие, предельно лаконично отраженное в дневнике, стало одним из самых беспокойных периодов его нелегкой жизни.

Нацизм распространялся в Европе, набирал силу. Великий ученый вынужден был покинуть оккупированную Австрию и переехать в Лондон – чтобы «умереть свободным». Фашизм и антисемитизм распространялись с невиданной быстротой, и блестящий, отточенный ум и предельно чуткую душу Зигмунда Фрейда это терзало так же, как его тело – рак. В дневнике он часто упоминает свою младшую дочь Анну – она

была для него незаменима: близкий человек, разделяющий все его тяготы и заботы, няня, личный секретарь, главный представитель в психоаналитическом сообществе.

В 1986 году в Лондоне в просторном доме на Маресфилд Гарденс, где Фрейд прожил последний год своей жизни, открыли его музей. Здесь же до 1982 года жила его дочь Анна. В течение более 40 лет после смерти ученого его библиотека, кабинет не претерпели никаких изменений, были сохранены в точности, какими и были при его жизни.

Известно, что спасенное от нацистов имущество Зигмунда Фрейда ему доставили в Лондон в 1938 году. В частности, из Вены были перевезены письменный стол, часть библиотеки, знаменитая коллекция египетских, греческих, римских и восточных древностей, легендарная кушетка.

Что касается его дневника, то, обнаруженный за месяц до открытия музея, он был вскоре издан при активном участии музейных сотрудников, в особенности научного директора Мишеля Молнэра, под названием «Дневник Фрейда 1929-1939 гг. Записи последнего десятилетия».

Интересно, что еще до обнаружения этого бесценного документа в 1986-м коллега и биограф Зигмунда Фрейда Эрнст Джонс, а также французский литератор Роже Дадун в своих работах неоднократно упоминали о некоем дневнике. Историк Рональд Кларк, автор известной монографии об ученом, также на него ссылался, приводя из него цитаты. Петер Гей расценивает дневник как «важный исторический источник» биографических сведений о жизни и творчестве ученого. Важное значение придает этим записям и старший сын Фрейда Мартин. Он вспоминает: «Отец держал на своем столе переплетенный дневник в форме больших листов белой бумаги, на которых он кратко записывал каждодневные события, которые казались ему наиболее важными».

Однако несмотря на эти многочисленные ссылки и упоминания, полностью дневник опубликован не был. И только в 1992 году – с подробными разъяснениями, комментариями, уникальными архивными материалами и фотографиями – этот уникальный исторический документ был впервые издан на английском языке. В «Дневнике» собраны важные исторические материалы о жизни и творчестве Фрейда, документы, сведения о его визитах и встречах, о людях, окружавших его, о семейных делах, о политических и культурных событиях, смертях близких друзей и родственников, годовщинах, праздниках и, конечно, о его научной работе. «Дневник» отразил одну из многообразных и неожиданных сторон деятельности Фрейда, выступившего в роли историка и хроникера.

Надо сказать, основатель психоанализа обращался к составлению и написанию хроник и в другие периоды своей жизни.

К особой разновидности дневниковых записей можно отнести и письма Фрейда. В 1882 году юный Зигмунд был помолвлен с Мартой Бернайс, и в течение четырех лет от помолвки до свадьбы (1882 – 1886) они переписывались. Главное в этих письмах Фрейда – глубокие раздумья молодого человека о жизни и смерти, о таинствах бытия и психики человека. В письмах к другу Вильгельму Флису он тщательно анализирует и выверяет свои жизненные увлечения, собранные факты и переживания.

В 1916 году, когда три его сына были призваны на военную службу, а одна из дочерей находилась в Гамбурге, время от времени Фрейд вел краткие записи о семье или о текущих делах в форме календарных пометок. Эти записи в настоящее время хранятся в Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне. Они имеют много общего с последней хроникой ученого: центральное место в них занимают размышления о смерти, о пагубности всеобщего кровопролития на войне и страх из-за возможной гибели сыновей. У самого Фрейда в этот период возникает предчувствие, что он должен умереть в феврале 1918 года. Но когда он остается жив и в декабре, а его сыновья возвращаются с фронта, ведение «семейно-календарных книг» прекращается.

Зигмунд Фрейд с дочерью Анной.

Приступая к своей последней хронике, Фрейд был еще ближе к смерти, чем во время войны. Ему исполнилось 73 года, и вероятность смерти от прогрессирующего рака челюсти или же от сердечного приступа была весьма велика. После установления точного диагноза Фрейд должен был прожить, по уверению врачей, не многим более пяти лет, однако благодаря своей неистребимой воле к жизни прожил гораздо больше.

Во время радиовыступления на BBC.

Читая последний дневник, можно выделить ряд важных аспектов жизни и деятельности Фрейда в период с 1929 по 1939 год. В нем отражены политические и культурные события, творческая и издательская деятельность ученого, пополнение его коллекции, болезни, визиты, семейные празднества, всякого рода домашние дела, смерть близких людей... Например, в октябре 1935 года он записывает: «Начало войны в Абиссинии», «Великий канон» (новая статуэтка в его коллекции древностей), «Тонкости ошибочных действий», «Операция Пихлера» (Ганс Пихлер, 1877-1949, – известный австрийский хирург, специалист в области челюстно-лицевой хирургии, неоднократно оперировал Фрейда), «Торнтон Уайлдер» (американский писатель, вел с Фрейдом дискуссию по проблемам литературы и психоанализа), «Матильде 48 лет» (старшая дочь Фрейда).

Часто запись в дневнике – лишь одно слово, но сколько за ним!.. Так, в понедельник 28 октября 1935 года он записал: «Автобиография» – в этот день в США был издан новый, дополненный и переработанный вариант известной работы ученого под таким заголовком. Или запись от 7 декабря 1938 года: «Радиопередача». В этот день по просьбе Британской радиовещательной корпорации (BBC) Фрейд выступил по радио с краткой речью, в которой подвел итоги своей творческой жизни и карьеры. Незадолго до этого он мучительно перенес свою последнюю операцию и был очень болен. И все же, несмотря на непрекращающиеся сильные боли, его приглушенный голос звучал четко и энергично: «Я начал свою профессиональную деятельность как невролог, стремясь принести облегчение своим нервнобольным. Под влиянием моего бывшего друга и в результате собственных усилий я открыл ряд новых фактов о бессознательном в психической жизни, о роли инстинктивных влечений и так далее. Из этих открытий выросла новая наука – психоанализ и новый метод лечения неврозов.

За это я тяжело заплатил. Люди отвратительным образом не верили в мои факты и в мои теории. Соппротивление было сильным и неумолимым. В конце концов я

добился успеха у своих последователей и создал Международную психоаналитическую ассоциацию. Но борьба еще не закончилась...».

В дневниковых записях отсутствуют характерные для работ Фрейда особенности: тщательно выверенные язык и предельно содержательный материал, четкая аргументация – только хронологические серии отдельных слов и фраз. Такой способ изложения очевидно связан с тем, что Фрейд не адресовал эти записи широкой читательской аудитории и не думал, что они будут когда-либо опубликованы. В то же время он не делал из них никакого секрета – дневник лежал открыто на его рабочем столе, и записи не были зашифрованы.

Реалии фашизма и антисемитизма

Особое внимание в дневнике привлекает ряд узловых тем, постоянно занимающих Фрейда, – в первую очередь наступление фашизма и антисемитизм в Европе и в этой связи вопрос об эмиграции, затем встречи, переписка со многими видными учеными, писателями, деятелями культуры и пополнение заветной коллекции антиквариата. Мучительная болезнь, как видно, над душой ученого не имеет доминирующей власти. На фоне чудовищной болезни общества она звучит только приглушенным эхом боли.

Известно, что Фрейда и многих других психоаналитиков всегда волновали темы социальных и психологических механизмов распространения фашизма, возникновение и причина появления антисемитских предрассудков. Всю свою долгую и многотрудную жизнь Фрейд прожил, наблюдая антисемитизм, поэтому его стремление объяснить при помощи созданного им психоанализа этот уродливый феномен более чем понятно.

Надо заметить, в глазах антисемитов и тяготеющих к ним по духу, в частности в книге И.Р. Шафаревича «Русофобия», взгляды Фрейда на антисемитизм предстают в крайне искаженном и подчас карикатурном виде. Автор выхватывает и подчеркивает лишь один из моментов психоаналитического объяснения причин антисемитизма, а именно, антипатию, вызываемую обрядом обрезания (у многих из тех, кто не подвергнулся этому ритуалу, обрезание подсознательно ассоциируется с кастрацией). Фрейд же не сводил свое понимание причин антисемитизма к одному этому страху, а выделял целый ряд других факторов, приведших к гонениям на евреев. Одни из них обусловлены самим ходом истории и не требуют, по его мнению, каких-либо толкований. Другие, напротив, коренятся в тайных глубинах человеческой психики и требуют истолкования именно с помощью психоанализа.

Бытующие представления о «пришлости» еврейского народа Фрейд считал несостоятельными, поскольку во многих странах, где существует антисемитизм, евреи принадлежат к исконным древнейшим слоям населения. Например, в ставший впоследствии немецким город Кельн евреи переселились вместе с римлянами, и это произошло до того, как он был захвачен германцами. Одной из причин антисемитизма Фрейд считал именно то, что евреи живут среди других народов в меньшинстве, к тому же отличаются от своих «народов-хозяев» и «упорствуют перед лицом любого гнета». Более глубокие причины антисемитизма коренятся, с его точки зрения, в бессознательных структурах массовой психологии людей. Среди них он выделял и ревность к народу, выдающему себя за любимое дитя Б-га-Отца.

Одну из важнейших причин антисемитизма основатель психоанализа усматривал в том, что народы, ненавидящие евреев, лишь в относительно поздние исторические эпохи стали христианами. Причем часто их заставляли силой исповедовать христианскую религию. Повидимому, здесь сработал какой-то особый архетип коллективного бессознательного, который привел к массовой ненависти и агрессии против евреев. Другая из основных причин юдофобии – стремление еврейского народа, сохранившего, несмотря на многочисленные беды и гонения, свое лицо и свою национальную культуру, к самоидентификации. Естественно, это вызвало у тех, кто подвергся принудительной христианизации, зависть к евреям и резкое психологическое их неприятие.

Такой подход к пониманию причин антисемитизма созвучен идеям, выдвигаемым в свое время Н. Бердяевым. Он писал о поистине поразительном легкомыслии христиан-антисемитов: ведь христианство по своим истокам есть именно еврейская религия мессиански-пророческого типа.

Фрейд очень резко реагировал по поводу каждого отдельного случая неприязни к евреям. Уже в начале его дневника – 7 ноября 1929 года – сделана запись: «Антисемитские погромы». В этот день пронацистски настроенные студенты сорвали лекцию в Венском анатомическом институте, которую должен был читать профессор Юлиус Тандлер, еврей. Выйдя из института, они стали бесчинствовать на улице и в других зданиях, устроив там настоящее побоище.

В марте 1938 года Гитлер оккупировал Вену. Антисемитские настроения в городе усилились, начались повальные аресты, притеснения евреев. Подверглась репрессиям и семья Фрейда. Квартира ученого, его книги, библиотека, коллекция античных древностей были конфискованы, Международное психоаналитическое издательство закрыто. Унизительным допросам в гестапо подверглась дочь Анна. Все эти события отразились в дневнике всего в двух словах: «Конец Австрии», но за ними стоял очевидный для великого ученого трагический процесс разрушения нацистами целой культуры, складывавшейся на протяжении многих столетий. Для Фрейда «Конец Австрии» – это не только политическое поглощение страны германским рейхом, но и гибель венской интеллектуальной жизни, уничтожение фашизмом ценностей великой культуры с ее языком.

Мировая общественность, видные политические деятели, ученые, писатели – все стремились вызволить Фрейда из нацистского пекла. Президент США Франклин Рузвельт поручил американскому послу в Берлине обратиться с официальной просьбой к немецкому правительству оградить престарелого ученого от репрессий. Рузвельт же поручил американскому послу во Франции У. Булиту разработать план эвакуации семьи Фрейда из Вены. Тем не менее преследования нацистским режимом «великого венца» и его семьи продолжались, а Фрейд никак не мог принять окончательного решения – уехать.

Прилетевший из Лондона в Вену ученик и один из ближайших друзей ученого Эрнст Джонс настойчиво пытался убедить его покинуть страну, где бесчинствовали нацисты. А он отвечал: «Австрия – мой дом». Как-то на очередные уговоры Джонса эмигрировать Фрейд воскликнул: «Я не могу покинуть мою родную страну. Это было бы все равно, как если бы со своего поста дезертировал солдат». И только в июне 1938 года, после того как принцесса Мария Бонапарт внесла нацистам «выкуп» в размере четверти миллиона австрийских шиллингов, Фрейд и члены его семьи покинули Вену. Отныне они поселились в Лондоне, где великий ученый прожил до самой смерти 25 августа 1939 года.

Но пока его библиотека, остальное имущество оставались в Вене. Оторванный от родного языка, от привычной обстановки, он очень страдал и тем не менее был счастлив. Прежде всего потому, что ему и его семье удалось наконец выбраться из нацистского пекла и обрести свободу. Мишель Молнэр утверждает, что Фрейд оказался в ситуации героя известной сказки братьев Grimm «Ганс в счастье», который путем множества невыгодных обменов променял слиток золота на камни, но оставался радостным и счастливым.

Годом раньше, 31 октября, в дневнике записано: «Заметки об антисемитизме». Тогда редактор издававшегося в Париже немецкого эмигрантского журнала «Die Zukunft» Артур Кестлер попросил Фрейда высказаться по этому больному вопросу. Опубликованной в ноябре 1938 года статье были предпосланы такие слова: «Предлагаемая статья является первой публикацией, принадлежащей перу Зигмунда Фрейда со времени его изгнания из Вены».

С точки зрения психоанализа антисемитизм, ставящий перед собой цель физического уничтожения евреев, представляет собой одну из злокачественных форм некрофилии, болезненной страсти к разрушению и агрессии. Фромм убедительно показал, что Гитлер посылал на смерть и уничтожение миллионы евреев, реализуя некрофильский и садистский комплексы. 30 января 1931 года будущий фюрер откровенно заявил министру иностранных дел Чехословакии Хвалковскому: «Мы собираемся уничтожить евреев. Они не смогут избежать наказания. День расплаты настал».

В своей книге «Моя борьба» Гитлер рассуждал о необходимости уничтожения еврейского народа в целях возрождения Германии (!). Только во время одной печально известной «Хрустальной ночи» нацисты убили 35 евреев, разрушили 267 синагог и церковных зданий, нанесли ущерб 7500 еврейским магазинам. В последующие дни 29000 евреев были депортированы в концентрационные лагеря Дахау, Бухенвальд и Заксенхаузен.

Исходя из идей психоанализа антисемитизм можно представить как своеобразный невроз, неотвязно преследующий враждебно настроенных к евреям людей. Следствиями такого невроза являются склонность к конфликтам, отчуждение от реальной жизни, появление маниакальных идей и представлений, тяготение к ритуальным магическим манипуляциям и заклинаниям, постоянно преследующие юдофоба страхи вкупе с завистью и слепыми и беспощадными злобой и ненавистью.

Главные темы последнего десятилетия жизни

В этот период существенное значение, даже остроту, приобрел для Фрейда вопрос, нашедший, как всегда, лаконичное отражение в дневнике, о признании мировым сообществом его заслуг и ценности психоаналитических идей – дела всей его жизни.

Великий ученый неоднократно выдвигался кандидатом на самую престижную в мире премию – Нобелевскую, между тем... В дневнике в этой связи есть две записи: самая первая датирована 31 октября 1929 года: «Прошел мимо Нобелевской премии» – и другая, от 6 ноября 1930 года: «Окончательно прошел мимо Нобелевской премии». «Было бы абсурдным ожидать знаков признания, когда 7/8 мира выступают против меня», – писал он одному из своих друзей ровно за 14 лет до первой записи в дневнике на эту тему. Предчувствия не обманули основателя психоанализа: Нобелевскую премию он так и не получил.

Но зато летом 1930 года ему присудили одну из самых престижных литературных наград – «Премия Гете» города Франкфурта-на-Майне. Ее размер составил 10000 немецких марок. 28 августа 1930 года из-за болезни и общей слабости Зигмунд Фрейд не смог присутствовать на торжественной церемонии по поводу ее присуждения. Во Франкфурт прибыла его дочь Анна и зачитала приветственную речь отца. «Анна во Франкфурте», – записал в этот день в дневнике Фрейд.

Одна из наиболее важных его тем – это переписка, встречи и общение с видными учеными, деятелями культуры, благодаря чему этот исторический документ можно расценивать не только как политическую и семейную хронику, но и как своеобразную хронику культурно-эстетической жизни Зигмунда Фрейда, в частности, его отношения к искусству. Здесь неоднократно упоминаются писатели Томас Манн, Стефан Цвейг, Ромен Роллан, Арнольд Цвейг, Гарри Уэллс, французская певица Иветта Жильбер, Сальвадор Дали и другие.

С немецким писателем Томасом Манном Зигмунда Фрейда связывали узы многолетней дружбы и неподдельного взаимного интереса. 22 ноября 1929 года Фрейд записывает: «Посвящение Томаса Манна». Тогда Томас Манн в журнале «Die Psychoanalytische Bewegung» опубликовал очерк «Позиция Фрейда в современной интеллектуальной истории»: учение отца психоанализа в его глазах сближалось с немецким романтизмом. В заключение очерка фрейдовскому психоанализу выносятся такой вердикт: «Он является одной из самых существенных строящихся глыб, которые составляют основу будущего дома освобождения и разумного гуманизма». Копию этой публикации с написанным от руки посвящением: «Зигмунду Фрейду. С громадным уважением, Мюнхен 17.11.1929» Томас Манн послал Фрейду. Ныне она хранится в библиотеке музея ученого в Лондоне.

17 марта 1932 года, находясь в Вене, Т. Манн впервые нанес визит Фрейду. Уже через пять минут после начала беседы два великих человека почувствовали необыкновенную симпатию и дружеское расположение друг к другу. Эту встречу Фрейд в восторженных тонах описал в письме к М. Эйтингону: «Визит Томаса Манна был весьма приятным. Его поведение было искренним и непринужденным, с ним было непосредственно легко и то, что он говорил, производило глубокое впечатление. Естественно, женщины не оставили нас в покое. Они очень нежно отнеслись к нему как к полусоотечественнику» (жена Фрейда Марта и его свояченица были заядлыми читательницами и страстными поклонницами творчества Т. Манна).

В последующие годы великие ученый и писатель вели обширную переписку, неоднократно встречались. 28 апреля 1935 года Фрейд записал в дневнике: «Письмо Томасу Манну» – в этот день он послал ему в связи с его шестидесятилетним юбилеем поздравительное письмо, которое заканчивалось следующими словами: «...хочу выразить уверенность, что вы никогда не сделаете и не скажете (ведь слова художника – это его дела) ничего подлого и низкого, что вы и во времена и в ситуации, когда путается разум, пойдете верным путем и укажете его другим. Преданный вам всем сердцем Фрейд».

6 мая 1936 года Фрейду исполнилось 80. К юбилею был создан оргкомитет, в который вошли Томас Манн, Ромен Роллан, Жюль Ромен, Герберт Уэллс, Вирджиния Вульф и Стефан Цвейг. Они собрали подписи 350 выдающихся писателей, художников, ученых. Томас Манн прочитал в Вене приветственное обращение «Фрейд и будущее» и передал виновнику торжеств папку, в которой находились многочисленные поздравительные адреса. Множество людей желали повидать юбиляра и лично его поздравить. Один из визитеров спросил, как Фрейд себя чувствует, и услышал саркастический ответ: «Как чувствует себя человек в возрасте 80 лет, не является темой для разговора».

14 июня 1936 года Т. Манн прочитал свой приветственный доклад в квартире Фрейда на Бергассе, 19, – а в дневнике ученого появилась запись: «Лекция Томаса Манна в нашем доме». Присутствовавший при этом доктор Макс Шур у себя записал: «Свою речь Манн произнес очень взволнованно. Фрейд, который никогда не любил слушать дифирамбы в свой адрес, все это время находился под большим впечатлением». Назвав психоанализ «духовным естествознанием», а его создателя «первопроходцем будущего гуманизма», Т. Манн утверждал, что «психоаналитическая доктрина способна изменить мир. Благодаря ей был посеян дух недоверия, подозрения к скрытым сторонам души, позволивший их разоблачить. Этот дух, однажды пробудившись, никогда не исчезнет. Он пронизывает всю жизнь, подрывает ее наивность, лишает ее пафоса, свойственного незнанию».

Для Фрейда такая оценка психоанализа была исключительно важна, поскольку подводила общий итог всей его жизни и деятельности, служила оправданием многих лет упорной борьбы против клеветы и невежества, подтверждением того, что борьба эта была не напрасной, а жизненно необходимой.

После доклада Зигмунд Фрейд и Томас Манн за чаем вели долгую и непринужденную беседу о Иосифе и Моисее – писатель в это время работал над тетралогией «Иосиф и его братья», а Фрейд был поглощен своим «Моисеем». Впоследствии Фрейд назвал этот визит Томаса Манна «великой радостью» для него и его семьи.

Много лет Зигмунд Фрейд переписывался и состоял в дружеских отношениях с другим не менее известным писателем – Стефаном Цвейгом, великолепным мастером психологической новеллы и романизованных биографий (Марии Стюарт, Эразма Роттердамского, Фридриха Ницше, Оноре де Бальзака и других, в том числе и Зигмунда Фрейда). 11 февраля 1931 года он записал: «Ст. Цвейг. Исцеление духом». В этот день ученый получил от своего друга его новую книгу – биографическую трилогию «Исцеление духом» (в русском издании «Врачевание и психика»), состоящую из трех новелл – «Мессмер», «Мэри Бейкер Эдди» и «Зигмунд Фрейд», которая

впервые была опубликована на немецком языке в 1931 году в Лейпциге.

Отношение самого Фрейда к этой книге было сложным и неоднозначным. С одной стороны, он выразил удовлетворение прочитанным, подчеркнув, что автор верно обрисовал основные моменты его биографии, с другой – высказал С. Цвейгу ряд упреков и критических замечаний. «Вы слишком подчеркиваете во мне мелкобуржуазный корректный элемент, – пишет он, – а я ведь парень все-таки посложнее; с вашим изображением не согласуется то, что я все же испытываю головные боли и усталость», а также «обязан сигаре большей частью своего самообладания и терпения в работе». И самое главное, как это ни парадоксально звучит, Фрейд заявляет, что в течение всей его творческой жизни ему приходилось заниматься не столько психологией, сколько историей и археологией, – так чувствовал он.

Вообще Фрейд крайне отрицательно относился к написанию биографий, он считал, что «становящийся биографом обязывается лгать, утаивать, лицемерить, приукрашивать и даже прикрывать свое непонимание, так как биографическая правда недоступна, а если бы и была доступна, не была бы использована». Фрейд был весьма встревожен, когда один из издателей предложил его близкому другу Арнольду Цвейгу написать его биографию и решительно запретил ему это делать, говоря, что тот может найти себе дела и получше и поважнее.

Кстати, имя известного немецкого писателя Арнольда Цвейга во фрейдовской хронике упоминается неоднократно. Впервые они встретились в 1927 году, и А. Цвейг посвятил «великому венцу» свой роман «Caliban». Уже после смерти Фрейда А. Цвейг сделал Э. Джонсу такое признание: «Я любил его как отца и благодетеля, без открытий которого мой талант был бы похоронен под руинами первой мировой войны».

В июле-августе 1929 года в журнале «Die Psychoanalytische Bewegung» А. Цвейг опубликовал очерк «Фрейд как человек», в котором назвал основателя психоанализа «разрушителем иллюзий», «освободителем от религиозного и патологического террора». Писатель был хорошо знаком со многими специальными работами Зигмунда Фрейда и успешно проводил сеансы самоанализа. В свою очередь, сам Фрейд с неослабевающим интересом знакомился с каждым новым произведением А. Цвейга.

После прихода нацистов к власти в Германии Арнольд Цвейг отправил свою жену и детей в Палестину и готовился сам переехать туда. Его последний визит к Фрейду перед отъездом в Хайфу состоялся 15 мая 1933 года. Фрейд решительно отговаривал Цвейга от возвращения в Берлин, где его наверняка должны послать в концентрационный лагерь. В своей книге «Оскорбление и изгнание. Правда о немецких евреях» А. Цвейг повествует о величии и достижениях еврейского народа, о его большом вкладе в развитие науки и культуры. Фрейд в этой книге назван «самым значительным из ныне живущих ученых».

А Фрейд в своем дневнике 18 августа 1936 года сделал довольно любопытную запись: «Моисей и Арнольд Цвейг». Дело в том, что, работая над рукописью своей последней книги «Моисей и монотеизм», Фрейд постоянно мучился сомнениями, пересматривал выдвинутые им идеи и гипотезы, советовался с друзьями, специалистами в области истории и библеистики. Особенно он ценил мнение А. Цвейга, намереваясь показать ему свою рукопись о Моисее еще до ее опубликования. В мае 1935 года Фрейд писал ему: «Моисей не отпускает мое воображение. Несмотря на мою дефективную речь, я вам вслух нарисую “картину”, когда вы приедете в Вену». А десять дней спустя Фрейд сообщил Эйтингону: «Моисей становится для меня навязчивой идеей. Я не могу избавиться от нее и не могу оставаться с ней».

12 октября 1938 года в дневнике записано: «Прощание с Арнольдом Цвейгом». Здесь это последнее упоминание о немецком писателе. Ему предшествовало следующее. Находясь в Англии с 7 сентября, А. Цвейг посетил Фрейда в одной из лондонских клиник. После этого они несколько раз встречались: дискуссии были довольно интенсивными, но силы Фрейда были уже на исходе. По пути в Палестину А. Цвейг написал Фрейду из Парижа: «Я был счастлив видеть устроенным в вашем временном доме вас и все, что так ярко и зелено окружает вас. Я счастлив также, что вы способны работать за вашим столом, в окружении ваших прекрасных маленьких богов».

Добрые отношения связывали Фрейда еще с одним замечательным писателем – Роменом Ролланом. 16 января 1930 года Фрейд записал в своей хронике: «Книги от Р. Роллана». Точно неизвестно, какие именно книги он получил в тот день, известно лишь, что в настоящее время в Лондонском музее Фрейда находятся две пьесы Роллана «Les Leonides» и «Liluli». На второй из них рукой Роллана написано: «Разрушителю иллюзий».

О библиотеке Фрейда следует сказать особо. Наряду со специальной медицинской литературой в ней были широко представлены и произведения мировой художественной литературы. Здесь соседствуют книги Чарльза Дарвина, Томаса Гексли, Теодора Мейнерта, Германа Гельмгольца, Эрнста Брюкке, Эмиля Крепелина с полным собранием сочинений Гете, Шекспира в подлиннике и классические переводы на немецкий язык, сделанные Шлегелем и Тиком, произведениями Генриха Гейне, высоко ценимого Зигмундом Фрейдом. Библиотека постоянно пополнялась книгами, которые Фрейду присылали с дарственными автографами писатели Томас Манн, Стефан и Арнольд Цвейги, Ромен Роллан, Торнтон Уайлдер, Герберт Уэллс и другие. Здесь же было много исторических трактатов (например, известная книга Теодора Гомперца «Греческие мыслители»), работы известных археологов, египтологов, в частности, немецкого археолога Генриха Шлимана, который открыл местонахождение Трои, вел раскопки в Микенах и в других местах.

Фрейд владел ассирийским и египетским языками, умел расшифровывать древние письмена. Среди его книг была одна из версий «Ветхого Завета», переведенная и изданная Людвигом Филипсом. Эта версия содержала параллельные тексты на древнееврейском и немецком языках, пространные комментарии о жизни, обычаях и культуре народов древнего мира, множество иллюстраций египетских богов и других фигур, которые Фрейд коллекционировал. Именно к этому изданию Фрейд постоянно обращался, работая над книгой «Моисей и монотеизм».

В дневнике мы находим интересные записи, касающиеся дружбы ученого и его семьи с известной эстрадной французской певицей Иветтой Жильбер (1865-1944). Она начинала свою исполнительскую карьеру в парижских кафе, а в 1890 году к ней пришла международная известность. Это была женщина яркой артистической индивидуальности, разносторонней одаренности.

Анри де Тулуз-Лотрек изобразил ее в своей известной картине «Коломбина и Пьерро». В коллекции Фрейда имелась литография этой картины, в его кабинете висела фотография певицы. Иветта Жильбер, как и другие женщины, с которыми дружил и общался Зигмунд Фрейд (принцесса Мария Бонапарт, Лоу Андреас-Саломе и другие), была необычайно красивой, она напоминала ему о днях его юности в Париже. Впервые Фрейд услышал об этой певице еще в 1889 году, когда принимал участие в первом парижском конгрессе по гипнозу, а спустя много лет, в 1920-м, их познакомила дочь Фрейда Анна, и ученый неизменно посещал ее концерты в Вене. Во время гастролей Жильбер останавливалась в роскошном венском отеле «Бристоль» и всегда приглашала Зигмунда с его женой и дочерью Анной в гости.

Первое упоминание о певице в дневнике Фрейда относится к ноябрю 1929 года («Первый вечер Иветты», «Второй вечер Иветты»), второе появилось ровно через год, затем спустя два года, в ноябре 1932-го, когда Иветта возобновила свои концерты в Вене. Восхищение Фрейда искусством Жильбер было настолько велико, что он посещал ее концерты два раза в неделю.

Она выступала на сцене в длинном черном платье, с ярко-красными волосами. Венская пресса отзывалась о ней восторженно. Газета «Wiener Zeitung» назвала ее «великой актрисой, необыкновенно глубоко проникшей в душу человека».

Иветта Жильбер пользовалась особым расположением Фрейда. Она принадлежала к числу тех немногих лиц (американский посол У.С. Буллит, английский писатель Герберт Уэллс), которые могли обращаться к нему по имени, без всяких официальных титулов.

Последняя запись в дневнике о Жильбер сделана 10 ноября 1935 года («Визит Иветты Жильбер»). Первый ее концерт в этом году назывался «La France qui chante» – она пела старинные французские песни XV века, преподнося каждую как своеобразное театральное представление. Но на этот раз Фрейд не в состоянии был прийти на ее концерт, и певица сама явилась к нему с визитом. Вновь они встретилась 6 мая 1939 года, в день его рождения, когда Жильбер выступала с концертами в Лондоне. В этот день она подарила Фрейду свою фотографию, подписав: «Великому ученому Зигмунду Фрейду поздравления актрисы. Иветта Жильбер».

Особую страницу в культурно-эстетической хронике Фрейда занимает запись от 19 июля 1938 года: «Сальвадор Дали». В этот день к нему пришел на поклон как к своему духовному наставнику ставший впоследствии всемирно знаменитым испанский художник-сюрреалист Сальвадор Дали. Зигмунд Фрейд оказал большое влияние на его жизнь и творчество.

Их встречу в Лондоне организовал Стефан Цвейг. Накануне он писал Фрейду: «Вы знаете, что я всегда избегал приводить к вам людей, но завтра это воистину важное исключение. Для меня Сальвадор Дали (сколь ни нелепыми кажутся мне иные из его поступков) – единственный современный гений живописи и единственный, кто переживет век, фанатик своих убеждений и ваш благодарнейший ученик среди художников. В

течение долгих лет этот истинный гений мечтает познакомиться с вами (утверждает, что никому так не обязан в искусстве, как вам)».

Дали пришел к Фрейду вместе со своей женой Галой и английским писателем, миллионером, владельцем картины С. Дали «Метаморфоза Нарцисса» Эдуардом Джеймсом. Эту картину они принесли с собой и показали ее отцу психоанализа. Бесспорно, она его заинтересовала. «Было бы весьма интересным аналитически исследовать процесс создания этой картины», – писал он на следующий день после визита Дали Стефану Цвейгу. Сам же художник утверждал, что Фрейд в беседе сказал ему: «В классической живописи мне гораздо интереснее бессознательные элементы, в сюрреалистических же полотнах я отдаю предпочтение сознательному».

Фрейд остался доволен визитом. Относясь в целом весьма скептически к сюрреализму, называя художников этого направления в живописи «горсткой безумцев», «абсолютными дураками», для Сальвадора Дали, этого «молодого испанца с его доверчивыми глазами фанатика и безупречным техническим мастерством» он делал исключение.

Еще до личного знакомства с Фрейдом Дали был поражен сходством черепа «великого венца» с головой улитки. При встрече и сразу после нее он делает несколько карандашных набросков его портрета, каждый раз видоизменяя очертания его черепа. Один из этих рисунков с надписью: «От вашего восхищенного друга Сальвадора Дали» художник просит Стефана Цвейга передать Фрейду. Но Цвейг не решается это сделать: рисунок шокирует – череп ученого почти просвечивает сквозь кожу...

Немало дневниковых записей связано со знаменитой коллекцией антиквариата, ее пополнением. Известно, что коллекция эта хранилась у Фрейда в кабинете, а некоторые ее экспонаты располагались прямо на его рабочем столе: контакт с антиквариатом создавал у него особый настрой, способствуя интенсивной научной работе, без преувеличения, вдохновлял.

Набросок портрета Фрейда Сальвадора Дали.

Собранная коллекция весьма разнообразна и содержит как оригинальные работы, которые могли бы занять почетное место в самых престижных музеях мира, так и искусные копии и подделки. Кстати, делая те или иные покупки, ученый постоянно искал

экспертов, чтобы посоветоваться, и был счастлив, если его близкие друзья оказывали ему помощь.

Школьный друг Зигмунда Фрейда Эмануэль Леви с 1889 по 1915 год был профессором археологии, жил в Риме. Каждый год он приезжал в Вену и, встречаясь с Фрейдом, давал ему советы, осматривал его новые приобретения. Одним из близких друзей Фрейда был историк, специалист по золоту Ренессанса, камням и драгоценным камням Эрнст Крис (1900 – 1957). Нередко с его помощью Фрейд приобретал антиквариат. 6 ноября 1929 года создатель психоанализа делает запись: «Крис и камни». Упоминаемые в этой записи камни, по-видимому, находились в музеях Греции и Рима, где работал Э. Крис.

Были в коллекции и превосходные ассирийские и вавилонские цилиндрические печати. Бронзовые статуэтки египетских богов и богинь были исключительно высокого качества. Немалый интерес представляли вазы, из коринфского алебаstra и древнегреческой керамики, фигурки из терракоты, миниатюрные этрусские солдатики, римские рычажные часы, египетские и этрусские зеркала. Здесь было много различных мелких предметов – амулетов, жуков-скарабеев, служивших украшениями в Древнем Египте, драгоценных камней с гравировками, бус.

В центре письменного стола ученого стояла небольшая бронзовая статуэтка богини Афины из Рима, относящаяся к I или II веку новой эры. Она представляла собой копию с греческого оригинала V века до новой эры. Фрейд особенно ценил эту статуэтку и очень ею гордился. В древнегреческой мифологии Афина была богиней мудрости и войны и по своей значимости приравнивалась к Зевсу, иногда даже его превосходила. Для Фрейда она стала своеобразным талисманом в его эмиграции. Перед отъездом из Вены он передал фигурку этой богини Марии Бонапарт, и та тайно переправила ее в Париж, а затем в Лондон.

Коллекция антиквариата Фрейда насчитывала около 2000 экспонатов из стран Ближнего Востока, Египта, Греции, Италии, Китая и других стран. Отец психоанализа никогда не анализировал свою страсть к коллекционированию, но его письма и дневниковые записки позволяют понять ряд интересных моментов. Фрейд был заядлым путешественником. Его коллекция не что иное, как выражение жгучего, неуемного желания в той или иной мере, непосредственно или посредством вещей, представляющих разные культуры мира, «видеть» эти страны, чувствовать связь с их прошлым. Особый интерес представлял для него средиземноморский регион.

В результате исследований наследия Фрейда становится очевидным, что история, археология и коллекционирование служили для Фрейда одним из культурных оснований в процессе разработки теорий и техник психоанализа. Психоаналитик, подобно археологу, должен идти в глубь истории, его задача – раскопать глубинные пласты психики человека, особенно пласты периода раннего детства.

18 января 1933 года Фрейд записал в своем дневнике: «Л. Тиффэни + Нью-Йорк». Луис Тиффэни (1848 – 1933) – известный американский дизайнер и художник, отец Дороти Берлингэм, подруги Анны Фрейд, владелец знаменитой нью-йоркской фирмы по продаже ювелирных изделий и цветного стекла «Tiffany and Company». Во время своего визита в Америку в 1909 году Фрейд посетил эту фирму и приобрел китайскую вазу из нефрита и первую в его коллекции бронзовую статуэтку Будды.

Приобретение Фрейдом фигурок египетских богов и богинь, статуэток Будды было связано с усилением интереса создателя психоанализа к восточной культуре. Дело в том, что в 1930-х годах идеи психоанализа все больше и больше стали распространяться на Восток. В русле психоаналитической традиции активно формировались новые идеи, которые неожиданно стали перекликаться с восточными философскими идеями. В 20-х Фрейд наряду с первичными влечениями к жизни, к наслаждению выделяет еще и влечение к разрушению, агрессии и смерти, разрабатывает учение о соотношении влечений к жизни и смерти, Эроса и Танатоса, которое созвучно «принципу Нирваны» буддизма. «То, что доминирующей тенденцией психической жизни, а, может быть, и нервной жизни вообще, – писал ученый в работе “По ту сторону принципа наслаждения”, – мы признали стремление к снижению, к поддержанию постоянного уровня, к уничтожению внутреннего напряжения, вызванного раздражениями (“принцип Нирваны”, по выражению Барбары Лоу), – тенденцию, получающую свое выражение в принципе наслаждения, и является для нас одним из сильнейших мотивов, чтобы верить в существование первичных позывов смерти».

В этой связи следует отметить, что такие крупные теоретики психоанализа, как К. Юнг, Э. Фромм, Г. Маркузе, в своем творчестве неоднократно обращались к анализу восточных, в том числе буддийских религиозно-психологических идей и символов.

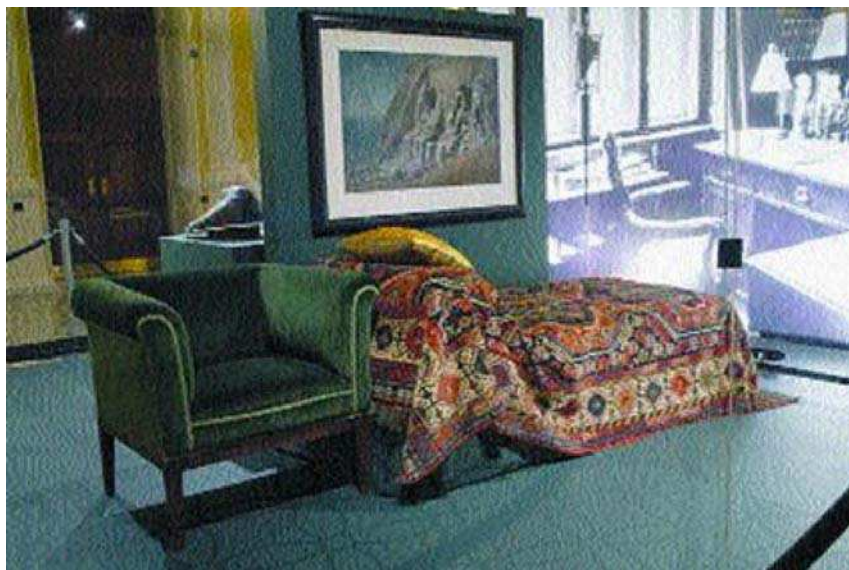
Для ознакомления с психоанализом в начале 30-х годов в Европу приезжали японские психологи. С одним из них, Иякичи Ябе, переводчиком работы «По ту сторону принципа наслаждения» Фрейд поздним вечером 7 мая 1930 года вел интересную беседу. Японский психоаналитик говорил о сходстве, которое существует между учением Зигмунда Фрейда о влечении к смерти и идеями буддизма. Создатель психоанализа был настолько поражен этим утверждением японского ученого, что позвал свою дочь Анну, чтобы она услышала его слова.

В 1931 году в Японии были одновременно изданы два перевода книги Фрейда «Психопатология обыденной жизни» – их выпустили соперничающие издатели. Эта ситуация буквально ошеломила создателя психоанализа. Японские врачи-психоаналитики были приняты в Международную психоаналитическую ассоциацию и подтвердили свое участие в очередном Международном конгрессе по проблемам психоанализа.

15 июня 1932 года Фрейд записал в дневнике: «Психология любви в Японии». Тогда вышел из печати японский перевод известной его работы «Исследования психологии любви», состоящей из трех опубликованных в разное время очерков: «Об особом типе выбора у мужчин» (1910), «Всеобщая тенденция унижения в сфере любви» (1912) и «Табу девственности» (1918). В библиотеке Лондонского музея Фрейда сохранился перевод этой работы, датированный 1933-м. В том же году стал издаваться японский журнал «Zeitschrift für Psychoanalyse». А спустя два года Фрейд писал японскому переводчику Кенджай Осуки: «Я получаю ваш журнал регулярно. То, что вы пишете о сопротивлении в вашей стране, для меня неудивительно; мы его ожидали, но я должен сказать, что в Японии для психоанализа существует солидный фундамент, который, вероятно, не будет уничтожен».

Эмигрировав в Англию, Зигмунд Фрейд очень болезненно переживал свой вынужденный отрыв от немецкого языка и австрийской культуры, которые он считал родными. Несколько дней спустя после приезда в Лондон, 11 июня 1938 года, он писал французскому психоаналитику Раймонду де Соссюру: «...возможно, вы обратили внимание на мучительные переживания эмигранта. Можно сказать лишь одно: утрата языка, которым он жил и мыслил и который, несмотря на эмпатию и сопереживание,

никогда не способен заменить другой. Я замечаю, как в английском языке обычные термины обманывают меня и как даже It [Es] оказывает сопротивление обычному готическому шрифту». Здесь под It [Es] Фрейд понимает свое собственное бессознательное, которое оказывает произвольное сопротивление латинскому шрифту в английском языке.

Людвиг Витгенштейн утверждал, что «представить себе какой-нибудь язык – значит представить некоторую форму жизни». Язык – это своеобразный способ существования человека в культуре, важнейший компонент его жизненной активности. Лишаясь возможности говорить на родном языке, человек тем самым лишается возможности полноценной деятельной жизни.

Переселившись в Англию, Фрейд не потерял своей жизненной активности, поскольку обладал поистине феноменальными способностями к языкам. Английским он владел блестяще, читал на нем, вел переписку и многократно проводил сеансы психоанализа с английскими и американскими пациентами.

Живя в Австро-Венгерской империи, Фрейд, можно сказать, вынужден был быть полиглотом. Еще ребенком он слышал словацкий, немецкий языки; в шестнадцатилетнем возрасте изучал испанский и переписывался на английском со своими родственниками из Манчестера. В школе Зигмунд освоил латынь и древнегреческий. В 1914 году в своем небольшом очерке о школьных годах он писал, что история и культура античности, ее язык были для него «непревзойденным утешением в битвах жизни». Позднее он переводил на немецкий сочинения английского философа и экономиста Джона Стюарта Милля, изучал в Париже и переводил с французского работы известного невропатолога Жана Шарко. Путешествуя по Италии, Фрейд разговаривал на итальянском. Но, бесспорно, он никогда не чувствовал, что овладел этими языками в совершенстве.

За двенадцать дней до начала своей «Краткой хроники» 19 октября 1929 года Фрейд писал Э. Джонсу о «растущем ухудшении изгиба его жизни». Фрейд имел в виду не только ухудшение здоровья, операции, которые он перенес по поводу рака челюсти, но и значительное усиление деструктивных сил в обществе. В дневнике он как бы составляет «график» своего собственного постепенного ухода из тех мрачных времен, в которых он жил. Все больше и больше его волновал вопрос, сможет ли человеческая цивилизация и культура обуздать насилие и агрессию, угрожающие жизни.

В «Краткой хронике» Фрейда выражена одна из центральных тем его философских воззрений, тема борьбы между жизнью и смертью, Эросом и Танатосом. Каждый юбилей, каждый день рождения, каждое событие, фиксируемые в этой хронике, можно рассматривать как своеобразный кредит, который он берет у жизни. Не случайно, именно в эти годы Фрейд работает над своей известной книгой «Неудовлетворенность культурой», отразившей его глубокие размышления над проблемами жизни и смерти.

В дневнике есть записи, касающиеся процесса работы Фрейда над этой книгой. 24 декабря 1929 года он сообщает М. Эйтингону, что хотел бы дать ей название «Несчастье в культуре». Но затем заменил слово «несчастье» на «неудовлетворенность». Книга была опубликована на языке оригинала в 1930 году. 26 декабря 1930 года Фрейд записывает в дневнике, что готовит ее второе издание на немецком – оно увидело свет в 1931 году. Первый английский перевод книги вышел в 1931-м в издательстве «Hogarth Press» Лондонского института психоанализа. О переводе работы на шведский язык 6 июня 1932 года Фрейд пишет в дневнике: «Шведский вариант неудовлетворенности».

Оказавшись в эмиграции, он стал обдумывать проблему соотношения бытия и обладания. Позже ее будет развивать в своих работах Эрих Фромм. В своей знаменитой книге «Иметь или быть» Фромм показал, что есть два основных способа существования человека в мире: обладание (ориентация на вещи) и бытие (способ существования, при котором человек не имеет ничего и не жаждет иметь что-либо, но счастлив, продуктивно использует свои способности, пребывая в единении с миром).

В эмиграции Фрейд сравнивал свое мироощущение с радостью Ганса, который избавился от имущества, но зато обрел радость и счастье. Сказка братьев Гримм «Ганс в счастье» имела для него не только глубокое жизненное значение, он сравнивал ее поучительный смысл с практикой психоанализа. В анализе, утверждал ученый, пациент отказывается от своих аффективных чувств, эмоций, влечений и переносит их на врача-психоаналитика. «Наше терапевтическое лечение, – писал Фрейд Шандору Ференци, – есть обмен, как в сказке “Ганс в счастье”. Лишь со смертью все прошлое сбрасывается в колодец».

В дневнике Зигмунд Фрейд составляет своеобразную диаграмму своего собственного движения к смерти. На этом пути он, подобно Гансу, щедро раздает свои сокровища, материальные и духовные, приобретая взамен лишь небольшой «кусочек счастья». Когда 7 декабря 1938 года Фрейд выступал по радио на BBC, он указал на свое открытие психоанализа как на «кусочек хорошего счастья»...

Дневник-хроника жизни Фрейда давно завершен, но идеи ученого по-прежнему интересны, они все еще обсуждаются, оцениваются. Остается загадкой и личность великого венца, и донныне задаются вопросом: кем же он был – психиатром, философом, писателем, историком, культурологом, провидцем?.. Думается, из перечисленного ряда – всем, от себя добавлю – и хроникером. Не удивлюсь, если со временем к этому прибавится что-то еще.

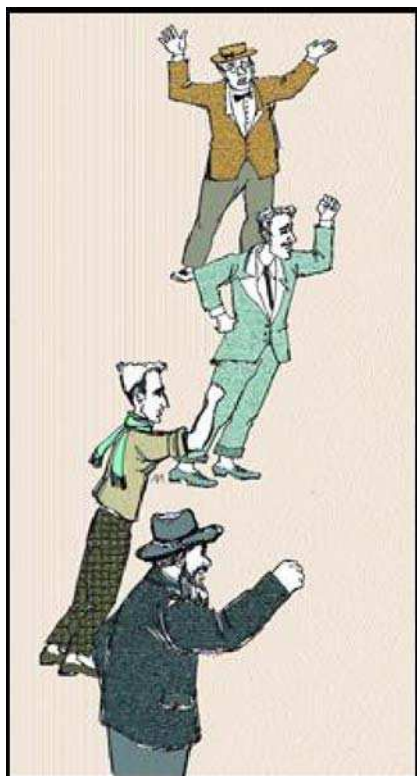
РЕСПУБЛИКА ТРИНАДЦАТИ

Ofi'i - Aëëöai

Окончание. Начало в №121.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Кто разъезжал по белу свету столько же, сколько и я, наверное, согласится со мной, что человечеству еще далеко до совершенства. Крупнейшие парламенты в свободнейших странах не могут похвалиться тем, что они являются выразителями политического идеала. Посмотрите-ка, что творится в республиканской Франции накануне выборов президента! Или возьмите, например, свободную Америку с ее демократическим строением. Б-же мой, что творится, когда наступают выборы! Интриги, сплетни, подкупы. Заваривается каша, в которой чужестранец ничего не поймет. Политическая борьба доходит до того, что люди забывают свое звание человека. Брат встает на брата, отец на сына – небеса разверзаются!

И неудивительно, что у нас на Острове тринадцати страсти разгорелись, когда зашла речь о выборах президента первой еврейской республики. Прежде всего надо было назвать имена кандидатов. Конечно, среди нас были представители различных партий, и каждая партия имела своих сторонников и своих противников. Капиталист, например, был лидером своей капиталистической партии. Сторонниками его были: литвак-ортодокс, дама (единственная женщина на нашем острове), националист, идеалист и материалист. Все они усиленно агитировали в пользу капиталиста. Они уже почти привлекли на свою сторону поляка моисеева вероисповедания. А если они еще одного перетащат к себе, то выборы капиталиста обеспечены большинством восьми голосов. В крайнем случае, они надеялись на пролетария, а для того, чтобы привлечь его, капиталистическая партия выпустила прокламацию, где было обещано, что их кандидат – капиталист – дает слово: 1) защищать собственность; 2) бороться за религию; 3) оберегать интересы рабочих.

Эта прокламация, вывешенная во всех тринадцати колониях, вызвала резкую отповедь со стороны оппозиции, то есть русско-еврейского студента в черной косоворотке. Он раскритиковал каждый пункт в отдельности.

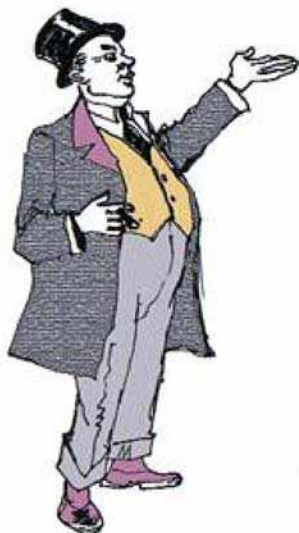
– Я обращаю ваше внимание на нахальство капиталиста! Он будет защищать религию? Оберегать интересы рабочих? Ведь это возмутительно до глубины души!

И социалист не поленился и отправился к пролетарию. Он его застал за работой: рабочий доил коз, получая молоко для всех колонистов. И социалист завел с ним беседу о капиталистическом строе, который главным образом угнетает рабочих, приведя в пример его самого:

– Вы единственный рабочий, работаете с утра до поздней ночи на всех тринадцать колонистов, и хоть бы кто-нибудь помог вам!

На это рабочий ответил ему, что для того Б-г и создал рабочих.

– На себя, но не на другого! – твердил социалист и прочел рабочему лекцию о разделении труда, об уничтожении капитала и т. д. В конце концов он уговорил рабочего не голосовать за капиталиста.

– За кого же мне голосовать? – спрашивает наивно рабочий.

– За себя самого! – отвечает ему социалист.

Рабочий недоумевая глядит на него.

– То есть как это за себя самого?

– Очень просто. Я могу добиться, чтобы у нас президентом был рабочий. Я первый подам за вас свой голос. Да здравствует народ! Да здравствует пролетариат!

Так закончил социалист, тепло и дружески пожимая грубую руку рабочего, и отправился дальше агитировать за своего кандидата.

Легко понять, какое впечатление произвели эти слова на рабочего. Он поставил на землю горшок с молоком и так громко расхохотался, что даже козы взглянули на него с недоумением. Потом, вдоволь нахохотавшись, он присел на камень, сжал голову руками и задумался.

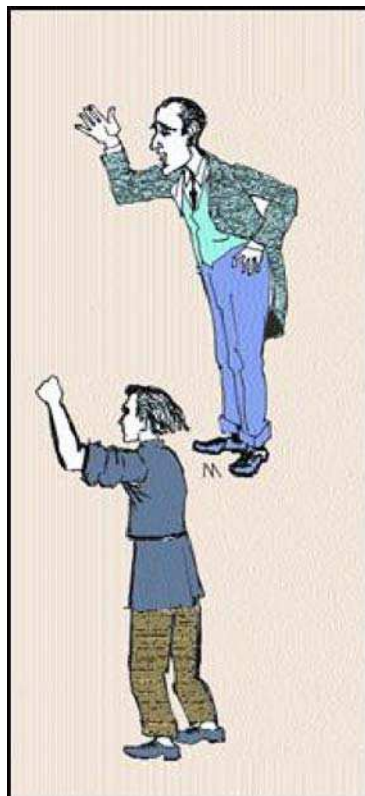
О чем он думал – неизвестно. Быть может, он уже видел себя президентом тринадцати соединенных штатов? Кто же тогда будет доить коз, рвать бананы?

Второй могущественной партией была американская, или атеистическая. Американец обнародовал прокламацию, где огромными буквами, на американский манер, было сказано следующее:

«Леди и джентльмены! Первая еврейская республика в опасности! Спасайте честь тринадцати соединенных штатов Израиля!!»

На его стороне были: социалист, территориалист, идеалист и материалист. Ассимилятор обещал ему свой голос, но с одним условием: если в числе кандидатов будет фигурировать член польской партии «коло», то атеист обязан поддержать эту кандидатуру.

В польское «коло» входили: ассимилятор, идеалист, материалист и дама. Ассимилятор приобрел голос дамы непрерывными комплиментами, утверждая, что она похожа

на настоящую варшавянку, а ведь это аксиома, что варшавянки – самые красивые женщины. Прокламация польского «коло» начиналась словами «ясновельможные панове» и заканчивалась возгласом «еще польска не сгинела». Польская прокламация вызвала бурю протеста трех сильнейших партий и заставила их объединиться. Объединились националисты, сионисты и территориалисты.

Эти три партии перетянули на свою сторону ортодокса (вполне понятно!), идеалиста и рабочего и вели переговоры с дамой, чтобы приобрести большинство голосов. Надо заметить, что, объединившись для выступления против польской партии, они все-таки в отдельности агитировали за себя: объединение ничуть не мешало сионисту быть на ножах с территориалистом и надо признаться, что в борьбе они не щадили друг друга.

Официально сионист выступил с прокламацией, девизом которой был: «Да отсохнет рука моя, о Иерусалим, если я забуду тебя». На прокламации был нарисован щит Давида и в тексте были перечислены имена всех деятелей сионизма, начиная с прародителя Авраама. Там же были упомянуты национальный фонд, банк и вино Кармель. И все это заканчивалось национальным гимном.

Вслед за этим появилась прокламация территориалиста под девизом: «Мир – наша родина». И начиналась она так:

«Старый мечтатель! Тысячелетний фантазер! Когда же ты, наконец, проснешься и оставишь радужные грезы, которыми вечные мечтатели, сионисты, убаюкивают тебя». Заканчивалась же словами: «Ищите и обрящете».

Сионист мог рассчитывать на националиста, на ортодокса (само собой понятно!), на идеалиста и на пролетария. Кое-какие надежды были и на женщину по той причине, что сионистские конгрессы происходят в Швейцарии: это обстоятельство невольно напоминает ей покойного мужа.

Очень мало шансов было и у территориалиста. Хотя территориалист и вертелся вокруг дамы, но без успеха. Она уже симпатизировала сионизму по той причине, о которой было сказано выше.

Территориалист, увидав, что дела идут туго, бросился к ортодоксу и заявил ему, что территориалисты соблюдают день субботний не хуже сионистов и если возможна еврейская автономия, то достичь этого смогут только территориалисты, ибо им принадлежат симпатии богатейших евреев и известных христиан.

Сионист, видя, что территориалист слишком долго шушукается с ортодоксом, подошел к ним и сказал как бы мимоходом:

– А что слышно насчет смешанных браков?

Я думаю, никто не удивится, если я скажу, что и ортодокс сам питал кое-какие надежды на счет президентского кресла. Собственно говоря, почему ему не надеяться? Что он? Лыком шит? И представьте себе, что у него была своя партия. Немного сочувствовал националист, но крепче всех держалась за него женщина! Ортодокс купил ее

тем, что точно и ясно высчитал, когда у нее день поминаения покойного мужа. И пролетария он привлек на свою сторону. Его он взял Б-гом, загробным миром, адом и раем. Он уже почти покончил с ним, но пронюхал социалист, объединился с атеистом и с ассимилятором, и они втроем открыто вступили в борьбу с темными силами клерикализма.

– Долой черносотенцев! – воскликнул социалист, и его поддержали все прогрессивные элементы.

Тут я должен сказать несколько слов о себе самом. Вы удивляетесь, почему я не выставил своей кандидатуры. Во-первых, я как писатель хотел держаться в стороне и не принимать участия во всей этой избирательной борьбе, а во-вторых, должен признаться откровенно, я сразу заметил, что у меня очень мало шансов, меньше, чем у кого-либо.

Я не глупый человек и знаю, что все мои братья по несчастью ненавидят меня. (Писателей не любят, а особенно писателя-юмориста, который кусается, смеется и делает людей смешными. Правда, в глаза они льстят мне, восхищаются моими писаниями, даже теми, которых они и в глаза не видали, но я знаю, что все это фальшиво. Они льстят, ибо боятся меня, опасаются, как бы я их не описал. Это для них хуже всего; они любят, когда описывают другого.) Словом, я снял свою кандидатуру.

В результате, когда стали выбирать, оказалось, что кандидатами намечены все тринадцать представителей тринадцати штатов. Тогда поднялся один из нас (я не говорю, что это был я, но я думаю, читатель сам поймет, кто это мог быть) и заявил им всем:

– Милостивые государыни и государи! Уже около двух тысяч лет, как мы потеряли нашу родину, как мы перестали существовать в виде государства. Но за это время перестали мы быть народом? Нет! Какими силами мы держались до сих пор? Я не знаю! Чем мы будем держаться впредь? Я не знаю! Где до сих пор была наша территория? Где до сих пор была наша родина? Я вам скажу: наша территория – это мы сами! Наша родина – это наша история. Наше убежище – это великий социальный идеал, провозглашенный нашими прежними пророками и распространяемый последующими, тот великий идеал, который сбудется с приходом Мессии... Из того, что каждому из нас хочется быть президентом, я заключаю следующее: никто не хочет уступить другому. Братья! Нас здесь тринадцать человек. Тринадцать нас было на пароходе, тринадцать на волнах бушующего моря, тринадцать колонистов на Острове тринадцати. И образовали мы тринадцать штатов. Спрашивается, почему не быть каждому из нас президентом в своем штате? Да здравствуют тринадцать президентов тринадцати соединенных штатов первой еврейской республики! Ура!

– Ура! Виват! Ноч! Да здравствует равенство! Heidod! – раздались крики на различных языках (не доставало только слова «банзай»), и этим закончилось собрание. Мы покинули «политический клуб» до следующего дня. Теперь нам только предстоит выработать конституцию тринадцати штатов, поэтому читатель может надеяться, что в скором времени мы с Б-жьей помощью закончим описание первой еврейской республики.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«Человек, занимающийся политикой, – это пьяница», – так сказал некогда Наполеон, Бисмарк или какой-то другой великий человек.

«Пускаешься в политику – забудь все свои дела», – так сказал какой-то деловой человек, погрузившийся с ног до головы в политику.

Я обеими руками подписываюсь под этими заявлениями. Давайте-ка, прошу вас, еще раз хорошенько обсудим наше положение.

Тринадцать человек, тринадцать путешественников различных званий и положений пустились в дорогу. Едут в разные места, но на одном пароходе. Внезапно поднимается буря, разбивает пароход и выбрасывает их на остров, где они находят много хорошего.

Во-первых, пещеры, где можно прятаться от жары и от холода. Во-вторых, деревья, на которых бесконечное количество бананов и орехов. В-третьих, великолепный ручей с холодной хрустальной водой и, в конце концов, в придачу стадо коз. С первого взгляда кажется: чего им недостает?

Работать мы не должны. Воздух чудесный – любой курорт должен спасовать. Перед самым носом – море для купания. Сбоку густой лес для прогулки. Днем согревает нас великолепнейшее солнце, а по ночам луна обливает нас серебряным сиянием. Податей нам платить не приходится. В деньгах мы не нуждаемся. О полиции, о войсках, о войнах мы ничего не знаем. Нет гула и шума больших городов. Торопиться нам некуда. Чего же нам не хватает?

Другие Робинзоны пустились бы исследовать остров вдоль и поперек, занялись бы делами. Нет! Захотелось нам колонизировать остров, то есть разделить остров на тринадцать отдельных колоний. Захотелось нам избрать тринадцать президентов и заняться разработкой конституции. Одним словом, нам вздумалось заняться политикой! Что же делать, так уж Б-г устроил, что люди вечно недовольны и постоянно стремятся к чему-нибудь новому!

Ученые люди называют это прогрессом и говорят, что без него мир погибнет. Мы не хотим оспаривать этих мнений и тем более не желаем спорить с учеными людьми. Мы передаем тут факты, факты и только факты!

Итак, решено было, что в назначенный день мы, все тринадцать президентов соберемся в «политическом клубе» и примемся за разработку основных законов первой еврейской республики.

Конечно, каждый из нас явился со своим проектом конституции. Тринадцать человек – тринадцать конституций.

Первым выступил капиталист. Он выработал проект удивительных «вольностей». Мы передаем их здесь по пунктам, как он сам прочел их в «политическом клубе».

1. Все тринадцать жителей Острова тринадцати объявляются свободными гражданами.

2. Свободные граждане тринадцати соединенных штатов подразделяются на три свободных класса: граждане первого класса, граждане второго класса и граждане третьего класса.

3. Граждане первого класса имеют право свободно есть, пить и спать.

4. Граждане второго класса имеют право в любой момент развлекать граждан первого класса разговорами, короткими рассказами, а иногда и анекдотами, острым словечком – если кто может, – словом, граждане второго класса должны заботиться о хорошем расположении духа граждан первого класса.

5. Граждане третьего класса обязаны работать на граждан первого и второго классов.

6. Они, граждане третьего класса, могут свободно высказывать свои мнения, когда их об этом спрашивают.

7. Когда им чего-либо недостает, они свободно могут обращаться к гражданам первого и второго классов.

8. Если им что-то не нравится, они могут вполне свободно думать об этом, как им угодно и т. д.

Понятно, что этот «буржуазный» проект оппозиция осмеяла. Оппозиция – это русско-еврейский студент в черной косоворотке. Он раскритиковал также ханжеский проект ортодокса, где первым пунктом была «святая суббота». Он вообще отбросил все проекты, находя недостатки в каждом из них. Этот слишком «националистичен», тот слишком «материалистичен». Проекты сиониста и территориалиста он поднял на смех и предложил свой собственный «социалистический» проект, взятый из свободнейших конституций Европы и Америки.

К сожалению, и этот проект провалился. Нельзя сказать, чтобы он был плох, но... каждому из граждан хотелось видеть осуществленным свой проект.

Затем очередь дошла до писателя – автора этого рассказа.

Читатель мог уже давно убедиться, что мы далеки от самохвальства. Но там, где говоришь только правду, ничего нельзя скрывать.

Я должен сказать, что мой проект был принят с редким энтузиазмом и по очень простой причине. Я, видите ли, пришел к убеждению, что приобрести популярность не трудно – надо только никого не затрагивать.

После долгих размышлений и рассуждений я пришел к такому выводу: чем больше вы хотите провести свои идеи, тем скорее вы должны принять чужие, а если вы намерены «бороться», то можете быть уверены, что вам поломают руки и ноги, и все станут вашими врагами.

Итак, в чем, собственно говоря, состоял мой проект? Мой проект заключался во мнении, что все тринадцать проектов хороши и поэтому мы должны все их принять. Но так как принять сразу все проекты невозможно, то я предложил взять из каждого по пункту, и таким образом составить винегрет из конституций.

Мой оригинальный проект приняли с восхищением, и каждый гражданин счел своим долгом пожать мне руку в благодарность за труд на благо первой еврейской республики.

Один из них (мне кажется, что это был идеалист) кинулся мне на шею и чуть было не задушил меня. Мне даже показалось, что он слегка всплакнул...

И дама подошла ко мне, спросила, долго ли я думаю над своими идеями или они приходят ко мне экспромтом. Я, конечно, ответил ей двусмысленно. То есть я сказал ей:

– Сперва я их обдумываю, рассматриваю со всех сторон, а уж только потом я высказываю их сразу, экспромтом.

Моим ответом дама, по-видимому, осталась довольна. Она наградила меня милой улыбкой, на какие способны только женщины, и мимоходом показала мне свои белые красивые зубы от лучшего дантиста в Париже (Boulevard des Italies, 165).

Еще одно было решено: винегрет из конституций перенести на бумагу и обнародовать его в виде манифеста, как водится повсюду. Кто же должен быть автором этого манифеста? Понятно – я, единственный писатель в тринадцати соединенных штатах. Времени на это дали мне три дня. Мои коллеги обошлись со мной по-человечески. Они сказали, что на меня нельзя вваливать слишком много работы. Перед расставанием мы закусили бананами и запили свежим козьим молоком. Понятно, произнесены были спичи.

Первым выступил капиталист. После него – атеист. Он заложил пальцы за свой клетчатый жилет и провел параллель между нашей конституцией и конституцией Северо-Американских Соединенных Штатов. Он закончил свой тост следующими словами:

– Леди и джентльмены! Я поднимаю свой бокал за конституцию соединенных штатов первой еврейской республики Израиля!

После него говорили еще некоторые президенты. Конечно, каждый со своей точки зрения. Каждый находил то, что ему нужно. Например, поляк моисеева вероисповедания сказал «ясновельможным президентам», что, глядя на нас, он

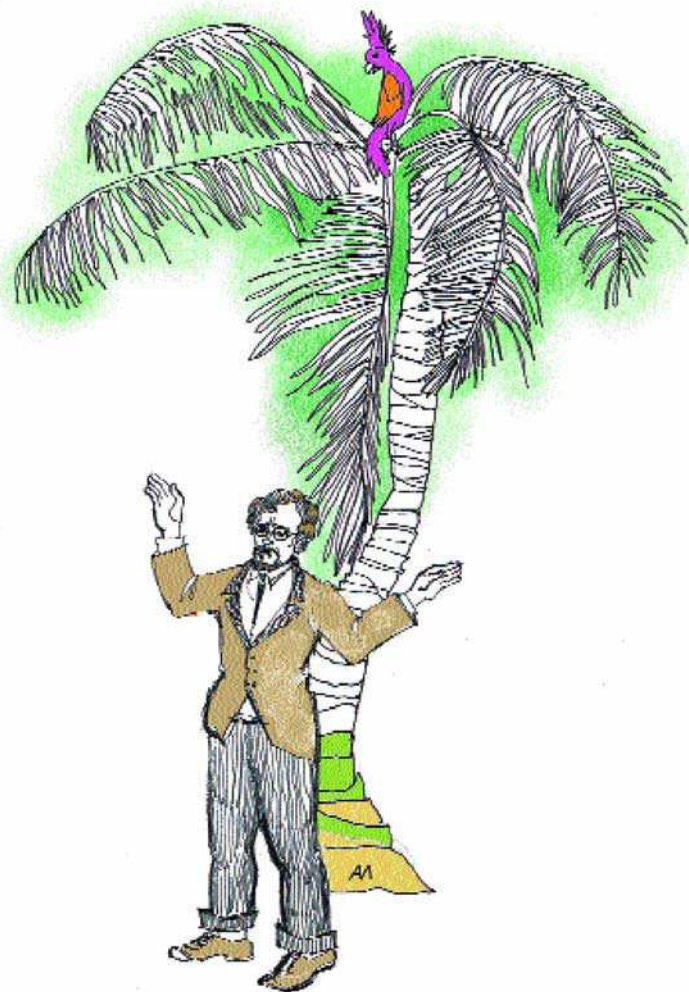
вспоминает старый великий польский сейм с его чудесными статуями... Это не помешало националисту пить за глубокую национальную идею, которой насквозь проникнута наша конституция. Последним оратором был, конечно, пролетарий.

После него мы все поднялись, намереваясь разойтись по домам, как вдруг мне вздумалось спросить:

– На каком языке должен быть написан наш манифест?

Мой вопрос сыграл роль камня, брошенного в воду: разбежались круги, вода замутилась... И опять вспыхнули дебаты, снова поднялась буря, снова закипели споры.

Что говорилось по поводу языка, – я вам расскажу в следующей главе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Библия рассказывает нам историю о том, как однажды люди вздумали строить башню до самого неба и как Б-г на них прогневался и в наказание смешал языки.

То же самое было и с нами. Кажется, все мы дети одного народа и могли бы иметь свой язык. Представьте себе, что тринадцать человек детей от одного отца покидают надолго отчий дом, а потом вновь съезжаются. На каком языке они должны говорить между собой? Конечно, на материнском, – конечно, на языке своей родины. Ведь

не придет же им в голову нелепая мысль говорить на тринадцати языках? Ведь немисливо же, чтобы каждый из них знал все эти языки!

Вот такая печальная мысль одолевала меня, когда я слушал дебаты по поводу манифеста.

Прежде всех выступил капиталист, один из так называемых немецких евреев. Сперва он выразил свое удивление. Как это могут люди спорить насчет языка, когда всем известно, что нашим языком был и будет чистый, старый и богатый немецкий язык. Конечно, мы должны говорить по-немецки!

Вслед за ним поднялся социалист и сказал:

– Во-первых, я сомневаюсь, знают ли все немецкий язык, а во-вторых, я убежден, что большинство нашего собрания на стороне русского языка: это как дважды два четыре.

– Пшепрашем! – Вскакивает ассимилятор. – Я протестую против языка москалей. О, если бы ясновельможные коллеги-президенты послушались меня и выбрали польский язык, язык, на котором великий Мицкевич написал своего «Пана Тадеуша»!..

– Merci beaucoup, – восклицает дама. – Кто поймет язык вашего Мицкевича? Нашим языком, по моему мнению, должен быть французский, дипломатический всемирный язык. Что может быть красивее французского языка? Всюду, во всяком обществе, французский язык в ходу. Monsieur, parlez francais, s'il vous plait! Господа! Говорите по-французски!

– Леди и джентльмены! – так начал атеист, заложив пальцы за жилет и выставив вперед одну ногу. – Я прошу у вас извинения – я займу ваше внимание статистикой. У нас в Америке мы говорим: время – деньги. Леди и джентльмены! Какой язык больше всего в ходу во всем мире? Английский! Известно, что три четверти всего человечества говорят по-английски. Среди них шестьсот миллионов в Соединенных Штатах...

– Где это вы взяли такую цифру? Как мне известно из географии, в Соединенных Штатах насчитывают...

Так отозвался один из нас (мне кажется, что это был я). Я предполагал, что американец сгорит со стыда, а он, наоборот, меня пристыдил. Он взглянул на меня сверху вниз и, не вынимая пальцев из жилета, обратился ко мне с усмешкой:

– Мистер! Извините, но я должен вам кое-что сказать. Возьмите вашу географию и бросьте ее в море. Ваша география знает столько, сколько вы, а вы – столько же, сколько ваша география. Откуда ваша география? Из Европы? Ол-райт!..

С тех пор, как Б-г сотворил мир, такого нахала еще не было. Я чуть было сквозь землю не провалился. На меня взглянули все мои коллеги, насмешливо улыбаясь. И мне осталось одно: прикусить язык и промолчать.

А американец, между тем, продолжал свою статистику, сыпал миллионами, даже не поморщившись. По его статистическим данным выходило, что на земном шаре миллиард и двести миллионов человек; среди них шестьсот говорящих по-английски в

Америке, четыреста миллионов в Англии, восемьсот миллионов в Индии, в Австралии триста миллионов, а в остальной Европе двести миллионов. А в общем, говорящих по-английски вдвое больше, чем жителей земли.

Покончив со статистикой, он заложил за жилет другой палец и патетически воскликнул:

– Назовите мне какой-нибудь другой язык, на котором говорили бы такие люди, как Шекспир, Мильтон и Байрон! Леди и джентльмены! Мы, тринадцать президентов, должны признать английский язык нашим государственным и национальным языком!

– Национальным языком! – вскакивает националист, отчаянно размахивая руками. – Стыд, позор! Как это не стыдно еврею предлагать на своей территории чужой язык, когда в нашем распоряжении наш собственный святой древнееврейский? Стыдно и смешно, когда евреи восхищаются чужими Мицкевичами, Байронами, Шекспирами и забывают своих великих писателей! Где Иеремия? Где Исая? Где Иезекииль? Я вас спрашиваю, долго ли еще мы будем рабами, восхищаясь чужим только потому, что оно чужое? Стыдно! Мы дети одного народа – почему нам не укрыться под одним флагом? Почему нам не ввести общий язык – древнееврейский? У нас должен быть один Б-г, должна быть одна религия! Одна история, одна страна!

– Heidod! – подхватил сионист, и его поддержали идеалист и ортодокс. Они втроем (с ними и дама) затянули еврейский национальный гимн:

Ойд лой овдо тиквосейну -

Еще не утеряна наша надежда.

Надежда наша старая...

Удивительное дело! Этот гимн произвел на территориалиста ужасающее впечатление. Он вскочил, потом снова уселся и еще раз вскочил, словно ужаленный, – и в конце концов, заговорил:

– Уважаемые коллеги! Совершенно правильно, что вопрос о языке является столь же серьезным, как вопрос о территории. А он у нас разрешен следующим образом: все равно какую, – лишь бы территорию. Поэтому вопрос о языке должен быть поставлен точно так же: все равно какой язык – лишь бы язык. А для того, чтобы прекратить бесконечный спор о языке, я предлагаю выработать новый язык, всемирный, на манер эсперанто или воляпюка.

– Bravo! Bravo!

Судя по аплодисментам, предложение территориалиста о новом эсперанто было принято с удовольствием.

Возможно, что мы в тот же день уселись бы за работу и занялись бы подыскиванием новых слов для нового языка, но мне тоже вздумалось поговорить.

Собственно говоря, в споре относительно языка мне как писателю следовало бы занять первое место. Но я вообще такой человек, что всюду и всегда люблю быть последним.

Я убежден, что и в спорах и при еде в выигрыше тот, кто последний.

– Евреи! – на этот раз я обратился к ним на идише. – Я должен сознаться, что я солидарен с последним оратором. То есть, собственно говоря, я солидарен со всеми, но с ним больше всего. Для нас нет лучшего и более подходящего языка, как эсперанто. Я хочу только сделать маленькое замечание: над нашим эсперанто или воляпюком нам не придется долго работать. Оно у нас уже имеется готовым. Это наш еврейский язык, наш народный язык – идиш.

– Жаргон?.. Грязный уличный язык? Диалект гетто? Воровской язык?

Такие замечания полетели со всех сторон. Но я принял их спокойно и продолжал:

– Я знал, что вы так скажете, я к этому приготовился, но это меня не трогает. Знаете, почему? Я убежден, что, выслушав меня, вы со мной согласитесь. Прежде всего давайте обсудим, что такое представляет собой воляпюк. Воляпюк – это язык, состоящий из коротких слов, не имеющий грамматики и легко усваиваемый. А в идише мало коротких слов? Одним «ну» вы можете выразить столько, сколько вы не выразите сотнями слов другого языка. А насчет грамматики... Скажите, много ли грамматических правил в идише? Найдите мне подобные вольности в другом языке! А насчет изучения его и говорить нечего! Разве его надо изучать? Это ведь смешно! Кто из нас, тринадцати, не знает идиша! И разве на всем земном шаре, попадая к евреям, вы не можете объясняться на идише? Я сам могу похвастаться... Я разъезжал немало по белу свету со своим идишем, был даже в Америке, и, слава Б-гу, всюду смеялись – значит, меня понимали. Итак, еврей, нашим языком будет воляпюк и нашим воляпюком – наш идиш, наш народный язык! Да здравствует народ! Да здравствует народный язык! Ура!

– Ура! – поддержали три четверти всего собрания.

Промолчали только капиталист и ассимилятор, а американский нахал не ограничился только молчанием: он сунул два пальца в рот и отчаянно засвистел. Но я не обратил на это внимания. Мое предложение о «еврейском воляпюке» было принято с восхищением.

Пролетарий подошел ко мне, пожал мою руку и долго-долго благодарил меня. Тотчас же началось другое препирательство: какой диалект ввести в употребление? И тут-то заварилась настоящая каша.

Прежде всех, конечно, выступил капиталист, предлагая брать как можно больше немецких слов. Понятно, тот-час же вскочил социалист, он предложил:

– Пусть каждый говорит по-своему.

Тогда поднялся ортодокс и предложил воспользоваться тем диалектом, который в ходу у них в Литве.

Эти слова не понравились ассимилятору: он вскочил как ошпаренный. Вся кровь бросилась ему в лицо. Он подбежал к ортодоксу и наградил его лестными прозвищами:

– Литвак! Лобус! Дубина! Ослиный рог!

Понятно, что все эти предложения имели своих сторонников и противников. Кое-кто защищал ортодокса, считая вполне правильными его слова о литовском идише. Другие же утверждали, что польский идиш самый красивый.

Вмешался, конечно, атеист, нахал из Америки, и сказал, что и польский идиш, и литовский никуда негодны, настоящий идиш у них – в Соединенных Штатах. Он встал в свою любимую позу и обрушился на нас:

– Что это за идиш у вас в Европе, когда в нем все шиворот-навыворот! «Леди» у вас называется женщиной, «мони» – деньгами, «китчен» – кухней, «паппер» – газетой. И это язык? Или взять, например, имена. «Джек» у вас Янкель, «Чарли» – Хаим.

Речь американца очень не понравилась собранию: не так речь сама по себе, как весь ее тон – поучительно-заносчивый. Собрание зашумело, загудело. Все заволновались, разговорились и Б-г весть, что могло бы быть в результате, но как раз произошло удивительное, почти невероятное событие, которое положило конец всем нашим дебатам и нашим тринадцати штатам.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Если бы я был на всем острове один, я бы тоже мог рассказать вам невероятные истории, как это сделал Робинзон. Но я не один и поэтому должен точно и строго держаться правды. Я убеждаюсь, что все мои двенадцать коллег читают мои описания, и попробуй я только уклониться в сторону, как они учинят мне скандал невероятный...

От имени своих вышеупомянутых коллег и от имени самого себя я должен сказать, что мы сделали огромную ошибку и за это поплатились. Нам надо было, прежде всего, исследовать остров, а мы этого не сделали; надо было пройти весь остров вдоль и поперек, а не застрять на бананах, орехах и политике.

Коль скоро нас тринадцать человек, то мы представляем собой более или менее заметную силу... А что вышло из всех наших философствований? Да, пословица недаром говорит: человек задним умом крепок...

Все эту пословицу знают и все же... Мы, тринадцать Робинзонов, чувствовали себя на острове полными хозяевами, а когда мы занялись переливанием из пустого в порожнее, то есть я хотел сказать, политикой, мы погрузились в нее по уши, забыв обо всем остальном, занявшись организацией штатов. Выработать конституцию – вот что было главным вопросом нашего существования. А погрузившись в политику, мы, как всякие политики, махнули на все рукой. Нам казалось, что весь остров принадлежит нам, что мы единственные владыки.

Впрочем, все люди таковы. Каждому человеку кажется, что только для него одного Б-г сотворил мир, что только исключительно для него земля покрывается зеленью, дрожат и переливаются звезды. И мы, тринадцать Робинзонов, замкнулись в своем маленьком мирке и не пожелали узнать, что делается за нашими плечами.

Кто из нас мог подумать, что по ту сторону горы живет огромное количество людей? Кто из нас мог подумать, что там находятся дома, великолепные дворцы и убогие хижины, роскошные сады и угрюмые тюрьмы?

Кто мог знать, что по ту сторону горы кипит и бурлит жизнь, что там живут, работают, веселятся и торгуют? Что там любят, ненавидят, целуются и воюют, рождаются и умирают, как повсюду на земном шаре.

Только один человек постоянно твердил о том, что поблизости должны быть люди. Это был пролетарий. Он не раз говорил, что из-за горы доносятся выстрелы. Конечно, мы смеялись над ним. Мало ли что может почудиться простому человеку?

Однажды он пришел к нам и заявил, что пропали несколько коз. Но... мы это выслушали и пропустили мимо ушей. Через несколько дней он пришел с другой новостью. «Что нового?» – «Козы нашлись» – «Поздравляем!» – «Не в этом дело» – «В чем же дело?»

– В том, – говорит он, – что они вернулись с красными ленточками на рогах.

– Так что же?

– Это значит, что козы были дома и что хозяева украсили их лентами.

Не знаю, что смешного было в этом, но мы покатались со смеху. Простой человек не понимает шуток!..

Однажды он пришел с новой небылицей: кто-то по ночам выпивает молоко.

– Домовой! – говорит один из нас шутя.

– Дело нечистое! – произносит другой.

И мы переглядываемся с усмешкой.

– Народ все еще суеверен... Простой человек верит во всякую чушь...

Не знаю почему, но пролетарий питал ко мне более добрые чувства, чем к другим. Он мне рассказал по секрету, что по ночам слышит шаги. Он клялся, что по утрам он находит свежие следы, что каждую ночь что-нибудь да случается: то молоко выпито, то исчезают бананы. Уже давно, говорит он, вокруг нас копошится вор, но он не может поймать его...

Сказать по правде, я тоже не доверял рассказам пролетария, а остальные даже и не прислушивались: некогда было.

Вдруг...

Мы не знаем откуда, но перед нами вырос какой-то человек, за ним еще один и еще один, и еще один... Какие-то странные люди, высокие, здоровые, с длинными бичами в руках – по-видимому, пастухи. У всех суровые лица, длинные бороды. Появились они точно из-под земли, похожие на башибузуков с лубочной картинки.

Читатель может легко себе представить наше состояние, когда мы увидели этих людей. Мы все инстинктивно обернулись и взглянули на нашего единственного защитника – на пролетария, который был вооружен всего-навсего длинной палкой и несколькими камнями. Этими камнями можно пробить голову любому разбойнику, но тогда, когда он один и не сопротивляется. Но что мы могли сделать против целой банды башибузуков, которые даже не предупредили нас о своем приходе...

Мы сделали то, что сделал Наполеон в 1812 году, увидав, в какую страну он попал... Разница лишь в том, что Наполеон не захотел этого сделать и тогда, когда его поколотили, а мы тотчас же сложили оружие и отдали в распоряжение врагов...

Первым выступил, конечно, капиталист. Он обратился к башибузукам и вежливо спросил их по-немецки, откуда они пришли и что им надо...

Если речь идет о деньгах – он может им выдать чек в любой банк Парижа, Берлина, Лондона, С.-Петербурга.

Но слова капиталиста о контрибуции были напрасны: башибузуки, видимо, ничего не смыслили в немецком языке.

Тогда на сцену появился социалист; он коротко и ясно спросил их по-русски:

– Что надо?

– Зачем вы обращаетесь к ним на таком варварском языке? – воскликнул американец-атеист и, встав в позу, обратился к башибузукам с продолжительной речью, в которой я смог уловить только два слова: «джентльмены» и «доллары».

А башибузуки стояли с открытыми ртами, переглядывались и, по-видимому, в эту минуту думали: «человек плюется, а воображает, что это он разговаривает».

Тогда наша дама заговорила по-французски. Башибузуки взглянули на нее и усмехнулись. Что означала эта усмешка – я не знаю, но что они не поняли ее французского языка – это было ясно, как Б-жий день. Они перебили ее и, указывая на коз, забормотали:

– Банга зиа ратай галпа.

Подите-ка разберитесь в этих словах!

– Знаете что, – воскликнул националист, – ведь вполне возможно, что и они из наших. Я когда-то читал про таких же евреев, живущих где-то на Кавказе. Они одеваются, как башибузуки, но достоверно известно, что они признают обряд обрезания и говорят по-древнееврейски. Что ж, поговорить с ними по-древнееврейски?

– Конечно! Конечно! – подхватили сионист и ортодокс и заговорили с ними по-древнееврейски.

Но, видимо, кавказские башибузуки смыслили в древнееврейском столько же, сколько понимают в нем английский «реверенд»^{*} или казенный раввин маленького местечка... Они выслушали националиста – и снова указали на коз и снова забормотали:

– Банга зиа ратай галпа.

После этого они щелкнули бичами и крикнули:

– Айда!

Мы поняли, что нам приказывают идти.

При других обстоятельствах мы, конечно, сперва дебатировали бы вопрос о том, кому идти первым, но на этот раз мы, тринадцать представителей тринадцати штатов, обошлись без дебатов, опасаясь, кстати сказать, вторичного и более энергичного приглашения, – и мы пошли с башибузуками и со стадом коз на гору.

Шли мы вразброд. Каждый из нас был погружен в свои думы. О чем думали остальные – я не знаю. Я лично думал о прочитанном романе, где говорилось о капитане Гарибабе и людоедах из племени «Таратуга».

Существует поговорка: «раскаиваться никогда не поздно». Вспоминаю ее по поводу романа о капитане Гарибабе. Этот в высшей степени интересный роман, как я уже вам говорил, написан и издан там, где издаются все захватывающие романы, то есть в Америке. Есть люди, которые не питают доверия к таким произведениям. Должен сознаться, что к числу этих людей принадлежал и я. Но теперь, когда то же самое происходит со мной, когда я в положении капитана Гарибабы – я бью себя в грудь и прошу прощения, я раскаиваюсь. С сегодняшнего дня и впредь я верю таким романам!..

Правда, кавказские башибузуки нас не связали, не положили на огонь, не зажарили нас, но ведь все это могло быть! Кто мог им помешать нанизать нас, тринадцать президентов на вертел и закружиться вокруг нас в бешеной пляске?

Конечно, каждый из нас трепетал молчаливо... И мы шли тихо, опустив головы, не разговаривая. Куда мы идем – мы не знали.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Глас народа – глас Б-жий. Если народ говорит, что тринадцать – роковое число, значит, это правда. Я, например, знаю таких людей, которые ни за что не поселятся в дом номер тринадцатый, хоть озолоти их. В тринадцатое число они никогда не поедут. Если у них тринадцать дочерей – они считают это величайшим несчастьем. Я того же мнения. Мне это доказали наши злоключения. Правда, неизвестно было ли бы лучше, будь нас двенадцать или четырнадцать. Возможно, что тогда произошло бы нечто еще худшее. Я бы мог привести вам много примеров, но это отнимет много времени, а я должен покончить с тринадцатью.

Итак, мы, тринадцать президентов, обратились в жертвы. Дикие, бородатые башибузуки с длинными бичами напали на наши мирные колонии, заговорив с нами на каком-то непонятном языке, и погнали нас вместе с козами, которые так долго и так верно нам служили.

И мы не сопротивлялись, мы пошли туда, куда нас повели – тихо и молчаливо, как послушные овечки, даже не разговаривая между собой...

С кем нас можно было сравнить? С несчастными принцами, которых выгнали из насиженных мест, лишили короны и ведут в темницу.

Наше печальное прошлое было за нами; наше будущее было прикрыто темным покрывалом. Мы не знали, что произойдет с нами. Поэтому мы так грустили. Тихо и печально было все вокруг. Раздавался только звук наших собственных шагов, бляние коз и удары бичей. Как долго мы шли – я не могу вам сказать. Во всяком случае, не больше пяти миль или еще меньше, и все время в гору, все время лесом. И как только мы вышли из леса, мы увидели перед собой новый мир. Перед нами расстилались улицы, неслись поезда, дымились фабричные трубы и непрерывно двигался живой людской поток. Как ни печальна была наша участь, все же мы чрезвычайно обрадовались и готовы были кинуться друг другу на шею. То было, другое было, а все же каждый из нас мечтал в конце концов выбраться отсюда, добраться до родных мест, увидеть своих близких.

На острове мы привыкли к тишине, и гул города, шум паровозов, крики толпы оглушили нас. Когда мы увидели детей, возвращающихся из школы с ранцами на плечах, мы прослезились. Нет сомнения, что это были хорошие слезы – слезы радости, благодарности. Шутка ли! Дети! Наше будущее поколение! Наша молодежь!

И наша молодежь, увидав нас, тринадцать пленников, идущих вместе с козами в сопровождении башибузуков, остановилась и устроила нам овацию. Они не только встретили нас криками «ура» на своем диком языке, но даже пошли за нами и все время, не переставая, гудели, свистали, пели и ежеминутно вскрикивали:

– Банга зиа ратай галпа! Банга зиа ратай галпа!

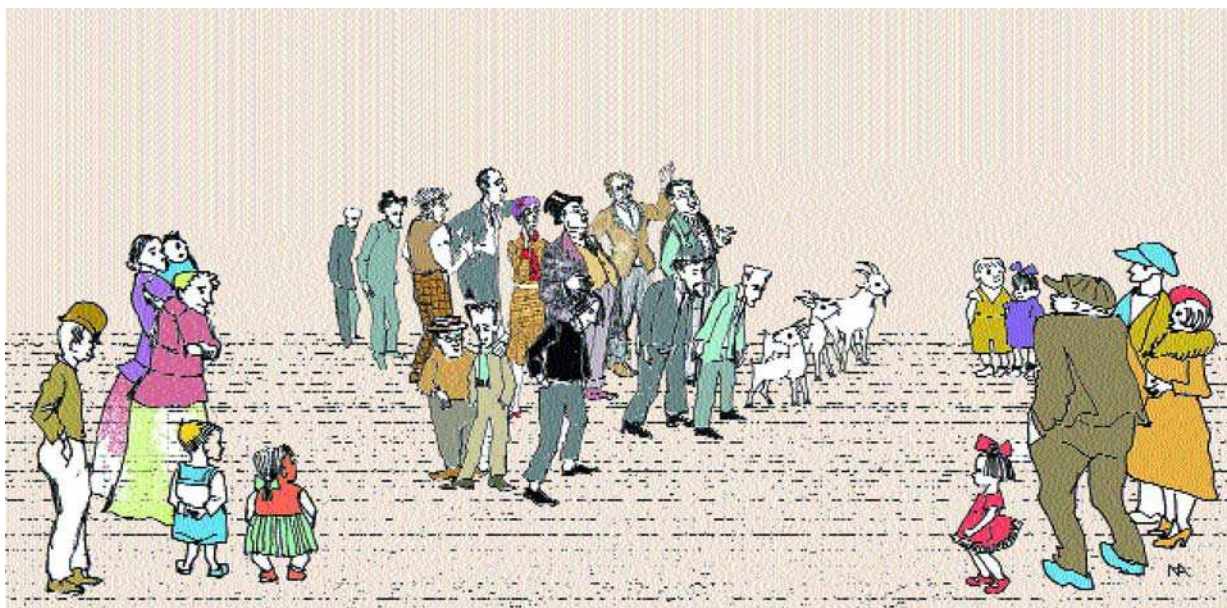
Повсюду молодежь обладает, слава Б-гу, такой силой, что притягивает к себе и взрослых. Можете себе легко представить, какая толпа окружила нас! И мы чрезвычайно обрадовались, когда наконец нас и коз завели в какой-то двор и заперли ворота, избавив от надоедливых зевак.

Во дворе нас раздели и очень вежливо обыскали, ища оружие.

Увидав, что с нами обращаются не так, как с капитаном Гарибабой, мы осмелели и попробовали протестовать.

Первым запротестовал наш социалист:

– Это большое свинство! Они позволяют себе обыскивать мирных граждан.

И американский джентльмен, который все время был тише воды, ниже травы, разозлился. Он заговорил на своем американском диалекте, угрожая пожаловаться представителю Северо-Американских Соединенных Штатов. С ним, со свободным гражданином, обходятся, как с последним воришкой! Но все эти протесты помогли нам, как мертвому – банки. Нас ощупали по всем правилам и ввели в какой-то дом, по-видимому, в судилище, ибо подле нас очутились какие-то странные жандармы в невероятно высоких шапках. Эти жандармы вместо сабель держали в руках длинные трубки. Эти трубки не столько причиняют боли, сколько производят звону. Я знаю это по собственному опыту, я это испытал на своих плечах. Я как-то зазевался, глядя по сторонам, и один из жандармов угостил меня...

Нам приказывали идти быстрее. Ясно было, что нас хотят как можно скорее допросить, обвинить и осудить по законам этой дикой страны.

Нас ввели в пышную, разукрашенную залу и усадили на великолепные мягкие стулья, на каких мы давно уже не сидели.

Встретил нас почтенный господин благообразной наружности с цветком в петличке. Это был президент или губернатор острова. Он обратился к нам на своем диком языке, но, увидев наше недоумение, позвонил, сказал что-то одному из жандармов – и минут через десять появился переводчик, маленький лысый человек в очках, черненький с тоненькими усиками, по всем манерам – настоящий европеец.

Он представился нам как ученый-лингвист, знающий тринадцать языков. По всей вероятности, это был еврей, ибо кто же, кроме еврея, может знать тринадцать языков и ни одного более или менее сносно?

Много времени прошло, пока мы смогли понять лингвиста, а он – нас. В результате оказалось, что из тринадцати языков он лучше всего знает идиш, потому что (так объяснил нам лингвист) в нем имеются элементы всех других языков.

– Возьмем, – сказал он, – наш язык, который чужд всем европейским языкам, а все же в нем есть общие с идишем слова. Например: печь, лопата, сковорода; или вот у вас человека недалекого называют «типеш» – у нас тоже «типеш».

Не знаю почему, но нашему националисту вздумалось вступить за святой язык. Он вскочил и не своим голосом крикнул:

– Неправда! Это не жаргонное слово, а древнееврейское!

Националиста поддержали сионист и ортодокс. Увидев, что дело плохо, лингвист стал оправдываться: он и сам знает, что это слово древнееврейское, но ведь это все равно: дурак остается дураком на всех языках... Только тогда мои коллеги успокоились – и начался допрос.

Я считаю излишним передавать читателю все заданные нам вопросы и все наши ответы. Достаточно, если я передам их вкратце. Мы узнали, что по законам этой страны мы объявлены уголовными преступниками и что нас обвиняют по трем пунктам: 1) мы шпионы, пришедшие с намерением изучить страну; 2) мы захватили чужую территорию; 3) мы захватили чужое стадо коз и пользовались чужим молоком.

Какое наказание следует нам за это, мы, конечно, не знали, но все же поняли, что это пахнет чем-то очень скверным. Хуже всего то, что нас приняли за шпионов. Даже у нас в цивилизованных странах со шпионами обращаются не особенно нежно, а тем более в этой дикой стране, где вместо тюрем и казематов – широкий, чистый двор, а вместо сонма прокуроров, следователей и судей – всего-навсего один человек. Я часто читал, что дикие народы круто расправляются со шпионами. Раз-два – и им рубят пальцы, вырывают языки и говорят: «теперь вы свободны».

К счастью, нам дали возможность оправдываться. Мы через переводчика рассказали про все наши приключения.

Губернатор выслушал наше повествование с большим вниманием, ни разу не перебивая, а уж потом задал ряд вопросов, на которые мы должны были ясно и чистосердечно ответить. Эти вопросы и ответы я передаю читателю с точностью.

Губернатор: Почему вы все время жили на одной стороне горы? Почему вы не пожелали сделать экскурсию по стране?

Мы: Мы разделились на отдельные колонии.

Губернатор: Чем же вы занимались?

Мы: Организацией нашего общества.

Губернатор: В чем состояла ваша организация?

Мы: Мы основали тринадцать колоний, образовали тринадцать соединенных штатов, выбрали тринадцать президентов, выработали тринадцать конституций на тринадцати различных языках.

Губернатор: Вы принадлежите к тринадцати различным нациям? Различных вероисповеданий?

Мы: Ничего подобного! Мы все дети одного народа. У нас одна религия.

Губернатор: Почему же вы говорите на различных языках?

Мы: В этом виновата наша история. Мы разбросаны по всему миру, мы находимся в разных странах, говорим на разных языках.

Губернатор: Кто же вы? К какой нации вы принадлежите?

Мы: Мы евреи.

Губернатор: Израелиты?

Мы: Израелиты.

Губернатор: Это вы потомки Авраама, Исаака и Иакова? Это вы создали книгу, которая зовется Библией? Это вам принадлежала страна, которая называлась Сионом? Вашего короля звали Соломоном? У вас был пророк Исая? Храм, разрушенный римлянами? О, я много-много читал о вас в нашей библиотеке! Мы все читали. Ваша Библия для нас свята. Поклянитесь Библией, что все рассказанное вами – правда, и я вас освобожу...

Само собой понятно, что мы дали клятву. Даже американский атеист и даже социалист поклялись вместе с нами.

Выслушав нас, губернатор что-то написал, а потом поднялся с бумагой и прочел нам приговор. Переводчик перевел его слово в слово:

«Сегодня привели ко мне тринадцать чужестранцев, пойманных по ту сторону горы. К ним были предъявлены обвинения в шпионстве, в захвате чужой территории и в краже стада коз. Выслушав их объяснения при помощи переводчика и –

принимая во внимание, что они происходят от библейского народа, который за свои грехи должен блуждать по всему миру, не находя убежища;

принимая во внимание, что несчастные путешественники были выброшены морем на нашу территорию, которую они сочли необитаемой и потому основали на ней тринадцать колоний, устроили маленькую республику из тринадцати штатов, надеясь когда-нибудь найти избавление при помощи случайно проходящего парохода или какого-нибудь другого чуда;

принимая во внимание, что наши глупые козы сами заблудились и сами подошли к чужестранцам, которые волей-неволей должны были питаться бананами и молоком наших коз, –

я нахожу, что обвиняемые: 1) не шпионы; 2) не захватывали территории; 3) коз не крали.

Я приказываю поэтому обвиняемых освободить».

Прочитав приговор, губернатор велел перевести нас в другую комнату и накормить.

Комната оказалась большой и светлой. В ней стояли длинные столы. Нас усадили и сказали, что мы можем потребовать любое кушанье. Конечно, каждый из нас потребовал блюдо по своему вкусу. Например, капиталист велел подать себе бифштекс.

Ортодокс попросил сварить яйца. Националист попросил рубленой печенки с гусиным салом. Ассимилятор потребовал кое-что из польской кухни: «рыбу по-жидовски» и «фляки по-польски». Сионист заказал бутылку вина марки «Кармель». Наш социалист что-то заказал переводчику, и я уловил знакомое аппетитное словечко: «водочки»! Американец попросил стаканчик «бренди», пару «сэндвичей», «плум-пудинг», «стайк», бутылку «дзинжет бир» и гаванскую сигару «Куба», и рюмочку «зжамайка» – и больше ничего. Дама потребовала бисквитов, мороженого.

После обеда нас повели опять к губернатору. Он нас познакомил со своей супругой. Это была весьма импозантная женщина с высоким блестящим лбом. Он ей сказал, что мы потомки Авраама, Исаака и Иакова. Нас угостили орехами и бананами, которые, между нами говоря, давным-давно надоели нам – но этикет!

Каждый из нас счел своим долгом преподнести кое-какие комплименты губернатору и его супруге. Некоторые произносили речи. Например, американский атеист попросил переводчика передать губернатору, что он считает его первым джентльменом после президента С.-А. Соединенных Штатов, а жену губернатора – первой «леди» во всем мире. Он убежден, что губернатору, если он только приедет в Америку, окажут блестящий прием. Он обещал губернатору написать о нем во всех газетах и журналах.

После американца поднялся ортодокс и сказал, что он и его коллеги будут всю жизнь молиться Б-гу за губернатора, за его жену и деток, внуков и правнуков.

Тут на губах губернатора мелькнула легкая усмешка.

Переводчик сказал нам, что губернатор очень благодарен за себя и за жену, но не за потомство, ибо у него нет детей.

– Ну так мы попросим Б-га, чтобы Он дал им детей.

Так сказал ортодокс. После этого встал территориалист и попросил передать губернатору свою глубокую благодарность за прием.

– Я обязательно буду на конгр

ессе территориалистов и передам все то, что я здесь слышал и видел. Я им скажу, что лучшей территории для известной части нашего бедного народа не найти. Я надеюсь, что мои товарищи, с Зангвилем во главе примут это во внимание и вышлют сюда экспедицию из знающих людей для изучения нашей стороны, чтобы поселить здесь хоть часть наших бедных братьев, которых притесняют в так называемых цивилизованных странах...

Каждого оратора губернатор благодарил отдельно. Когда очередь дошла до территориалиста, губернатор попросил передать, что, с одной стороны, он ничего не имеет против эмиграции. По их законам всякий человек без различия национальности и вероисповедания может приехать к ним и жить, сколько ему угодно. С другой же стороны, он, губернатор, сомневается, сможем ли мы, евреи, найти здесь подходящую территорию. Он против евреев, упаси Б-же, ничего не имеет. Наоборот, он так восхищается нашей Библией, нашими пророками!

– Но так как земля израильская перешла к чужим, так как евреи уже столько лет находятся в изгнании, то он, губернатор, видит в этом перст

Б-жий. По-видимому, евреи прогневали Б-га, и Сам Б-г не хочет, чтобы евреи жили на своей земле. А дать им территорию – это значило бы пойти против Б-га. Кто же захочет пойти против Б-га!

Так закончил добрый губернатор, двусмысленно улыбаясь, и приказал своим слугам завязать нам всем глаза, посадить нас на пароход и отвезти до ближайшего иностранного порта...

И – нам завязали глаза, посадили нас на пароход и повезли.

На пароходе, сидя в уголку, я подумал о великом Б-ге, который создал мир – и ни кусочка земли, ни одного уголка для своего старого избранного народа Израиля!..

Ī ādāwā ñ è è sà Ā. Ī-īāā

«Ī īāīé Āīñīā», 1913

- Ī ōīīāāīéé.

ПЛОТЬ МОШИАХА

Oi Gv' Eino Aini

Когда возвращался я от Западной стены, остатка отрады нашей, того, что со времен древних сохранилось у нас в изгнании нашем после двух Разрушений, увидел я одного старика – он стремительно несся, и в руке его была «Книга плачей»*.

Ростом с кедр ливанский, ноги – совершенство красоты, талис – как двуликая завеса, надорван против сердца, и венец славы на голове его – как у певцов Дэвира**... и он обернут в траурное покрывало – та ночь была ночью Девятого Ава.

Я признал в нем рабби Элазара а-Калира***, да пребудет душа его в Эдене. Я побежал за ним, но не мог настичь.

Полным шагом взбираясь вверх, прибавляя на спусках шаг и набирая скорость, он прошел от Западной стены к Цепным воротам, от Цепных ворот – к горе Сион, от горы Сион – к могиле Давида. У могилы Давида он развернулся и вышел в другую сторону, а оттуда – к местам, которые знакомы нам, и к местам, которые за многие грехи наши сокрыты от наших глаз.

И когда я подошел близко к ним, открылась одна пещера. Вошел он в пещеру, и закрылась пещера – он внутри, а я снаружи. Взволнованный и потрясенный сидел я у пещеры, пока на вершине Масличной горы не засверкало солнце. Поднялся и пошел, чтобы произнести слова плачей.

По пути обнаружил я, что рабби Элазар а-Калир, да пребудет душа его в Эдене, медленно шагает вслед за мной, как дружка, возвращающийся со свадьбы, и талис его цел, и венец славы на голове его пылает, как огонь поленницы на жертвеннике Храма, и лицо его сияет радостью. И я не помню, была ли в руках его «Книга плачей». Сказал я ему:

– Вечером видел я учителя нашего бегущим, побежал за ним, но не сумел настичь.

Кивнул он мне и сказал:

– Что удивительного в том, что бежал я? Ведь в тот миг начали формировать плоть Мошиаха, его тело, и я бежал, чтобы «Книгой плачей» мою укрепить руки тех, кто делает эту работу.

Í àðááíá ñéáðéòà è ìðèì á:áí èÿ Í. Óàéí ñéüüà

Èèèþñò ðàòèÿ Ñ. Ðàñééí à

* «Èíéáà ìéà:áé» («Ñáòáð à-ééííñ») ñááðéèò òðàòóíá ìáñííáíèÿ-ìíéèòáí, ìðéòóí:áí ìá é Ááÿò ì ó Ááá. Íí è Íáíèñáí ù ðááé Ýéàçðòí à-Èáéèðí.

** Áÿáèð - ñáÿòáÿ ñáÿò ùó Èáðñáéè ñéíá òðáí à

*** Ðáááé Ýéàçð à-Èáéèð - éááéèñò è ìÿò, áéè:áéèé èç ìáéòáííá æéáèé á VI-VII áá à Ýòáò Èñòÿ. (Í áéòáíáí è Íáçíááðò ðáééáíçí ùó ìÿòíá ñçáòáéé ðéòáéüí ùó ìáñííáíéé, ìðéñáéíÿí ùó è òðáéèèííí ì ìéèòáí ááí è áðéñéèò ìðáçíééíá è ááí è ñéíðáé.)

В ПАЛЕСТИНУ

Путевые заметки

Oléïi Ào

ЛИВАН

Разметавшись в мрачном, таинственном сне, лежало необъятное, безграничное море. Словно неведомо откуда примчавшееся, черное, бесформенное чудовище, опустилось оно над безграничным простором, покрыло его своей грудью, заслонило своими черными и спутанными космами. Казалось, что каждый миг чудовище готово вскочить со своего ложа и одним мощным движением стряхнуть с себя все и всех.

Но пока что чудовище-море покоилось крепким сном; лишь время от времени по его спутанным космам проносился какой-то мерцающий свет, или звезда с далекого неба глубоко пронизывала его темную поверхность светящейся трепетно-изломанной стрелой. А издали, как тяжелое дыхание чудовища, доносились тяжелые и суровые всплески волн и пугали своей мрачной таинственностью.

Спокойно и беззаботно, доверившись Б-жьему милосердию, плыл наш корабль между глубоким звездным небом и безграничным пространством темных вод. Он несся как таинственный гонец, который мчится с одного конца света в другой, чтобы выполнить важную и таинственную миссию. Протянув вперед длинную шею, искал он свой путь в лежащем перед ним безграничном просторе неизвестности.

Немногие спали на корабле в эту ночь. То была последняя ночь нашего пути, когда корабль, отчалив от греческих берегов, собирался бросить свой якорь в сирийской гавани.

На палубе в разных местах отдельные фигуры, окутанные грустью, то расхаживали, то стояли неподвижно. Все ожидали утреннего солнца, которое должно было выплыть из-за гигантской вершины Ливана, и все были охвачены великою тоскою ожидания берегов Святой земли.

На палубе в одном углу сидит группа старых евреев. Они едут в страну отцов, к Храмовой горе, к масличной горе, чтобы там умереть и слиться с этими горами. При свете огарков старики читают псалмы. Несколько старушек стоят почтительно и молча неподалеку от них. Бедные грешные женщины, они не могут участвовать в хоре читающих псалмы. И они набожно трут свои руки об отсыревшую от морской влаги обшивку корабля, и молитвенно шепчут все, что помнят, все, что знают: одна читает женскую молитву из «Тхинос», другая повторяет сохранившиеся у нее в памяти отрывки молитвенных песнопений, третья читает утренние благословения. А одна из них, старенькая и маленькая, простая и неученая, она шамкает своим беззубым ртом: «Святые праотцы, святые праматери, и праматерь Рахиль, и праматерь Рахиль...»

В другом углу старый священник собрал вокруг себя крестьян и крестьянок, едущих в Иерусалим к гробу Христову, и все они хором поют церковные песни, которые уносятся ветром и сливаются с псалмами еврейских богомольцев. И носятся-витают над темным морем эти слившиеся псалмопения.

Отдельно от других держится на палубе небольшая группа еврейских юношей и девушек. Все они из одного местечка, Плонска, где-то в Польше. С гордой верой, с любовью и великими надеждами, едет эта молодежь в Палестину, чтобы там обрабатывать землю в колониях. Юноши уже поют деревенские песни. Девушки нерешительно подтягивают, и их девичьи нежные еврейские голоса как бы ласкают и обвивают песню юношей.

И вся эта группа облита бледным светом, льющим из шатра, сооруженного на палубе дамасским пашою для гарема, который он везет с собой.

Капитан на рубке направляет корабль, а высокая, ушедшая в небеса мачта кидает свою гигантскую тень над суровым в своем вечном покое морем.

И все мы чувствуем себя, как заброшенные и одинокие дети, которые, после долгих лет неволи на чужбине, возвращаются под отчий кров, к родимой матери.

А я... я еще даже не знаю моей матери...

С таким чувством все мы, дети различных народов, люди разных верований, каждый в своем углу, ждали солнца, которое должно было в первый раз осветить и озолотить для нас берега нашей родины.

Первый бледный полусвет рождающегося дня начал разливаться по ночному морю, появившись из-за хребта мрачного великана, который бросал свою огромную и мощную тень на равнину вод. И чем более бледнел и серебрился день, тем рельефнее выступала, вырезывалась своими острыми контурами великан-гора, снежные вершины которой словно висели в воздухе. Но вот день начал разливаться по горе и, купаясь в снеге, раскидывать по высотам свои первые лучи. И не знаю уж, из чьей груди раньше вырвалось восклицание: «Ливан!» И все мы, стар и млад, евреи и христиане, бросились к борту корабля. Одни подняли руки вверх, другие склонили головы вниз, крестьяне осенили себя крестным знаменем – все молчали: Ливан!

Солнце раньше, чем подняться над миром, купается и в пылающем снеге. Снежный свет целуется с солнечным светом и сливается с ним в одно яркое пламя, которое охватывает все пространство. Гора как будто состоит из одних гигантских ключев белых облаков, а ее вершина уходит в небо, по которому плывут тучи. Подойдя к вершине, тучи словно соскальзывают по склонам горы и ложатся большими обломками неба. И солнце своими лучами расплавляет и облака, и снег, сливая их в одно пылающее море. Снежные волны, сливаясь с волнами солнечного света, ниспадают и разлетаются тысячами осколков.

И с ярким ликованием, с благовестом лучей начинается торжественное шествие солнца через гору в широкое и светлое море...

Свободно и могуче распростерлось море у подножия горы. Чудовище, сковывавшее и душившее море своим ночным мраком, ушло, и волны освободились от своих тяжелых и спутанных косм. И над ширью и гладью моря моей родины теперь воздух, солнце и простор.

И все мы стоим на палубе и глядим на гору Ливан.

Привет тебе и благословенье, родина!

Родина, как гордится тобою затерянный среди чужих беспокойный сын твой! Я пришел, чтобы отыскать у тебя свидетельство моей родовитости. Я пришел, чтобы отыскать у тебя корни моего происхождения.

Откуда я пришел? Кто я?

Ты – уголок моей родины. Мои предки в пору своей юности гуляли здесь парами, женихи и невесты. Ты слышала песни любви моей праматери-невесты, счастливой благословенной плодородностью, таившейся под ее грудью. Приди, гора, и свидетельствуй обо мне. В твоих расщелинах еще не замерли клятвы любви моих предков в их брачный час. Ты слышала радостные возгласы их творческого счастья.

Отчего безмолвствуешь ты?

Одиночество привело меня к тебе... В скитальчестве своем, вдали от второй родины-матери, на груди которой я доверчиво, с сыновней любовью прятал голову, доверяя ей свои тайны, прихожу я к тебе искать свидетельства твоего.

Отчего безмолвствуешь ты, гора? Кого ищет твой гордый взор? Ты не узнаешь меня? Ведь я отпрыск той, любовью спаянной пары – жениха-невесты, которая отдыхала у твоих скал. Ты была единственной ее свидетельницей. Воззри: я преклоняю голову перед тобой, я совершаю омовение своего тела, чтобы оно было достойно коснуться твоего праха. Свидетельствуй же, гора, обо мне, свидетельствуй, рассказывай...

Позади меня стоит одна из тех старушек, которые ночью сопровождали корабль своими молитвами. В честь страны отцов она нарядилась в новый субботний чепец с белой бахромой и голубыми бархатными лентами. У нее большие очки на носу, в руке толстый молитвенник, она стоит позади меня и спрашивает:

– Дай нам Б-г долголетия, скажите, прошу вас, это она и есть гора из Хумеша?

– Она самая и есть, бабушка. Гора из самого Хумеша – Ливан.

– А-а-ай, из самого Хумеша!.. Гора Ливан! – обращается она уже к горе. – Иди и предстательствуй перед Б-жым престолом за твою рабу Енту, дочь Леи, за ее деток, оставшихся дома, и за всех евреев, омейн-села!

Ступай же, гора Ливан, предстательствуй! Ведь «там» ты в большом-большом почете...

А старые евреи, нарядившиеся в честь Ливана в субботние кафтаны, надели талесы и тфилин и охваченные утренним светом и воздухом родины, стали на молитву лицом к горе.

– «Тахас а-ар а-тойв а-зе» – под этой прекрасной горой! – произносит выразительно один из стариков и указывает пальцем на гору.

А молодежь из Плонска, сионисты, рабочие, упаковывают свои вещи. Они должны сойти в Бейруте – самом большом торговом городе в Сирии, – чтобы оттуда отправиться в колонии, находящиеся в Галилее.

КАК Я ЗАДАВИЛ ПАВЛИНА ДАВИДА ЛЕВИ

יְאֵד אֲבִינִי

На прошлой неделе в «Едиот ахронот» было опубликовано большое интервью с бывшим министром иностранных дел Давидом Леви. Среди прочего он поведал о том, что очень привязан к своему любимцу – павлину, которого растит во дворе своего дома в Бейт Шеане.

– Павлин просыпается рано утром, – рассказывал г-н Леви, – подходит к моему окну и кричит. А кричит он так, что мигом вскочишь.

И добавил: «Я еще не видел столько врожденного благородства и величия в другом животном».

Можно продолжить разговор о причине выбора Давидом Леви именно павлина в качестве домашнего питомца, можно также назвать еще некоторых животных, которые пробуждают в сердцах и других политиков чувства симпатии и сопричастности. Это, например, львы, ослы, лисы и хамелеоны. Но, что касается меня, то слова Давида Леви о его любимом павлине пробудили во мне глубоко скрытые и болезненные воспоминания, которыми я хочу поделиться и, наконец, снять с души тяжелый камень.

Вот как это было.

Около двух лет назад я отправился на своем джипе в Рамат Исасхар. Это район, который расположен к северу от долины Бейт Шеана, там еще проходит базальтовое русло Нахал Исасхар, вообще место очень пустынное – живой души не встретишь, разве что попадутся какие-то старые коровы на грани превращения в бифштексы да семейства непуганных черепашек. Изредка встречаются родники, растут акация и дикая слива. Короче: отличное место для прогулки в одиночестве или небольшой компанией, если хотите представить себя почти в Африке.

В тот раз я был один и к вечеру направлялся на ужин, о котором договорился заранее, к друзьям в один из близлежащих кибуцов. По дороге туда я проезжал через город Бейт Шеан. Я не знаю его хорошо, поэтому старался придерживаться общего

направления движения. Вскоре я оказался на симпатичной улице, по обеим сторонам которой стояли красивые частные дома. Я ехал медленно, что было очень правильно, как оказалось впоследствии, и смотрел по сторонам.

Спускались сумерки одного из последних дней лета. Запахи цветов из палисадников и ароматы из кухонь смешивались в воздухе. Все настраивало на мир и спокойствие, и после дня, полного прекрасных пейзажей и одиночества, я ощущал в душе и теле чувство приятной умиротворяющей усталости. И вдруг, совершенно неожиданно, раздался ужасный пронзительный крик, от которого кровь стынет в жилах. Показалось, будто он вырвался из соседнего подвала, в котором кого-то пытали, а может, так кричат в сумасшедшем доме, – и большое пестрое тело вылетело из ближайшего двора, снова испустило свой душераздирающий крик и всем весом рухнуло на ветровое стекло моего автомобиля, полностью закрыв мне обзор.

Потрясенный, я затормозил. Пестрая куча, лежавшая на капоте автомобиля, соскользнула с него и свалилась на асфальт. Я вышел из джипа и не поверил своим глазам: рядом с левым передним колесом лежал павлин. Признаюсь – мне стало немного легче, во-первых, поскольку это оказался не ребенок, который сломя голову выпрыгнул из своего двора, а, во-вторых, поскольку я не выношу павлинов.

Вообще-то у меня нормальные отношения с миром пернатых. Птиц я дома не держу, но мне очень нравится куриный бульон. Помимо этого я люблю наблюдать за щеглами, соколами, медоносами и дроздами, когда они появляются возле моего дома. Я даже прощаю ворон, которые таскают у меня с веранды всякую мелочь, и улыбаюсь воробьям, хотя они будят меня утром. Я беседую с сойками несмотря на то что они трещат своими клювами, я даже с симпатией отношусь к дятлам, хотя они уже достали меня тем, что постоянно дырявят лежащие на земле шланги для полива. Но павлин? Если уж существует птица с дурным характером, самодовольная, кичливая, помпезная, никчемная, вульгарная и совершенно ненужная на Б-жьем свете, так это павлин.

Однако у меня доброе сердце, и этот пернатый балбес, что свалился на мою машину, вдруг показался мне испуганным и печальным, и я забеспокоился, что он здорово пострадал. Я наклонился и тихонько тронул его. К моей радости павлин подскочил и засеменял по тротуару смешной походкой, пытаясь вести себя так, будто ничего не произошло. Он старался принять величественную осанку, приличествующую птице с врожденным благородством и высокой репутацией, как у него. В таком виде – с растрепанным и опавшим хвостом, который волочился за ним по асфальту, и поникшим хохолком на голове, однако в позе, выражавшей максимальную гордость и достоинство, – павлин был очень смешон. Я не мог сдержаться и громко рассмеялся.

К моему веселью присоединился один из откуда-то появившихся жителей, который внимательно посмотрел на меня и произнес:

– Вы знаете, кто это был?

– Кто?

– Ну, тот павлин, что врезался в вас. Вы знаете, кто он?

– Нет, – ответил я, – я не знаю, кто этот павлин, что врезался в меня.

Улыбка моего собеседника стала еще шире. Он приблизил лицо ко мне и прошептал: «Это павлин Давида

Леви».

На этот раз я уже просто расхохотался, да и мужчина издал что-то похожее на смешок. Признайтесь, что выражение «павлин Давида Леви» смешное, а? Гораздо смешнее, чем «пудель Переса», «Валаамова ослица» и «собака полковника Шульца». Тем временем на улице собралось еще несколько человек, и через минуту новость уже летала над толпой во всей живописности и с подробностями. Люди перешептывались, цокали языками, показывали на меня пальцем, а когда я еще услышал негромкое «он задавил павлина министра», то понял, что наступил момент практического использования тактики «бей и беги», ибо известно, сколько катастроф случилось из-за непонимания. Я мирно попрощался с симпатичным собеседником, пока он еще не перестал улыбаться, и продолжил свою поездку.

Я ехал и думал, что же я скажу своим друзьям в кибуце, когда они спросят меня, почему я опоздал к ужину. Что по дороге я сбил павлина Давида Леви? Да кто мне поверит? Ведь вся эта история выглядит как чушь, которую, возвращаясь домой под утро, несет не очень умный женатый мужчина, а от него при этом пахнет духами...

– И где это ты был до сего времени? – спрашивает его звереющая жена.

– Ты не поверишь, что со мной случилось, – отвечает ей изобретательный дурень, – я сбил павлина Давида Леви.

И тут же получает скалкой по голове – и поделом. А вы бы поверили в такое? Бывают случаи, что лучше что-нибудь соврать, чем говорить правду.

В комнате моих друзей в кибуце уже и еда остыла, и настроение было никудышное.

– И где это ты был до сего времени? – спросили они меня.

– Да шину проколол, – сделал я честное лицо.

– Шину... Как банально, – процедила хозяйка разочарованно.

– Да еще забуксовал в вади Исасхар, – попытался я реабилитироваться.

– В сентябре? – удивился хозяин. – Да там сейчас все пересохло.

– Ну ладно, – сдался я, – по правде говоря, я сбил павлина Давида Леви...

Мои друзья даже головы от тарелок не подняли.

– Ну что ж, – проговорили они с каким-то странным безразличием, – добро пожаловать в наш клуб.

И тут мне рассказали то, что уже давно известно всей округе: раз в неделю павлин Давида Леви, тот самый, величественный, с исключительно благородной осанкой,

имеет обыкновение перелетать через забор двора своего хозяина и с безумным криком падать на невинные автомобили, проезжающие мимо.

– Но почему? – удивился я. – Ему там что – плохо?

– Скажи, – спросил меня мой приятель-кибуцник, – а будь ты павлином, стал бы ты жить у Давида Леви?

И тут с незаурядным литературным талантом он описал мне тяжелую жизнь этого павлина, который распускает свой хвост во всей красе, ходит кругами по двору, верещит во весь голос, одним словом – строит из себя «с врожденным благородством», – и никто не обращает на него внимания. Почему? Да потому что все смотрят только на министра!

– Поэтому разве удивительно, что павлин огорчается и улетает? – спросил мой друг.

– С другой стороны, – сказала жена друга, – если его не задавят насмерть, у него есть шанс стать консулом в Нью-Йорке.

Вот и весь мой рассказ, и все это – правда.

С Новым годом!*

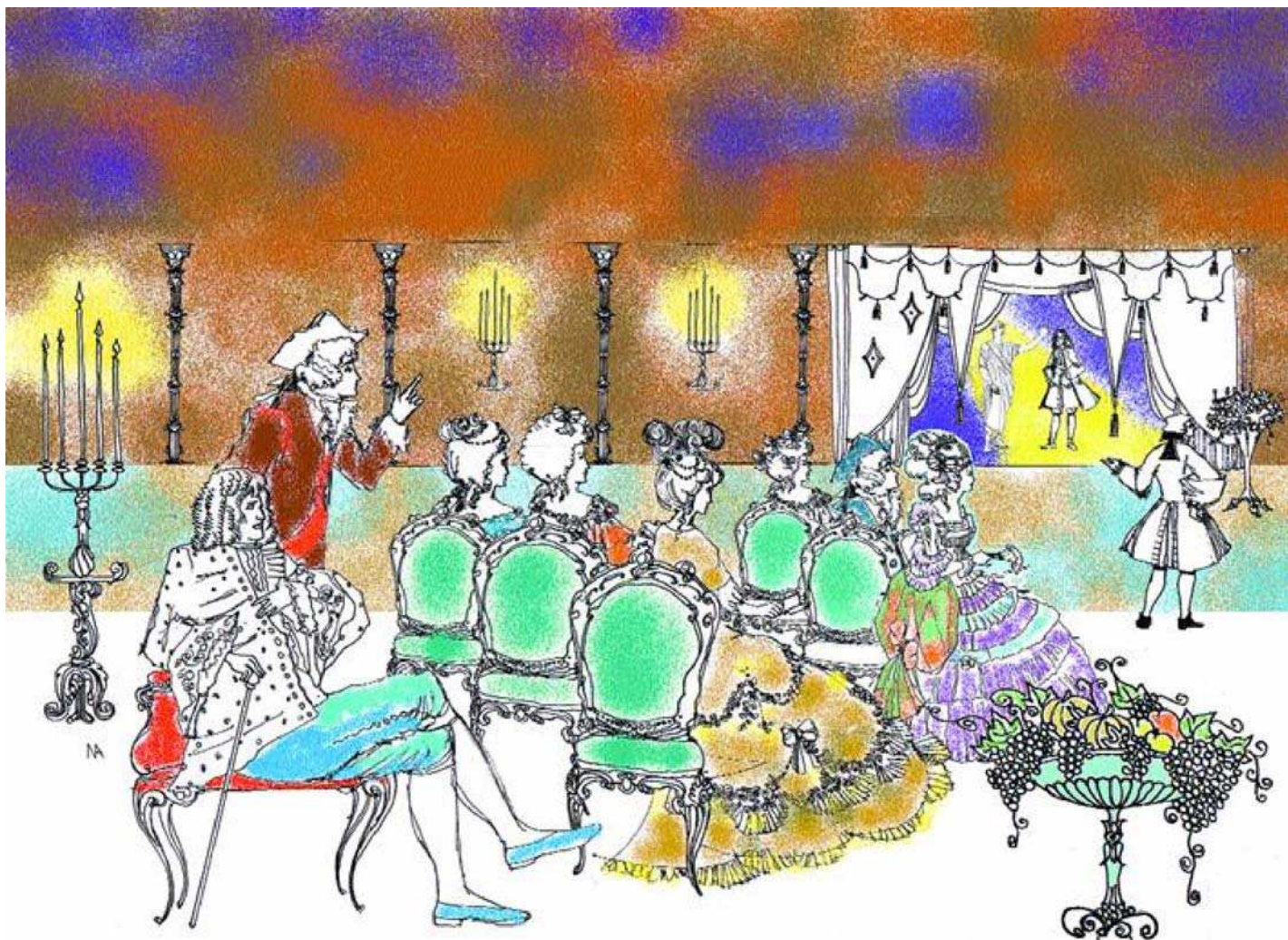
Ī ādāāā nēāāēōā Ā. Ēōpēīāā

** Dāñēāç áúē íāí ēñāí ĩñāí ūp 2000 āāā ā ēāí óí í ĩāīā 5761 āāā í ĩ āāāēñēī í ó ēāō ĩñ-ēñēāí ēp.*

ЗЮСС ОПЕНГЕЙМЕР

י אדעוין עאי אײ

Продолжение. Начало в №120, 121.

Глава шестая

Зюсс – придворный еврей

Карл-Александр осел в Венеции. С тех пор как он перешел из протестантства в католичество, его отношения с герцогским двором были, как правило, напряженными, поэтому он не получал отсюда никакого денежного содержания и вынужден был прозябать на жаловании начальника штаба австрийской армии. Этих денег не хватало на покрытие значительных расходов, необходимых для ведения подобающего образа жизни будущему герцогу. А в Италии Карлу-Александру надлежало особо заботиться о том, чтобы вести жизнь, полную роскоши и богатства, дабы поддержать за границей достоинство немецкой правящей династии. Но откуда же достать на это деньги? Зюсс поддерживал тесные деловые связи с акулами еврейского капитала в Вене и Амстердаме, которые с охотой соглашались на его предложения и обеспечивали будущего Вюртембергского правителя требуемыми ссудами.

Зюсс был весьма полезен принцу не только в финансовых делах. Живя в Венеции и вращаясь в кругах итальянской знати, принц часто сталкивался с тем пренебрежительным отношением, которое проявляли аристократы итальянской республики к немцам вообще. Порой принц жаловался на это Зюссу, выражая свое крайнее огорчение. Когда пришло время уезжать из Венеции, принц обратился к своему придворному еврею с такими словами:

– Эх, если бы я только знал, как преподать достойный урок этим заносчивым итальяшкам, дабы они поняли, что мы, немцы, народ просвещенный и трудолюбивый, стремящийся к высоким идеалам, тогда как в Италии не осталось ничего, кроме пустой гордыни из-за принадлежности к некогда великой нации!

– Ваше Высочество! – ответил Зюсс. – Разрешите предложить вам соответствующий план! Перед отъездом вам следует устроить прощальный прием, пригласив на него всех итальянских вельмож. Мы устроим для них такое представление, из которого будет ясно, хотя и не явной, но в совершенно доходчивой и недвусмысленной форме превосходство немцев над итальянцами.

План Зюсса пришелся принцу по сердцу, и он с радостью дал свое согласие.

И вот в один прекрасный летний вечер состоялся великолепный прощальный прием в полном соответствии с планом Зюсса. По приглашению принца явилась вся венецианская знать.

Вдоволь насладившись угощением, состоявшим из затейливой выпечки и дорогих заморских фруктов, гости были приглашены в соседнюю залу, где была приготовлена сцена на манер театральной и расставлены ряды стульев. Едва гости расселись по местам, как прозвенел звонок, свет был притушен, и занавес поднят.

На сцене царил непроглядный мрак. Лишь крохотный светильник бросал слабый неверный свет на декорацию древнеримского форума. Неожиданно разразилась буря, сопровождаемая громом и молниями. На сцене появился дух древнеримского оратора Цицерона. Проведя тысячу семьсот лет в мире духов, Цицерон захотел увидеть, как живут нынче его возлюбленные римские соотечественники. И тут на сцене появился иноземец, сын германской земли. Он хотел зайти в один из ближайших домов, но ворота оказались заперты.

– Неужели еще так рано?! – удивился иноземец и достал из кармана часы. – Ох! – воскликнул он, – уже четвертый час утра на исходе, а ленивые римляне до сих пор нежатся в своих постелях!

Дух Цицерона следил за иноземцем с неослабевающим интересом. Он приблизился и удивленно спросил:

– А скажи, чужеземец, что это у тебя за чудесный прибор, с помощью которого ты можешь узнавать, который теперь час?

Немец вынул из кармана часы и протянул Цицерону:

– Разве не случалось тебе видеть часов?

– Никогда. Я всего лишь дух великого Цицерона. Более тысячи семисот лет я провел в подземном мире Аида, и сегодня я явился в этот мир, чтобы посмотреть, как живут нынче римские граждане. И в наши дни были часы, но пользоваться ими можно было только в солнечный день, а никак не ночью.

Цицерон рассматривал карманные часы с живым интересом, а затем попросил чужестранца разъяснить, как они работают. Получив необходимые разъяснения, он удивился еще больше и воскликнул:

– Это воистину чудесное произведение искусства! Кто же тот мудрец, что изобрел этот прибор и откуда он родом?

– Изобретатель карманного хронометра – уроженец города Нюрнберга, что в Германии. Его имя — Петер Хеле.

– Германец? Не смей меня, чужеземец. Каждый знает, что Германия — страна, чуждая цивилизации и просвещения. Там живут дикие пещерные варвары. Они охотятся на медведей и диких буйволов, одеваются в шкуры, а виноградную лозу им заменяет грубое, мерзкое ячменное пойло. Все это рассказал мне мой друг Юлий Цезарь, завоевавший часть этой дикой страны.

– Действительно – ответил чужеземец – дело обстояло именно так тысячу семьсот лет назад. Но с тех пор все изменилось самым коренным образом. Я готов продемонстрировать тебе и другие плоды германской творческой мысли. Вот, посмотри, пожалуйста, на эту книгу.

– О, да это же моя книга — «De Oficis»! Гляди-ка, какой ровный и чистый почерк! Как четко и прямо выписана каждая буква!

– Эта книга не написана, а напечатана.

– Что означает это слово – «напечатана»? — спросил пораженный Цицерон.

– В твои времена, когда писали книгу, уходила бездна труда на ее переписывание, и каждый, кто хотел книгу иметь, должен был нанять писца и заплатить ему большую сумму золотом. Разве не так?

– Разумеется!

– А в наши дни нет больше писцов и нет в них необходимости. Сегодня каждая буква вырезается из свинца, затем эти буквы соединяют в слова, слова – в предложения, а предложения — в страницы. На поверхность букв, набранных подобным образом, намазывают краску, затем прижимают к бумаге, и так за один раз печатают несколько копий одной страницы. Это позволяет за один день напечатать более тысячи экземпляров твоей, к примеру, книги.

– За один день! Не может такого быть! В мои дни на это потребовались бы многие годы! Скажи мне, кто же тот гений, в чьем просвещенном уме возникла эта замечательная идея, дабы знал я, кому подобает мне выразить почет и уважение.

– Изобретателем книгопечатания был Иоганн Гутенберг из Майнца.

– Майнц! Та самая деревенька, где Юлий Цезарь выстроил мост через Рейн! То есть снова германец! Чудеса да и только! Как это столь отсталый и непросвещенный народ смог добиться таких выдающихся успехов?

– Ох, до чего ж заспались сегодня римляне! – воскликнул чужеземец. – Следует разбудить их громким стуком!

С этими словами он извлек из кармана заряженный пистоль и выстрелил в воздух. Дух Цицерона вздрогнул в страхе.

– Разве ты ангел или демон из ада? – воскликнул Цицерон. – Как можешь ты исторгать из руки грома и молнии?

– Все, что ты видел и слышал, – рассмеялся чужестранец, – не более чем результат воспламенения пороха, так же являющегося изобретением германца, Бертольда Шварца.

– Да! Из народа варварского и отсталого вы превратились в талантливую и просвещенную нацию! Скажи же мне скорей, а что за это время придумали мои возлюбленные соотечественники? Ведь уже тысячу восемьсот лет назад они были народом просвещенным. Если даже германские варвары за это время умудрились шагнуть так далеко вперед, то что же говорить об итальянцах!

– Значит, ты хочешь знать, до чего дошли твои возлюбленные сограждане?

– Очень хочу!

– Ну так смотри и слушай!

Тут на сцене появился итальянский юноша-разносчик и возгласил:

– Расчески! Покупайте расчески!..

Занавес опустился.

Венецианская знать сидела, как прибитая к месту, не смея смотреть друг на друга от смущения, не находя слов для выражения смятенных чувств. Неожиданно всех охватили гнев и возмущение, по залу пробежал недовольный ропот, перешедший в возмущенные крики и восклицания в адрес немецкого принца, посмевшего выставить их всех на посмешище. Все вдруг стали искать принца, чтобы разорвать его на куски, но еще в середине спектакля Карл-Александр со всей своей свитой покинул Венецию. Веселые и довольные они ехали в своей роскошной карете, не переставая смеяться над посрамлением венецианской знати.

– Ты поставил спектакль с истинным искусством! – обратился принц к Зюссу. – Оказывается, ты человек выдающихся и разнообразных способностей!

– Мой добрый господин! – поспешил Зюсс использовать благодушное расположение принца. – С еще большим удовольствием я бы устроил кое-какое другое, гораздо более важное дельце!

– Да знаю, знаю! Ты мечтаешь сковать меня, старого холостяка, узами семейной жизни.

– А разве это не есть важное и необходимое дельце, Ваше Высочество? Разве не обязанность принца позаботиться о наследнике престола Вюртембергской династии?

– Ты прав, вне всякого сомнения. Видимо, мне следует обратить на это внимание, ты ведь, небось, и невесту уже присмотрел, а?

– Нет, Ваше Высочество.

– Ну, я думаю, не будет большой беды, если ты этим займешься. Мы уже убедились в том, что у тебя хороший вкус и что на тебя можно положиться. Моя будущая жена должна быть не просто подходящего знатного рода, скажем, принцесса какой-нибудь доброй династии, но еще и миловидной, и образованной.

– Знаком ли Вашему Высочеству Ансельм-Франц?

– Это тот, что славится своей роскошной жизнью в Брисле?

– Он самый.

– Ну, знаком. И что?

– У этого принца есть дочь, которой около двадцати лет, принцесса Мария-Августа. Один мой друг из Амстердама бывал в Брисле, и ему посчастливилось быть представленным принцессе. Он пишет, что в жизни не видел столь красивой девушки. Она также отличается живым умом и прочими исключительными качествами. Именно она является душой брисльского двора, благодаря чему там царит самая веселая и непринужденная атмосфера.

– Ты меня заинтриговал, Зюсс. Мы отправляемся в Брисль немедленно. Но горе тебе, если окажется, что ты что-то выдумал или раздул.

– Человек, сообщивший мне это, вполне заслуживает всяческого доверия.

– Да, но где мне взять денег, дабы появиться в Брисле достойным принца и жениха образом и чтобы впоследствии держать подобающий двор?

– Ну уж эту-то проблему Ваше Высочество может смело доверить мне, – ухмыльнулся Зюсс.

Глава седьмая

Финансовые дела

Принц и Зюсс отправились в Брисль. Оказалось, что принцесса Мария-Августа и вправду красавица, каких поискать, и во всех отношениях – само совершенство, в точности, как описывал ее Зюссу его амстердамский корреспондент. Она произвела на принца столь сильное впечатление, что он готов был немедленно с ней обручиться. Придворные брисльского двора по достоинству оценили партию для принцессы в лице наследника престола Вюртембергского герцогства. Вскоре состоялось обручение принца

Карла-Александра и принцессы Марии-Августы, а через некоторое время была сыграна свадьба.

Принц еще проводил свой медовый месяц в Брисле, а Зюсс уже отправился во Франкфурт и Майнц доставать для принца деньги. Впервые за двадцать лет он оказался в тех местах, где прошли его юность и отрочество. Прибыв в Майнц, он решил поискать своего старого знакомого реб Лейба, торговца лесом, с которым познакомился на границе Голландии, на том памятном обрезании. За прошедшие двадцать лет Зюсс изменился самым решительным образом. Теперь он был уважаемым и состоятельным человеком. Он держал собственный выезд и пару породистых лошадей, при которых состоял кучер. Когда он стал спрашивать дом реб Лейба-лесоторговца, жители Майнца указали ему на одно из самых роскошных зданий в еврейском квартале. Реб Лейб более не занимался лесоторговлей. Состарившись, он отошел от дел и доживал свой век в покое, пользуясь накопленным за долгую жизнь богатством.

Едва коляска Зюсса остановилась у дома реб Лейба, как вокруг собралась толпа зевак и любопытных, желавших знать, что это за важный господин пожаловал. Престарелая его супруга приняла гостя с возможным радушием.

– Мужа нет дома, – объяснила она, – он сидит в Доме учения. Я пошлю кого-нибудь за ним.

Как это было принято в то время среди евреев, накопивших за долгую жизнь капитал, достаточный для почтенной и безбедной старости, реб Лейб направил свои силы на накопление капитала духовного, что принесет свои плоды в жизни будущей, и с усердием занимался учением, молитвой и нуждами общины, бо́льшую часть времени просиживая в синагоге.

Он появился дома через считанные минуты. Несколько мгновений он внимательно изучал гостя и затем спросил:

– Кого я имею честь принимать в своем доме?

– Разве вы меня не узнаете, реб Лейб? – удивился Зюсс.

– Откуда же мне быть знакомым с Его Превосходительством? Едва ли я видел вас когда в жизни.

– Неужели реб Лейб не помнит некого юношу, которого он устроил на должность у Якова Радригца в Амстердаме?

– А, Зюсс из Оппенгейма, молодой моэл!

– Это был единственный раз в жизни, когда мне пришлось быть моэлом.

– Так что же, Ваше Превосходительство и есть тот самый юноша? Я вижу, бедный юноша превратился в важного и богатого господина. Но остался ли он евреем?

– Да, я по-прежнему еврей, хотя тысячи разных людей и причин пытались принудить меня переменить веру.

– Так пусть Его Превосходительство остается с нами обедать. Не откажите старику. Карьяна! – обратился реб Лейб к своей жене. – Этот господин — мой старый друг. Он останется с нами обедать.

Между двумя евреями немедленно завязалась увлеченная беседа обо всем, что довелось им обоим пережить с тех пор, как они расстались. Под конец Зюсс спросил, как поживает его дядя, рабби Симха.

– Оппенгеймский раввин здоров и благополучен, – сообщил раби Лейб. – Не далее как вчера был у меня человек из Оппенгейма и передавал от него привет. Во время оно, возвратившись из Амстердама, я поведал ему о ваших приключениях. Он так и не смирился с побегом любимого племянника и очень был недоволен, что я не употребил все свое влияние, дабы вернуть вас домой.

– Но разве не к лучшему все случилось? Разве я не разбогател, не вышел в люди?

– А проходит ли ваша жизнь согласно Торе и заповедям?

– Нет. В условиях, в которых я живу, нет никакой возможности жить по Торе и соблюдать заповеди.

– Но разве не вы сами изначально выбрали такой образ жизни?

Зюсс криво ухмыльнулся.

– Давайте лучше сменим тему, реб Лейб. Занимаетесь ли вы еще лесоторговлей?

– Нет. С Б-жьей помощью я накопил достаточный для безбедной старости капитал. Я могу позволить себе просиживать целыми днями в синагоге, посвящая себя учению и молитве. Кроме того, я также собираю средства на нужды общины, являюсь старостой благотворительных обществ попечения больных, бедняков и бесприданниц. Слава Б-гу, сидеть без дела не приходится. А как вы? Успели ли жениться и есть ли у вас дети?

– Нет, я пока еще не женат. Постоянные разъезды и беспокойный образ жизни не оставляли мне времени подумать о женитьбе.

– Отчего же вы не хотите изменить этот беспокойный образ жизни, коли он не оставляет вам времени для самых возвышенных и естественных радостей жизни? Ведь вы утверждаете, что весьма богаты?

– Да, я и вправду весьма богат. Но у меня есть все возможности в несколько раз преумножить мой капитал, если я не оставлю дел еще несколько лет. Нынче я служу придворным поставщиком при принце Карле-Александрe, будущем Вюртембергском

герцоге. Надеюсь, ему недолго осталось ждать трона, и тогда все герцогство окажется под моим управлением. Принц считает меня незаменимым и не преминет предоставить мне такую возможность.

– Если такое когда и произойдет, вашей прямой обязанностью будет приложить все ваши способности на благо и процветание вверенной вам страны, а не на стяжательство личного капитала.

– Ха, ха, ха! Реб Лейб, да вы идеалист! Когда, наконец, Карл-Александр взойдет на трон, ему потребуются деньги – много денег, чтобы выплатить свои многочисленные долги. И еще больше – на удовлетворение его честолюбивых и разнообразных нужд и запросов, которые обходятся весьма недешево! И тогда моей обязанностью будет собирать все государственные доходы и управлять таким образом, чтобы эти доходы постоянно увеличивались, дабы будущий герцог мог расплатиться с долгами и развлекаться ни в чем не зная отказа. Понятно, что и на мою долю перепадут кое-какие крохи. Я буду просто дурак, если этим не воспользуюсь. Но все это — дело будущего. А пока что я должен отправиться во Франкфурт, закончить там одно дельце. Затем я думаю отправиться в Оппенгейм, посетить своего дядю. Я попрошу вас, реб Лейб, некоторое время сохранять мое инкогнито, ибо я намерен предстать перед дядей в образе незнакомца, чтобы иметь возможность выяснить, действительно ли он меня простил.

Реб Лейб пообещал хранить тайну. Проведя в доме реб Лейба целые сутки, Зюсс отправился во Франкфурт за деньгами для принца. К своему удивлению он обнаружил, что во Франкфурте не торопятся одалживать принцу большие суммы денег.

– Что?! – вскричал один еврейский банкир, первый, к которому обратился Зюсс. – Вы просите ссуду для этого принца? Да у него и так долгов больше, чем волос на голове. Я не дам для него и гроша.

Убедившись, что никакие объяснения, обещания и уговоры здесь не помогут, Зюсс обратился к другому известному в городе еврейскому финансисту.

– Ссуда для этого принца может очень неплохо окупиться, – пояснял Зюсс. – Через некоторое время принца ожидает Вюртембергское герцогство, и тогда вы преспокойно получите свои денежки назад с весьма жирными процентами.

– А кто может поручиться, что он это герцогство вообще когда-нибудь получит? Он не намного моложе нынешнего герцога. Кроме того, до меня дошли слухи, что герцог страдает незаживающей раной на ноге, полученной во время битвы при Кассано. А если принц не получит герцогства, то и я не увижу своих денег.

Убедившись, что от еврейских банкиров ему ничего не добиться, Зюсс обратился к христианам. Но и тут его ожидало горькое разочарование.

– Что?! – вскричал один известный протестантский банкир. – Чтоб я предоставлял ссуды этому принцу, этому безбожнику, сменившему протестантскую веру на католичество?! Я пока не выжил из ума. Да пусть он хоть с голоду будет помирать, ни гроша из моих денег ему не видать!

Зюсс тут же отправился к банкиру-католику и поведал ему о том, как банкир-протестант глумился над католической верой, в надежде, что уж тот-то не откажет едиנוверцу в помощи. Тем не менее, банкир всего лишь рассмеялся и сказал:

– Этот банкир попросту глуп! Я никогда не позволяю себе мешать вопросы веры с финансовыми делами. Да пусть придут ко мне хоть от турецкого султана, я не откажу ему в займе, если увижу в том свою выгоду. И разве не являемся мы свидетелями тесных связей между тем же турецким султаном и Его Августейшим Величеством католическим королем Франции? И поэтому вы, господин поставщик, жестоко ошибаетесь, если думаете, что я стану одалживать деньги принцу лишь из тех соображений, что он католик. Именно по этой причине я буду вынужден вам отказать, ибо я прекрасно знаю вюртембергское общество. С них вполне станется лишить принца его права на престол как раз по причине его католического вероисповедания.

– Но, простите, – попытался объяснить Зюсс, – эти ваши опасения совершенно безосновательны! Дело это улажено еще в 1729 году, когда принц официально объявил, в ответ на требование вюртембергских граждан, что обещает не вмешиваться в дела Вюртембергской протестантской церкви. Англия и Дания в этом поручились.

– Если так, – объявил банкир, немного поразмыслив, – то я не вижу более никаких препятствий к предоставлению принцу требуемой ссуды. Какой суммой ограничены ваши полномочия?

– У меня неограниченные полномочия, – отвечал Зюсс. – Вот, убедитесь: здесь подписанные векселя с личной печатью принца, необходимо только вписать сумму.

– Что ж, видимо, вы пользуетесь большим доверием своего господина, возможно, даже слишком большим!

Последовала быстрая сделка к вящему удовольствию обеих сторон. Довольный Зюсс, едва закончив дело, отправился в Оппенгейм.

Глава восьмая

В гостях у дяди

Множество неясных ощущений теснилось в груди Зюсса, когда он оказался в том городе, название которого стало его фамилией и где он провел дни своей юности. Когда его коляска ехала по улицам Оппенгейма, удивленные жители следили за ней с большим интересом. А уж когда эта коляска остановилась напротив дома раввина, любопытство возросло неопишимо. Зюсс не обращал никакого внимания на толпу любопытных, собравшихся вокруг его экипажа. Легко и непринужденно спрыгнув на землю, он вошел в дом.

Еще стоя в дверях, он застыл на месте, пораженный как громом, бестолково хлопая глазами. Перед ним стояла юная девушка, чей образ был ему столь знаком и столь памятен, столь дорог и столь любим, ибо это был образ его матери...

– Мама! – пробормотал он невольно. – Ты ли это? Неужто ты восстала из мертвых!

Девушка была задета и поражена подобным поведением незнакомца и глядела на него со смущением и испугом во взоре.

Зюсс вскорости пришел в себя и поспешил ее успокоить:

– Прошу вашего великодушного прощения, юная фрейлейн. Вы столь похожи на мою покойную мать, что, как только я взглянул на вас, мной овладел испуг. В любом случае я склонен рассматривать это как доброе предзнаменование, ибо первое, что я здесь увидел, был образ моей матушки, столь памятный и дорогой моему сердцу с детских лет. Я желал бы встретиться с раввином. Где я могу его найти?

– Отца нет дома. Он в Дилгайме на обрезании.

– Отца? Вашего отца? Простите, разве это не дом рабби Симхи Бенцлау?

– Да, так зовут моего отца.

– Вы удивили меня, юная фрейлейн! Насколько мне было известно, рабби Симха и его супруга не удостоились иметь детей.

– Да, в течение долгих лет так оно и было, но в конце концов Г-сподь наградил их дочерью.

– А где же ваша мать?

– Ее нет более в живых, – отвечала девушка грустным голосом, смахивая с ресниц непрошеную слезу. – Два года уже прошло с тех пор как упокоилась она последним упокоением на здешнем кладбище.

Благословен Судья праведный, – произнес Зюсс с печалью. – Что ж, видно не суждено мне увидеть добрую и уважаемую ребецн.

– Разве господин был знаком с моей матерью?

– Конечно! Я хорошо ее знал. Она была тихой и честной женщиной. Но она продолжает жить в образе столь прекрасной дочери! Сколько мне нужно будет ждать, дабы увидеть вашего отца?

– Я думаю, он скоро вернется.

– Позвольте ли вы мне подождать его здесь?

– С большим удовольствием, господин.

Зюсс вышел на улицу и отослал свой экипаж на постоянный двор, а сам вернулся в дом. Девушка подала угощение и спросила:

– Смею ли я спросить, кого имеет честь мой отец принимать в своем доме?

– Я старый приятель вашего отца. А позвольте и мне спросить, как ваше имя?

– Меня зовут Юдифь.

– Замечательное имя! И горе тому Олоферну, который посмеет к вам приблизиться!

– Господин! Я вас не понимаю!

– Как, разве вам неизвестна история Юдифи и Олоферна?

– Мне, разумеется, прекрасно известна эта история. Но я не понимаю, что господин имеет в виду?

– Как, разве вы забыли, что, приблизившись к Юдифь, Олоферн потерял голову?

Юдифь густо покраснела.

– Чем я дала повод господину, – воскликнула она с едва сдерживаемым возмущением, – говорить со мной в подобном тоне?

Зюсс позволил себе широко улыбнуться:

– Какое разительное между ними сходство, когда она сердится, – пробормотал он себе под нос, затем возвысил голос и, обращаясь к девушке, сказал: – Я смиренно прошу у вас прощения, ибо я, конечно же, не имел в виду вас обидеть. Просто я привык к манере обращения, принятой скорее при дворах европейских монархов, чем в доме раввина.

В эту минуту распахнулась дверь, и вошел рабби Симха.

За это время он заметно постарел. Его лицо обрамляла посеребренная сединой борода, но осанка осталась хорошей, а походка – прямой. Зюсс двинулся ему навстречу и обратился к нему с глубочайшим почтением:

– Да простит господин раввин, что я вторгся в его дом в его отсутствие!

– Господин – желанный гость в моем доме!

– Я из Венгрии.

– Из семи общин?

– Нет, из мест, граничащих с Турцией. Я привез рабби привет.

– От кого?

– От одного весьма близкого раввину человека.

– Я там никого не знаю. У меня вообще нет близких в тех местах.

– Разве не было у раввина не

когда племянника, которого раввин растил как сына в своем доме?

– Неужто Зюсс?

– Он самый.

– Он еще жив!

– Жив и здоров, но беден и несчастен.

– Так что ж он не едет ко мне? Я всегда разделю с ним то, что дал мне Г-сподь. Да и наследство, что оставила ему мать, по-прежнему у меня.

– И господин раввин готов простить того неблагодарного, что сбежал от него, как тать в ночи?

– Я уж давно его простил.

– И так же готов простить господин раввин, что целых двадцать лет он пропадал, не подавая о себе никаких вестей?

– И это я готов забыть!

– Но да будет известно раввину, что его племянник живет как грешник во Израиле!

– Спаси и помилуй, Г-сподь!

– Уж теперь-то раввин не захочет и слышать об этом несчастном, не так ли?

– Нет, вовсе нет! Мне, конечно, горько и больно, но пусть лишь вернется ко мне, и я сделаю все возможное, дабы возвратить его на праведный путь!

– А если он придет лишь затем, чтобы получить свое наследство, а затем вновь сбежит?

– Нет, он ни за что так не поступит, едва лишь увидит, что я по-прежнему люблю его, единственного сына моей дорогой сестры, да будет память ее благословенна! Эта любовь всегда смягчала мое сердце, даже если ему случалось быть твердым, как скала!

Зюсс не мог более сдерживаться. Он в волнении схватил руку рабби Симхи и стал покрывать ее горячими поцелуями и слезами, бормоча смущенно:

– Дядя! Мой добрый дядя!

Рабби Симха замер в изумлении, некоторое время внимательно разглядывал Зюсса и, наконец, поднялся с места и воскликнул:

– Ты ли это, Зюсс, сынок?

Он простер руки и заключил Зюсса в долгие объятия.

– Юдифь, Юдифь! – закричал он дочери. – Иди скорей сюда. Твой двоюродный брат, о котором я тебе столько рассказывал, пожаловал к нам!

Весть о том, что племянник рабби Симхи, сбежавший от него много лет назад, возвратился богатым и знатным, вмиг разлетелась по городу. Все пришли убедиться в том, что это правда, так как на слово никто не желал верить.

Зюсс оставался в доме дяди несколько недель. Как и обещал, рабби Симха употреблял все свое влияние, дабы вернуть племянника на путь праведный. Зюсс прислушивался к его речам с таким вниманием, на которое рабби Симха и не надеялся. Затаив дыхание, он внимал речам дяди о святости Торы, Израиля и непреходящем значении законов, и все время своего пребывания в дядином доме вел себя во всем как праведный и Б-гобязненный еврей.

В один прекрасный день Зюсс сказал рабби Симхе:

– Дядя! Ты сделал из меня нового человека! Теперь было бы весьма неплохо для закрепления всего этого, если бы ты отдал мне в жены свою дочь.

Рабби Симха вздрогнул, будто услышал что-то страшное.

– Отдать тебе в жены мою единственную дочь? – переспросил он, как бы не понимая.

– Так ты все еще стыдишься обстоятельств, запятнавших мое рождение?!

– Нет, – покачал головой рабби Симха, – вовсе не в этом причина моих сомнений. Я опасаясь, что все твое праведное поведение в моем доме объясняется не истинным возвратом и раскаянием, но тем, что ты с самого начала замыслил получить мою дочь.

– Возможно, ты и прав, дядя! Но ты можешь быть совершенно уверен, что слово свое я сдержу, и я обещаю тебе вести достойный и праведный еврейский образ жизни согласно нашей Торе.

– Ох, сын мой! Слишком много ты у меня просишь! Ты требуешь такой жертвы, которую я не в состоянии принести. Ну, скажи сам, что будет после моей смерти, когда я уже не смогу спросить с тебя за нарушение обещания? Что будет, если жажда стяжательства вновь проснется в тебе и ты вернешься к своей нечестивой жизни? Ты сам знаешь, Юдифь – моя единственная дочь, которую берег я как зеницу ока, которую любил и лелеял всей душой. И единственная надежда всей моей жизни – это когда-нибудь воспитать ее детей в духе Торы и заповедей. Я думал выдать ее замуж за человека, чьим единственным стремлением будет эта благородная цель. Так скажи же, как ты, человек, столь долгое время пренебрегавший Торой, нарушавший Субботу и осквернявший уста свои нечистой пищей, как сможешь ты растить своих детей, воспитывая в них любовь к Торе и Б-гобязненность?

– Дядя! Я расскажу тебе кое-что, что, возможно, заставит тебя изменить мнение обо мне и моем прошлом. Как тебе известно, принц, на службе у которого я состою, когда-то перешел из протестантизма в католичество. И не раз склоняли меня и он, и его свита к тому, чтобы и я переменял свою веру на католическую. Но я гордо и мужественно сохранял преданность вере отцов. Все их посулы и уговоры были напрасны.

– И ты бы согласился оставить должность при дворе принца и остаться у меня?

– Как ты можешь требовать подобного от меня?! Разве ты не понимаешь, какое блестящее будущее ждет меня на службе у принца, после того как он займет герцогский трон?!

Неожиданно в дверь постучали. В дом вошел нарочный гонец.

– Неужели я наконец отыскал господина еврея? – обратился он к

Зюссу.

– Вы ли это, герр Фриц? – ответил Зюсс. – Что же привело егеря Его Высочества ко мне в Оппенгейм?

– Я явился к вам с важным поручением. Наш милостивый господин, Его Высочество принц, со своей супругой прибывает сегодня во Франкфурт. Получен указ Его Величества о назначении принца правителем Белграда. Вам, господин еврей, надлежит сопровождать Его Высочество в Белград, поэтому еще сегодня вы должны явиться во Франкфурт.

– Я еду, Фриц! Дядя, угостите нас обедом и бутылкой вина, а после мы отправимся во Франкфурт.

– Пожалуйста, Зюсс, не ездите в Белград!

– Невозможно, дорогой дядя! Я обязан сопровождать принца!

Глава девятая

Зюсс – премьер министр

В час, когда Зюсс с придворным егерем выехали во Франкфурт, принц Карл-Александр сидел в своей комнате в гостинице и с нетерпением ожидал Зюсса, своего придворного поставщика. Он уже успел растратить все те деньги, которые с таким трудом добыл для него Зюсс, на балы, маскарады и азартные игры. Теперь, когда он собирался в Белград, ему вновь нужны были деньги.

Прибыв во Франкфурт, Зюсс вошел в покои принца и застал его сидящим за обедом в обществе молодой жены. Увидев Зюсса, принц закричал радостно:

– А, явился наконец! Я уж все глаза проглядел!

Зюсс поклонился принцу и поцеловал руку принцессы, которая одарила его в ответ лучезарной улыбкой.

– Садись-ка ты обедать с нами, – пригласил его принц. Зюсс застыл на мгновение в раздумье. Неужели так быстро свернет он с пути, на который наставлял его добрый дядя столь недавно и столь усердно? Но с другой стороны, разве может он выставить себя перед принцем на посмешище, а возможно, даже потерять его милость и благоволение? В конце концов он глубоко вздохнул и присел к столу.

– Дорогой Зюсс, – обратилась к нему принцесса, – вы так тяжело вздыхаете. Разве вы испытываете нужду в чем-либо?

– Ваше милостивое высочество! – отвечал Зюсс. – Я только что возвратился из Оппенгейма, где гостил у дяди, единственного оставшегося у меня родственника. Я впервые встретил там свою кузину – прекрасную девушку, и она покорила мое сердце.

– Ну, и почему бы тебе не последовать нашему примеру, – рассмеялся принц, – отчего ты на ней не женишься?

– Потому что мой дядя ни за что не даст на это своего согласия, пока я не соберусь оставить своего милостивого господина, дабы жить при дяде в Оппенгейме.

– И что же ты решил?

– Моя жизнь и служба принадлежат принцу.

– Мой верный Зюсс! Никогда я этого тебе не забуду! Я и не знаю, что бы я без тебя делал. Мне опять нужны деньги. Моя дорогая жена уже позаботилась о том, чтобы наша казна опустела и нуждалась в новых вливаниях. Сейчас мне нужны деньги на переезд. В Белграде мы сможем жить немного скромнее.

– Ваше Высочество! Нынче добыть денег будет чрезвычайно трудно! Слыхали ли вы о последних событиях в Штутгарте?

– Что мой кузен, царствующий герцог, расстался, наконец, с графиней Гревениц, как того требовал германский государь?

– И что его жена к нему вернулась...

Принцесса деликатно хихикнула:

– И в каких годах нынче герцог?

– Ему пятьдесят четыре.

– А моя дорогая царствующая кузина?

Ее высочество герцогиня не намного его моложе.

– И несмотря на это, – добавил Зюсс, – был издан специальный указ молиться во всех церквах о ниспослании царствующей чете свыше наследника мужского пола.

– Наследник мужского пола, – заявил принц, – уже рожден и здоров, и в этот час восседает он за обеденным столом в славном городе Франкфурте, что на реке Майн, и ему нужны деньги, много денег, дабы мог он появиться подобающим его высокому положению образом при дворе в Вене и представить там свою августейшую юную и прекрасную супругу. Поэтому, Зюсс, будь добр, достань мне денег лишь на этот раз. Когда меня коронуют, ты сполна получишь свое.

И снова начал Зюсс метаться от одного банкира к другому, но несмотря на все свое искусство и усердие, на этот раз ему не удалось выполнить пожелание принца. Во Франкфурте все уже слышали о молитвах в церквах Штутгарта, и никто не хотел ссужать деньгами принца, шансы которого на коронацию столь неясны. Разочарованию принца не было предела. Он-то как раз хотел появиться при дворе в Вене как подобает будущему герцогу, но без соответствующих средств это было невозможно. В конце концов Зюсс в порыве рвения предложил принцу весь свой личный капитал. Так поставил Зюсс накопленный путем самоотверженности и огромного труда за долгие годы капитал на одну единственную карту.

* * *

Не станем здесь описывать появление принца с его свитой при дворе государя Карла VI в Вене и как он проводил время на приемах и балах, устроенных в его честь. Не станем также останавливаться на том, каким был его путь в Белград, где он в течение трех лет служил верой и правдой, защищая австрийские рубежи. А лучше обратимся мы на минуту к событиям в Штутгарте, где вдруг разнеслась печальная весть о кончине Вюртембергского герцога Эбергарда-Людвига, приключившейся на пятьдесят седьмом году его жизни. Вместе с ней разнеслась и другая весть – о том, что в Штутгарте теперь будет новый правитель.

В трактире, что на улице Людвига, сидели за стаканом вина два чиновника и обсуждали последние события.

– Он был неплохим человеком, – говорил один из них, – упокой Г-споди его душу, и если бы не эта ведьма, напасть для всей страны, графиня Гревениц, он мог бы принести своей стране много пользы.

– Почему ты назвал ее ведьмой?

– А ты разве не слышал, как она некоторое время назад пыталась подкупить герцогского слугу, чтобы он добыл ей каплю герцогской крови? Она хотела использовать ее для темного колдовства и навсегда околдовать герцога.

– Если даже она и погрязла столь сильно в суевериях, это еще не значит, что ее потуги ворожить хоть чего-нибудь стоят. Нет, ее колдовство – в ее красоте и уме. И когда красота увяла,

а ум притупился, то пришел конец и ее колдовству.

– Прости, мой друг, но ход событий здесь нельзя назвать естественным. Эбергард-Людвиг был более чем разумным человеком, тем не менее он возвел эту Гревениц в ранг супруги, даже не разведясь со своей законной женой.

– А ты разве не слыхал: герцог утверждал, что поскольку он на своей земле церковный патриарх и наместник Б-га, как папа в Риме, то он имеет право позволить себе двух жен, точно так же, как папа некогда разрешил принцу Эрнсту Гляйхену.

– Что ж, по крайней мере новый герцог не вызывает подобных опасений. Он вообще католик.

– Это правда, но правда и то, что он торжественно поклялся не вмешиваться в дела протестантской церкви. Дай Б-г, чтобы он был более милостивым и успешным правителем. И кто же отправился за герцогом в Белград?

– За ним поехал генерал Ремхинген.

* * *

Да, так оно и было. Немедленно после смерти герцога собрались главы знатнейших семейств и возвестили коронацию принца Карла-Александра – ныне герцога Вюртембергского – вместо покойного герцога. На генерала Ремхингена и законоведа Шефера была возложена обязанность доставить нового герцога с турецких границ.

Карл-Александр, будучи военным до мозга костей, был в Белграде совершенно счастлив. Он заново отстроил крепости, заделав все проломы в стенах, а вследствие напряженности в отношениях с Турцией не было недостатка и в пограничных стычках, что весьма его радовало. Однако его молодая жена была не совсем довольна своей достаточно скучной жизнью в Белграде. Она всей душой тосковала по веселому брисльскому обществу, столь привычному для нее. Армейские офицеры и командиры, верные товарищи принца по оружию не умели развлечь его жену так, как ей было нужно. Эта задача естественным образом легла на плечи Зюсса.

– Если бы не Зюсс, я бы уже давно окончательно умерла от скуки, – говаривала принцесса.

В один прекрасный день супруги отправились на верховую прогулку в сопровождении Зюсса и нескольких офицеров.

– Милый, – обратилась принцесса к мужу, – отчего бы тебе не подать императору прошение об освобождении тебя от этой службы? Я здесь умираю со скуки. Если бы не твой находчивый поставщик, я бы не смогла дотянуть и до сего дня. Но сейчас мое терпение на пределе. Мы уже три года торчим здесь, вдали от цивилизованного общества. Государь сполна воспользовался нашей службой. Он не может требовать от нас, чтоб мы и дальше существовали в столь удушающей атмосфере!

– Ты безусловно права, дорогая. Но мне кажется, что не пристало солдату просить перевода из того места, где он наиболее полезен. Повсюду ныне царит мир, и только здесь, на турецкой границе, происходят частые стычки, поэтому мое место здесь. Но если ты хочешь на какое-то время отправиться в Париж или в Вену... Что ж, но для этого нужны деньги – то, чего мне вечно не хватает.

– А что, нет ли каких новостей из Штутгарта?

– Нет, лишь ходят слухи, что герцог оставил свою страстную мечту породить наследника и находит утешение в объятиях новой пассии – графини Витгенштейн. О, смотри, в нашу сторону едет экипаж с военным эскортом! Что бы это могло быть?

Принц и принцесса остановили лошадей.

– Ты видишь приближающийся экипаж? – спросил принц Зюсса.

– О, это штутгартский экипаж! – воскликнул Зюсс вглядевшись. – Не иначе как моего господина ждут добрые вести!

– Ты думаешь...

– Я думаю, что Эбергард-Людвиг ушел от нас. Еще три дня назад я получил письмо от своего приятеля, в котором сообщалось о его тяжелой болезни.

– И ты скрыл от меня это известие?

– Я не хотел будить в господине напрасных надежд, доколе нет твердой уверенности.

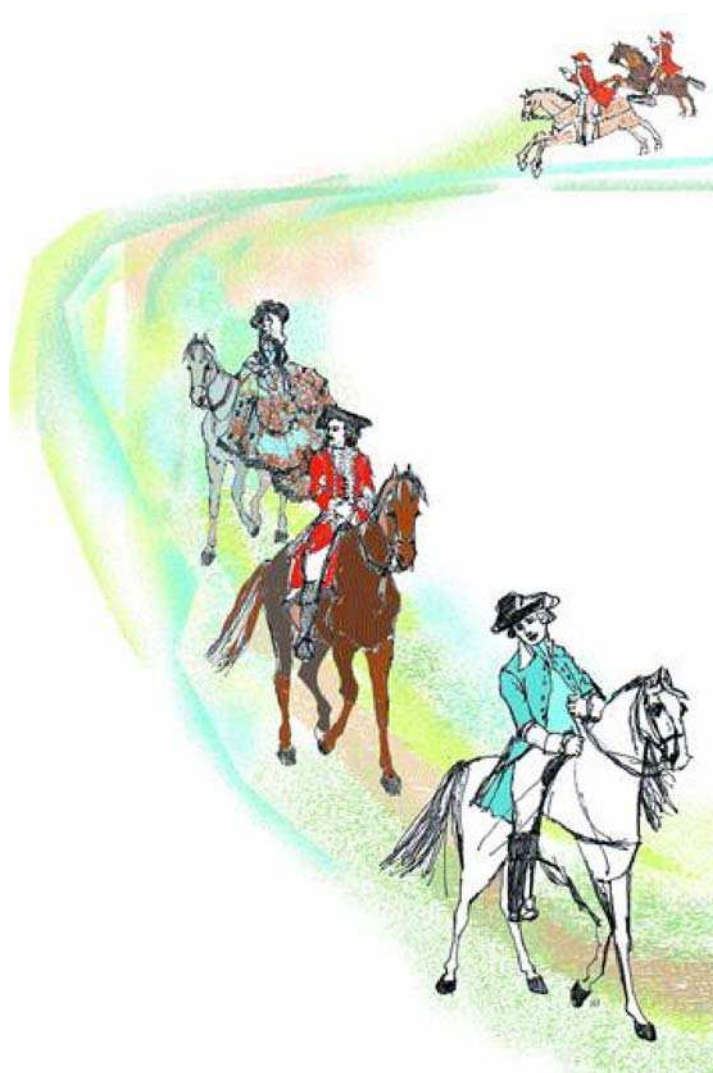
А экипаж тем временем приближался. Как только его пассажиры заметили принца и сопровождающих, они приказали кучеру остановиться. Ремхинген и Шефер резво выпрыгнули из коляски, склонились в глубоком поклоне и торжественно провозгласили:

– Да живет и здравствует Карл-Александр – герцог Вюртембергский!

– Да живет и здравствует Его Высочество, милостивый герцог! – воскликнул Зюсс в волнении. Сопровождавшие офицеры сняли шляпы и склонились в знак глубокого почтения.

Долгое время пребывал Карл Александр в некоем оцепенении, как бы не веря собственным ушам. В конце концов он очнулся и с энтузиазмом воскликнул:

– Генерал Ремхинген! Вы человек, принесший мне добрую весть! В благодарность за это я назначаю вас военным министром!

– А как вас зовут, добрый вестник? – обратился принц к Шеферу.

– Верный слуга Вашего Высочества юридический советник Шефер.

– Назначаю вас председателем палаты общин!

– Премного благодарен, Ваше Высочество, – отвечал Ремхинген. – Его превосходительство господин премьер-министр граф Гревениц...

– Что? – зашипел принц. – Брат этой узурпаторши, которую зовут национальным бедствием? Он до сих пор премьер-министр? Я отстраняю его! Я уже назначил другого на эту должность! Того, кто доньше был моим придворным поставщиком, Зюсса Оппенгеймера. Отныне он будет премьер-министром и главой моего правительства!

Ī ōiāiēaeāi ēā ſēāāōōō

Ī āāiāiā Ŷ. Ī ſāāiāēī ſēīā

ДВЕ АРТЕЛИ

Nai ai xadi ue

В 30-е годы прошлого века, когда только кончился нэп, жизнь религиозных евреев в СССР стала неуклонно ухудшаться, и те, кто никак не хотел порывать с иудаизмом, были вынуждены выказывать свою полную к нему индифферентность.

В результате многие из них были объявлены «лишенцами» и, спасаясь от преследования местных властей, хлынули с разных концов страны

в Москву. Лишь немногие из переселенцев, в основном хасиды Хабада, сохраняли верность традиционному образу жизни. Люди старались затеряться в огромном городе и, чтобы скрыть свое происхождение, нередко шли на любые ухищрения вплоть до перемены имени и фамилии. Впрочем, быстро сообразив, что в большом городе есть не только большие плюсы, но и большие минусы, евреи переселялись в Подмосковье, где над властями довели хозяйственные и экономические проблемы. Вынужденные прежде всего заботиться о выполнении плана, а не об идеологии, они сквозь пальцы смотрели на организованные по национальному признаку ремесленные хасидские артели, где религиозные евреи беспрепятственно могли соблюдать свои традиции, Субботу и праздники.

Большое число хабадников отправлялись подальше от Москвы – более чем за 100 километров, в такие города как Егорьевск, Можайск, Дорохово и другие. В Егорьевске согласно переписи 1939 года проживали 480 евреев, в Можайске – 240.

В самом Можайске наиболее рьяные хасиды не селились, они облюбовали деревню Ямская слобода: туда съехалось 57 семей. В основном это были «социально чуждые элементы»: бывшие раввины и меламеды из городов, дотоле находившихся в черте оседлости, причем довольно молодые – многим в начале 1930-х годов было по 30 – 35 лет. Формально большинство из них состояли в филиале артели «Можайский металлист», но занимались они и другой деятельностью. Арон Цейтлин, например, был ткачом-надомником. Залман Брутман, приехавший из

Белоруссии в 1934 году, организовал в собственном доме синагогу и был там и раввином, и шойхетом. А поскольку квалифицированных шойхетов к тому моменту в Москве почти не осталось, то откошерованное р. Залманом мясо расходилось моментально, принося ему неплохой доход.

Из черты оседлости продолжали тянуться в сторону Москвы евреи. Для них в селе и в Можайске собратья старались организовать несколько кошерных столовых. Чтобы облегчить им жизнь, жители Ямской слободы зачастую прописывали прибывших у себя. Один только вышеупомянутый Брутман прописал в своем доме не менее 10 человек. Как новички, так и уже обосновавшиеся здесь – все старались сохранить традиционный образ жизни. Они организовали подпольный хедер, соблюдали Шабос и праздники и, конечно, в такие дни не пускали в школу детей. Какие бы преимущества ни были на новом месте по сравнению с теми, откуда они приехали, все лелеяли одну мечту – уехать в Палестину. Девять человек даже успели подать заявления с просьбой о разрешении выехать из страны, как тут... Но об этом чуть позже.

Что касается хасидов, обосновавшихся в Егорьевске, то они объединились в артель «Мебельщик» Моспроммебельсоюза. Она была создана в 1932 году обойщиком Н.И.Пинским, происходившим из семьи, давшей Хабаду в минувшем веке нескольких раввинов и духовных учителей. В артели работали М.Футерфас, А.Белецкий, З.Аронов, М.Гольдин, Л.Герцович и другие – всего 17 евреев. Вероятно, артель была прикрытием для ешивы, подобная практика в то время была весьма распространена.

Самым молодым членом артели был родившийся в 1912 году Евель Каган, работавший с июня 1936 года кладовщиком. До Егорьевска ему пришлось немало поездить по стране. Родился он в небольшом белорусском местечке Щедрин, где отец его был раввином. Когда мальчику исполнилось 10 лет, семья была вынуждена перебраться в Невель, там он, по всей вероятности, учился в хедере и в ешиве. В 1931 году в 19 лет Евель Каган отправился в Москву. С этой поры он мог рассчитывать только на себя, тем более вскоре до него дошли вести, что отцу в 1933 году пришлось выехать в Латвию – фактически он был выслан из СССР. В Егорьевск же Евеля, кроме заработка и прочего, привлек слух о существовании еврейской артели во главе с религиозным евреем.

Как сыну «контрреволюционера» Кагану было труднее всех. Ему приходилось держаться иначе, чем другим собратям: например, в субботу было необходимо являться на рабочее место, хотя другие члены артели по субботам и праздникам не работали, даже неевреи. Правда, Евель старался не выполнять запрещенных в этот день еврейским законом работ.

Была в Егорьевске своя подпольная синагога. Она располагалась на квартире у бывшего меламеда Шмуэла Левина. До того как попасть в этот городок, Левин исколесил полстраны. В 1923 году он стал одним из посланцев Ребе Раяца, которые организовывали либо восстанавливали ешивы. В 1924-м в Ростове-на-Дону Левин создает ешиву с 20 учащимися. В 1926-м он перебирается в Невель, который во второй половине 1920-х годов приобретает в Псковской губернии славу еврейского религиозного центра. Видимо, именно там Левин и познакомился с Каганами и еще одним из работавших в артели евреев – Аронштамом, преподававшим в ешиве, созданной Левиным.

Когда в 1929-м в Невеле сотрудники ГПУ начали массовые аресты еврейских активистов, Левину пришлось перебраться в Торопец. Если бы он «залег на дно», возможно, власти оставили бы его в покое, но он свою деятельность продолжал. В 1931 году он посылает в Варшаву письмо своему старому знакомому, с которым не виделся

почти 20 лет, и пишет, что хотел бы работать на благо иудаизма и Ребе, да не может, поскольку находится в большой нужде. Вскоре на его имя пришла открытка с поздравлением от Ребе, а также 5 долларов и полфунта стерлингов в качестве начального капитала. В результате, в то время, когда по всей стране закрывают синагоги, в Торопце у хасидов нелегально появилась своя. Левиным вновь заинтересовалось ГПУ. Когда в 1933 году ему пришел вызов на беседу в эту организацию, он предпочел «уйти по-английски», переехав в белорусский город Климовичи. Однако и здесь он задержался недолго, поскольку организованная им с помощью еще одного перевода в 5 долларов синагога также привлекла пристальное внимание «органов», и в 1935 году Левин снова совершил переезд – так он оказался в Егорьевске.

Большой террор 1936 – 1939 годов, естественно, не обошел стороной Хабад. Внимание «органов» к общине в Ямской слободе привлекло следующее обстоятельство. В мае 1937-го из-за того, что убыточная артель была перепрофилирована, распался ее филиал «Можайский металлист». Руководство артели, которому подобная ситуация грозила обвинениями во вредительстве, не нашло ничего лучше, как свалить вину на религиозных евреев – на кого же еще?! Так бывший климовичский раввин р. З. Певзнер и его коллега из украинского городка Кролевец р. З. Хургин были обвинены в том, что якобы демонстративно вышли из состава артели и призвали к этому других, и это привело к ее развалу. Обвинение обернулось арестом, и 8 человек оказались в Можайской тюрьме: 20 сентября 1937 года – Цейтлин, Брутман и некий Х. Абрамов, а остальные – 10 октября.

Самого старшего из обвиняемых, 57-летнего Меера Шнеера, прибывшего в Подмоскowie из Климовичей в 1936 году, обвинили в «чуждом социальном происхождении», в связи с заграницей, припомнили ему и сына, в тот момент отбывавшего срок за приверженность сионизму в суздальской тюрьме. Брутмана обвиняли главным образом в нарушении советского законодательства об отделении церкви от государства. Он пытался защищаться, объяснял, что советские законы в этой области хорошо знает, а не регистрировалась их община потому, что прокурор Можайского района будто бы сказал их представителю, что объединение до 20 человек считается только религиозной группой, а не общиной, и потому они могут молиться без всякого письменного разрешения. Дети же не ходили в школу, поскольку сами не хотели... Словом, быстрым натиском добиться у Брутмана признания вины не удалось. И все же невежественный следователь (времена, когда следствие вели специалисты из «секретного отдела» ГПУ давно прошли, и сейчас этим делом занимался местный техник-лейтенант) взял реванш, определив «фарбрэнген» как «антисоветское сборище».

Обвиняемые стойко отрицали все возводимые на них поклепы, единодушно уверяя следователя в том, что никакой антисоветской организации не было и молитвы «Дал бы Б-г нам вырваться из беды, которую создала Советская власть» тоже никто не читал. Единственное, что все признавали, – это намерение выехать в Палестину, поскольку не видели в том ничего предосудительного (широкое применение статей уголовного кодекса об измене Родине путем выезда за рубеж было еще впереди). Однако упорство обвиняемых не помешало технику-лейтенанту Шейкину в рекордно короткие сроки (к 15 октября 1937-го) подготовить обвинительное заключение. Не исключено, что некоторых обвиняемых он так и не успел допросить.

Обвинение было стандартным – создание антисоветской группировки со связями в Москве и Биробиджане, разжигание национальной вражды (под этим подразумевалось якобы имевшее место требование не принимать в артель русских), выезд в Палестину, агитация за развал артели. Для придания большей весомости обвинительному заключению оно было дополнено состряпанными на скорую руку уже в

ноябре справками сельсовета Ямской слободы, характеризующими обвиняемых буквально как исчадий ада. Итак, 20 декабря того же года «тройка» УНКВД приговорила всех обвиняемых, не дав им даже ознакомиться с делом, к 8 годам исправительно-трудовых лагерей.

Вернувшиеся в родные места по отбытии срока наказания вряд ли смогли там найти что-то привлекательное для обустройства жизни. Община в Ямской слободе уже вскоре после ареста восьмерых товарищей начала клониться к упадку, а Великая Отечественная война, Холокост довершили дело. Те же из этой восьмерки, кому удалось дожить до эпохи реабилитации, добились, чтобы в сентябре 1959 года их дело было пересмотрено. В заключении, написанном капитаном КГБ Егоровым, занимавшимся пересмотром дела, было отмечено, что, хотя часть свидетелей называла Цейтлина и Брутмана организаторами нелегальной секты, об антисоветских собраниях они рассказывали весьма неконкретно. При этом некоторые свидетели, давшие в свое время показания против арестованных, теперь утверждали, что их показания следователь записывал неверно. А бывший в 1937-м председателем сельсовета рассказал, что справки-характеристики обвиняемых были подготовлены по требованию НКВД и фактически под диктовку следователя.

Конечно, осенью 1937 года из религиозного еврейства пострадали не только 8 жителей Можайской области. Под репрессии попала вся верхушка московской еврейской общины – главный раввин Москвы Медалье и правление общины (обвинены в организации «еврейско-фашистского шпионского центра»), а также кантор синагоги на Б. Бронной М. Гутенбергер (см. «Лехаим», № 4 [120]). Все они были расстреляны в 1937-1938 годах.

Теперь внимание следователей НКВД обратилось на егорьевскую общину хасидов. Первым – 26 августа 1938 года – был арестован и помещен в Таганскую тюрьму Шмуэл Левин, на следующий день – Пинский.

57-летнему председателю артели вменили в вину участие в нелегальной хасидской организации, «ведущей активную фашистскую агитацию». 28-го числа то же произошло и с Евелем Каганом. Среди прочего его обвиняли в связях с отцом-«контрреволюционером». Отвечая на это обвинение, Каган несколько раз специально подчеркнул, что переписывался с отцом исключительно как с родственником.

Последним 2 сентября арестовали 60-летнего Израиля Аронштама. Среди основных пунктов его обвинения фигурировала «контрреволюционная агитация с целью развала трудовой дисциплины» – так было определено стремление соблюдать Шабос.

Поскольку избиение подследственных, или, как это тогда именовалось, «специальные меры воздействия», были официально разрешены, следователю – старшему лейтенанту госбезопасности Заборову удавалось добиваться от некоторых даже особо строптивых хасидов всяческих «признаний». Затем усердный лейтенант куда-то исчез (возможно, последовал за своими жертвами), и данное дело заканчивал уже некий сержант Беляев. От Н. Пинского он довольно скоро добился нужных показаний, после чего началась фабрикация очередного громкого дела об организации заговорщиков. Поскольку Пинский был знаком с выехавшим в 1933 году из СССР раввином Московской хоральной синагоги Я. Клемесом, ближайшим сподвижником шестого Любавичского Ребе, следователь немедленно превратил это знакомство в акт вербовки Пинского в шпионскую организацию, «созданную по заданию Шнеерсона». Главная задача «заговорщиков», как всегда выходило в подобных случаях, была грандиозной –

егорьевские хасиды вкупе с заговорщиками из других городов собирались ни много ни мало, свергнуть советскую власть и восстанавливать буржуазную демократию и капиталистические отношения, готовя для этого кадры в мебельной артели. Гешефт же самих хасидов, по мысли следователя, состоял в возможности «создать отдельное еврейское буржуазно-националистическое государство». Для всего этого якобы и была создана организация с руководящим центром в Москве (что центром может быть иной город, следователям в голову не приходило) и филиалами в Ленинграде, Киеве и других городах Украины, а также Белоруссии. Путем создания нелегальных ешив и молитвенных домов, эта организация подготавливала «контрреволюционные клерикальные кадры для активного использования в военное время» и «проводила контрреволюционную пораженческую агитацию»... Интересно, что все эти формулировки одна к одной были списаны с тех, которые предъявлялись евреям в качестве обвинений в годы первой мировой войны черносотенными кругами. Там, правда, еще фигурировали и аэропланы с золотом, будто бы отсылавшиеся немцам, но, очевидно, после массового изъятия у населения благородных металлов подобные обвинения вовсе утратили актуальность.

И все же широко раздуть «заговор» не удалось: выяснилось, что Пинский не может назвать никого из возможных «главарей» за исключением выехавшего Клемеса и некоего Майзуса, до которого следствие также не могло добраться. А кроме того, арестованные, дружно признававшиеся в контрреволюционной (или как тогда писали для экономии места: «к-р») деятельности, тут же начинали все начисто отрицать, когда речь заходила о шпионаже – конечно же, они были осведомлены о том, что обвинение в шпионаже обычно означало расстрел.

Следователь попытался было связать дело артели с разгромленным незадолго до того отделением «Агроджойнта в СССР», но тут выяснилось, что Егорьевск по этой линии не финансировался. Оставалось одно направление – сионистский заговор в Мосмебельсоюзе. Пинского принудили оговорить председателя этой организации Трона и его заместителя по снабжению Радченко, однако по какой-то причине и эта линия не получила дальнейшего развития. Может быть, свою роль сыграла смена следователя, а также и то, что в конце 1938-го маховик террора начал ненадолго затихать.

Как бы то ни было, но 22 февраля 1939 года обвинительное заключение против четверых арестованных было готово: то была обычная клевета с «проповедью палестинизма» и «антисоветской агитацией», с «созданием нелегальной организации» и «вербовкой новых членов»... Клевета обычная, но весьма опасная для оклеветанных. Однако, егорьевским хасидам несказанно повезло. В тот момент, когда их дела уже должны были отправиться в суд, в «органы» пришел Берия. Он затеял там массовую чистку и, чтобы сразу добиться популярности, организовал ограниченную амнистию. Так что 21 сентября 1939 года помощник прокурора по спецделам Подколезин вынес следующее заключение: «Обвинение построено на показаниях обвиняемых на первых допросах и на показаниях двух свидетелей. Передопрошенные свидетели Гвоздева и Райков фактов к-р деятельности не подтвердили и заявили, что их показания были добыты под воздействием. Поэтому, руководствуясь п. 4 и 5 ст. 204 УПК, следственное дело прекратить и обвиняемых из-под стражи освободить». Казалось бы, справедливость восторжествовала, но... На обороте заключения была сделана следующая надпись: «24.03.1950 капитан Авдания из МГБ выслано дело в связи с решением вопроса об аресте упоминаемых Пинским лиц», – репрессии продолжались. Конечно, вряд ли кто-либо из вышеназванных все еще жил на прежнем месте. Тем не менее было очевидно, что государственный Молох не собирается отказываться от жертв.

Многие хасиды из Москвы и Подмосковья в Великую Отечественную войну эвакуировались в Среднюю Азию, а оттуда в 1946 году с репатрируемыми польскими евреями пытались выехать за рубеж.

Èëëpñò ðààöëý Ñ. Pãîâëíà

КАЗУС ФИЛИПА РОТА

Остальное – нецензурно

Тридцать три года назад, когда роман «Случай Портного» вышел в Америке, шокировав критику и провоцируя скандал, эхо которого не замолкало еще целое десятилетие, о русском переводе не могло быть и речи. Какие бы чувства – от восторга до отвращения – ни пробуждала в каких-то отношениях очень яркая книга молодого в ту пору прозаика Филипа Рота, понятно, что по своей проблематике она от начала и до конца еврейская, а других мотивировок для запрета у нас тогда не требовалось. К тому же тут была еще одна, дополнительная причина: предельный, побивающий все рекорды эротизм ключевых эпизодов, многие сцены, не только избилующие подробностями самого откровенного свойства, но и написанные с щедрым добавлением слов, в то время еще считавшихся «неудобными для печати». Книга тут же попала в спецхран, ее отказывались принимать в букинистических магазинах (я ее приобрел из-под полы на знаменитой книжной толкучке рядом с памятником Ивану Федорову). На отважившегося порекомендовать ее издателям посмотрели бы как на сумасшедшего.

Однако времена меняются, и вот выходит уже вторая русская версия «Портного», выпущенная питерским «Лимбус пресс», издательством, особенно расположенным к провокативным текстам очень разного уровня и качества. В не слишком грамотно составленной аннотации читателю обещают «эротический роман... о сексуальных приключениях молодого человека», заманивая публику, для которой «Спид-инфо» и аналогичная печатная продукция с откровенным привкусом порнографии составляет основную, если не единственную «культурную» пищу. Рисунок на обложке вполне бы подошел и для какого-нибудь изделия, за которыми ценители подобных блаженств ходят в магазины «Интим», а заборная лексика мелькает чуть не на каждой странице и для полноты впечатления даже вынесена в заглавие самой большой главы. Скучать не придется – конечно, при условии, что обозначения гениталий и смачные описания действий, за которыми не принято подглядывать, способны для кого-то оставаться занимательными вопреки своему тоскливому однообразию.

Перевод С.Коровина назван в аннотации – к чему скромничать? – «блестящим». Местами он действительно неплох, довольно изобретателен, даже остроумен. Но все эти достоинства погублены одним, зато непоправимым просчетом: старанием при малейшей

возможности усовершенствовать Рота каламбурами и скабрзностями, несущими на себе, как какая-нибудь «милка-сексапилка», выразительные следы советского новояза. Читавшие «Случай Портного» в оригинале помнят, что там даже непристойности по своему изящны или, по меньшей мере, смешны. В русской версии – это непристойности, и только. Герой в этой версии разговаривает со своими дамами и с психоаналитиком, которому, собственно, и предназначена его исповедь, шершавым языком подростков, толкущихся в подворотне на Лиговке, или бомжей, спящих на скамейке привокзального сквера.

Сложно поверить, что этот герой окончил университет, сделал впечатляющую карьеру на телевидении, а потом в нью-йоркской комиссии по правам человека, где он занимает второй по важности пост. Что он способен, не заглядывая в книжку, цитировать стихи Йетса, усердно читает Фрейда и может вести с венским мудрецом серьезный спор относительно трактовки судьбы Эдипа.

В эпоху инфляции переводов и ужасающего падения их качества подобное переложение воспринимается как знак времени, которое санкционировало не просто небрежность и неумелость, а такую безответственность и безалаберность в отношении оригинала, что вспоминается старая идиома «неглиже с отвагой». И когда столь отважно переводится текст виртуозный, дразнящий, изначально обреченный как на грандиозный успех, так и на яростное неприятие, результат – что первый, что второй «Портной» по-русски тому свидетельством – оказывается катастрофическим. Дело не в том, что вариант С.Коровина стилистически несостоятелен или скверно читается. Напротив, выбранная для него стилистика последовательно выдержана, а читать книжку, во всяком случае, неутомительно. Однако этот вариант имеет лишь отдаленное и приблизительное сходство с книгой, написанной Ротом. Потому что Рот создал произведение фарсовое, местами грубое, с очевидностью эпатажное, но, если вдуматься, драматическое и даже печальное при всем буйстве комизма и пиршествах гротеска. А по-русски вышло именно повествование «о сексуальных приключениях», ни о чем больше.

Сексуальных приключений тут и правда с избытком, поскольку для героя эта сфера существования обладает явно гипертрофированным значением. Папа Портной отчасти прав, упрекая своего не желающего взрослеть отпрыска в том, что у него на уме одни шиксы, хотя давно пора бы обзавестись добродетельной женой да парой славных еврейских ребятишек. Но как раз такая перспектива представляется герою ужаснее всего на свете. Заводя одну подружку за другой, пускаясь в оргии, смакуя мимолетные наслаждения, он, в сущности, не столько ублажает свою сверх меры чувственную натуру, сколько старается отсрочить тот неотвратимый миг, когда все-таки предстоит подчиниться заведенному порядку вещей, сделавшись таким же житейски благополучным обывателем, как сотни и тысячи других, смолоду перебесившихся, а теперь возглавляющих ризлторские конторы или ведущих прибыльную торговлю медицинским оборудованием.

По необъяснимому капризу природы в семействе бесцветного страхового агента, чьи мечты не шли дальше внеочередного служебного повышения, родился бунтарь и циник, обманувший ожидания родителей, которые так гордились его школьными пятерками и на всех углах трубили, что у них растет второй Эйнштейн. Причем Портной бунтует не против социальных несправедливостей или экзистенциальных несовершенств: радикальные настроения его студенческих лет оказались просто поветрием. Бунтует он против предназначенной ему участи состоятельного американского еврея, который добьется видного положения в обществе, станет главой образцового семейства и будет

неукоснительно следовать правилам жизни, которые в такой среде считаются установленными навеки, не подлежащими никакой корректировке.

С этими правилами Портной слишком хорошо познакомился еще в пору раннего детства, когда, сидя на коленях своего замученного запорами папаши, внимал урокам житейской мудрости: не будь тупицей, учись все просчитывать и из всего извлекать свою выгоду, ведь тебе предстоит существовать в мире гоев, а они так и норовят всячески унижить и обидеть избранный народ. Усвой раз и навсегда: все гойское плохое, все еврейское – хорошее, потому что еврейское – это всегда правильное, идет ли речь о нормах морали или о том, что обедать за одним столом со шварцей, которая убирает квартиру, значит не уважать себя. Стоило ему отказаться от милчикс и флешикс (так переводчик обозначает милхик и флейшик, – разделение на мясную и молочную кухню. – Прим. ред.) ради чипсов, как миссис Портной, уверенно лидировавшая в конкурсе на звание самой самоотверженной еврейской матери, принималась кричать о мракобесии и самоуправстве, и все детство Портного прошло под нескончаемые вопли: «Не делай этого! Не совершай того! Стой, только не это! Я тебе запрещаю!» Не смей есть гамбургеры, их готовят из всякой дряни! Не смей спускать воду в унитазе, мама должна изучить твои экскременты!

«Еврейский мальчик из анекдота, захлебывающийся в соплях родительской опеки», Портной не желает оставаться таким мальчиком всю жизнь. Не желает до того сильно, что готов – по крайней мере, так ему кажется – с радостью отречься от своего еврейского происхождения, только бы его перестали мучать разговорами про ужасы, ожидающие всякого, кто отказывается посещать синагогу, и напоминаниями о трагической истории израильского народа. В приступе бешества юный Александр Портной рекомендует этому народу «засунуть свои страдания в свою многострадальную задницу». Стоит ли удивляться, что самые нетерпимые из критиков Рота, прочитав в романе два-три пассажа в таком духе, обрушились на него с обвинениями в патологическом антисемитизме?

Внешне для этих выпадов были достаточные основания, но одно упускалось из виду: все подобные кощунства исходят не от автора, а от героя, постоянно пребывающего в состоянии экзальтации, для которой у Портного сразу находятся причины, как только он вспоминает о своем воспитании. И было явной передержкой утверждать, будто не персонаж, а сам писатель, потеряв над собой контроль, уступает собственным фантазиям и фиксациям самого чудовищного свойства, вплоть до оправдания нацистов, которые, доведись им провести неделю-другую в каком-нибудь типовом семействе из еврейских кварталов Ньюарка, нашли бы сильный аргумент в пользу геноцида.

Рот, сам выросший в Ньюарке, в той же социальной среде, не отрицал, что история Портного отчасти навеяна впечатлениями его собственного детства, однако только очень прямолинейные и тенденциозные критики могли воспринять «Случай Портного» как казус самого Рота, толкуя книгу как авторскую исповедь. В действительности она представляет собой только попытку описать определенный тип сознания с его ясно проявленными национальными особенностями, с его комплексами, неврозами, obsessions. Они возникли на одной и той же почве – на страхе перед регламентацией и принуждением, которые черпают для себя оправдание в слепой убежденности, что родившийся евреем должен оставаться, причем во всем, всегда, неизменно, евреем, истребив в себе поползновения быть прежде всего личностью. Портной, зная этот страх с младых ногтей, как раз и пробует его в себе изжить, выбрав путь рискованный и в общем тупиковый. Он ставит себе целью последовательно нарушать вбитые ему в голову запреты и табу и нарушает их, главным образом, там, где

их действие всего сильнее – в сфере эроса. Вот отчего его жизнь становится нескончаемой выматывающей погоней за сексуальными радостями извращенного характера. А в итоге приходит ощущение полной опустошенности. И не только физической.

В финальном эпизоде, когда, очутившись на земле обетованной, он все-таки постигает ту очевидную истину, что невозможно освободиться от своей причастности еврейству, встреча с некой Наоми, истинной саброй, которая живет в кибуце и не знает сомнений относительно своего призвания, оказывается для героя катастрофой без всяких оговорок. Портной в этой сцене просто жалок и не только из-за своей неожиданно обнаружившейся мужской недееспособности. Он жалок из-за того, что вся его жизнь, по собственному признанию, обернулась какой-то абсурдной мелодрамой, а герой этой мелодрамы вполне заслужил от той, кого счел своей спасительницей, краткую и выразительную характеристику: «Свинья».

Наоми, впрочем, находит для него и какое-то утешение: в конце концов, он не так уж и виноват, просто в нем воплотились родовые черты типа, порожденного специфичностью «культуры диаспоры» да и всего еврейского самосознания, «испуганного, защищающегося, осуждающего себя, одинокого и разрушенного жизнью в языческом мире». Все это сформулировано ею с чрезмерной патетичностью, с чересчур жесткой прямоотой, но в целом взгляд Рота на своего персонажа примерно тот же самый. И как раз умение передать скрытые, но очень глубокие травмы этого самосознания сделало «Случай Портного» литературным событием, не оцененным по справедливости, хотя трудно назвать другую книгу еврейского автора, которая вызвала бы такой шумный, такой эмоциональный резонанс.

Он распознается даже по сей день, заставляя критику с настороженностью встречать каждое новое произведение Рота, опасаясь, что это будет новая версия все того же опасного сюжета. Эти опасения не так уж беспочвенны: казус Филипа Рота заключается, конечно, не в том, что он еврей-антисемит, каким его изображают недоброжелатели, кичащиеся своей национальной ортодоксальностью, а в его замороженности одним и тем же человеческим типом, воплощенным в Портном намного отчетливее, чем в других персонажах этого писателя, и одной и той же болезненной проблематикой, которая сделала этот тип достаточно узнаваемым. Для творчества Рота эта проблематика давно стала своего рода фирменным знаком, и в итоге его диапазон оказался куда более узким, чем обещало незаурядное дарование, раскрывшееся еще в книгах, которые им написаны до «Портного». Долгие годы Рот пытается поставить, наконец, точку в запутанной истории своих отношений со взрастившей его средой и с той культурой, которую так сурово осуждала воинственно настроенная девушка из кибуца. И долгие годы это у него не получается: должно быть, по той причине, что такие узлы никому еще не удавалось разрубить ударом сплеча.

Àéàéñé Çááðáá

ГОСТИНИЦА «МИРАЖ»

Многое покажется узнаваемым в последней книге Ремарка «Земля обетованная», блистательно переведенной Михаилом Рудницким (издательство «Вагриус»). Культовый автор для поколения 60-х годов, этот немецкий прозаик затем был надолго отодвинут в тень другими, более модными и престижными западными писателями и даже стал восприниматься как фигура далеко не первого ряда, – но только не теми, кто на всю жизнь запомнил потрясение, каким в юности стали «Три товарища», «Триумфальная арка» и «Черный обелиск». Сорок лет назад, когда проржавевший «железный занавес» неуверенно, с остановками, но все-таки пополз вверх, Ремарк оказался едва ли не первым современным художником, чьи

произведения дали нам почувствовать, что каждый проживает свою жизнь по-своему и все нравственные проблемы должен решать «в одиночку», постоянно сознавая собственную трагическую зависимость от немилосердной истории, которой можно противопоставить лишь твердую приверженность простейшим, но самым главным заветам гуманности и добра. Он писал о людях, прошедших через испытания и катастрофы, сломившие очень многих, но не его героев: они не поддаются ни массовым психозам, ни чувству обреченности, а значит, безответственности. И даже в ситуациях, когда весь мир словно обезумел, следуют правилу, установленному раз и навсегда: «Тот, кто остается верен себе, не ошибается».

Это правило, стоящие за ним верования и настроения постоянно о себе напоминают и на страницах «Земли обетованной», книги, которая не была завершена Ремарком и пролежала в его архиве почти тридцать лет, пока четыре года назад ее не выпустили в Германии, где она сразу стала сенсацией. Спасаясь от облав на евреев и эмигрантов, которые нацисты устраивали в порабощенной Франции, несколько персонажей этого романа, которым как-то выпало провести тревожную ночь в курятнике на окраине городка Лана, выработали там «Ланский катехизис», где есть и такой пункт: «Не жди сострадания. Никогда». Остальные пункты этого катехизиса сформулированы с той же горькой прямоотой. Они говорят о том, что век сделал самым необходимым и востребованным искусство выживания, но не ценой трусости и предательства. А чтобы выжить, нужно покончить со всеми либеральными иллюзиями и упованиями на будущее, которое избавит мир от агрессивной ксенофобии и от лагерей смерти, снова сделав приоритетными вечные ценности духа, поскольку фашизм – это лишь временное и непостижимое помрачение умов, какая-то загадочная болезнь, вдруг поразившая в общем-то здоровый организм высококультурной немецкой нации.

Летом 1944 года, когда происходят события в романе, для таких упований вроде бы появились реальные стимулы, поскольку стало понятно, что нацистский режим и правда доживает свои последние месяцы. Столько раз встречавшиеся лицом к лицу со смертью на своем «страстном пути» беженцев через Пиринеи, через Атлантику, по которой шныряют немецкие подлодки, и через карантин на острове Эллис, откуда уже ясно виден спасительный американский берег, герои Ремарка, с трудом в это веря, читают в нью-йоркских газетах о покушении офицеров вермахта на своего фюрера, а потом об освобождении Парижа и успехах союзников, приблизившихся к границам Германии.

Перспектива возвращения становится реальной. Но ликования она не вызывает. Слишком многим уже не вернуться никуда и никогда. А уцелевшие думают о том, что там, среди немцев, которые, конечно, примутся кричать про свое неведение и невинность, «мы все никому не нужны. Мы будем только живым укором, от которого каждый хочет избавиться».

«Мы» – это постояльцы и гости обшарпанной гостиницы на задворках Манхэттена, ставшей приютом для тех любимчиков судьбы, которым все-таки удалось бежать из лагерей или обмануть бдительность гестапо, с чужими паспортами скитаясь по гибнущей Европе, и потом хитростью, а чаще за взятку проникнуть на грузовое судно, держащее курс к Нью-Йорку. Гостиница называется «Мираж», ее содержит старый русский эмигрант, которому ничего не надо объяснять, потому что нелегкая участь беженца известна ему досконально. И он уверенно предсказывает, что все это постепенно сгладится, развеется по ветру: невыносимые воспоминания о прошлом, обжигающая обида на старую родину, которая превратилась в повседневный кошмар, и страстные мечты об отмщении, и пустые упования на справедливость, которая обязана рано или поздно восторжествовать. Все это только фантомы и миражи, провоцируемые еще не изгладившейся наивной верой, будто в мире когда-нибудь вправду появится нечто разумное и морально истинное.

Но такая вера давно кончилась у Людвиг Зоммера, главного героя Ремарка. Даже имя, под которым он живет, ненастоящее: оно принадлежало немецкому еврей-антиквару, бежавшему в Париж и там умершему накануне прихода оккупантов. По документам Зоммер теперь еврей, что совсем не облегчило ему жизнь в Америке, где антисемитизм, как он убедился, укоренен столь же прочно, как на родине, ставшей мачехой, хотя не принимает настолько бесчеловечных форм. В Германии Зоммера преследовали не по расовым законам, а по причинам политического характера, однако существенной разницы не было: тот же лагерь, откуда его, проявив неслыханную изобретательность и дерзость, вызволил еврей Роберт Хирш, та же на всю жизнь запомнившаяся ночь в курятнике, где написали катехизис, тот же карантин на острове Эллис, а потом бесприютность и унижения, ставшие будничными. И Зоммер естественно ощущает себя не просто близким, а, по существу, принадлежащим этносу, который узнал, какова доля лишенных своей земли, бесконечно давно, еще в незапамятные дни вавилонского пленения: «Они самые древние эмигранты на свете. Но как раз поэтому они и тоскуют по родине. Своей родины у них нет, вот они и ищут ее повсюду на свете, как одержимые».

Для самого Ремарка, выходца из бюргерской семьи с далекими французскими корнями и питомца католической семинарии, в которой он окончательно уверился, что на всю жизнь останется атеистом, сознание своей духовной родственности еврейству было одним из основных начал творчества, особенно в последний период. Из Германии его вынудили уехать сразу после победы нацизма, его вилла в Порто-Ронко стала временным убежищем для тех немецких авторов, которых рейх изгнал из-за неподобающего происхождения, а нейтральная Швейцария приняла без всякого восторга, стараясь не провоцировать недовольство могущественного соседа. В саду этой виллы подосланными гестапо специалистами по таким делам был убит журналист Феликс Мендельсон (видимо, его ошибочно приняли за хозяина). Ремарку угрожали, потом попытались заманить его в Германию, суля неслыханные почести, если он вернется. Ответ был предсказуемым: «Ни за что на свете... Нет, я не еврей. Но евреи в Германии, вопреки распространенному мнению, были самыми истовыми патриотами».

Об этом патриотизме, вознагражденном депортациями в Освенцим, со стыдом за себя вспоминают персонажи «Земли обетованной». И не находят ему оправдания, хотя оно лежит на поверхности: им ли не знать, что бездомность непереносима как бы к ней ни приучали чудовищные обстоятельства реальной истории. Прожив вдали от Германии без малого сорок лет, многое в своей стране ненавидя, но никогда от нее не отрекаясь, Ремарк знал это чувство как мало кто другой из его немецких современников. В его представлении евреи воплощали эмигрантскую судьбу, которая стала до какой-то степени универсальной во времена, когда бегство со всеми его страданиями и ужасами сделалось уже не выбором, а неизбежностью для очень многих, но для евреев – прежде всего.

Собственно, об универсальности такой судьбы и написан последний роман Ремарка. Здесь, как и в прежних его книгах, перед читателем разворачивается история одиночества и поэтичной, но обреченной любви, только этот знакомый сюжет приобретает очень необычную аранжировку, потому что он окрашен постоянными размышлениями о еврейской участи, воспринятой как удел всех, кто сохранил человечность в бесчеловечное время.

Это страшный удел: безнадежность, хотя «надежда умирает тяжелее, чем сам человек», и вечный страх – «перед жизнью, перед будущим, перед самим страхом». Часто его не выдерживают, и тогда исход катастрофичен. В гостинице «Мираж» Зоммер занимает комнату, где прежде жил еврей, спасшийся от нацистов, но не от собственных душевных мук: он без видимого повода покончил с собой. Подобные истории прекрасно известны любому постояльцу «Миража», слишком часто они происходили и на «страстном пути» изгнанничества, и потом, в относительно спокойной нью-йоркской гавани. «Повседневного обывательского мужества» им не занимать – жизнь давно к нему приучила. Но тщетны попытки «забыть, чтобы ничто не нарушало уюта». Или принудить себя к беспамятству, чтобы не снился лагерный врач по прозвищу Хохотунчик, который, заливаясь смехом, избивал плеткой своих пациентов, случалось, и умиравших прямо в его кабинете от этого лечения, названного им самым эффективным. Чтобы не стоял перед глазами патруль, явившийся арестовать больную раком госпожу Розенталь, собравшую последние силы и жестом предупредившую мужа: «Беги!»

Богач Танненбаум, который многим, включая Зоммера, помог, предоставив требуемые законом финансовые гарантии и облегчая получение визы, воспользуется возможностью переменить фамилию, когда дадут американское гражданство, и станет именоваться Смитом. Это, видимо, наиболее простой способ выстроить преграду между собой и собственным прошлым, где только ужасы и утраты, но он и наименее эффективен. Зоммера, когда он, пропущенный наконец в Нью-Йорк, бредет незнакомыми улицами к «Миражу», преследует пока еще непривычное чувство: «Я, будто лазутчик, крадусь меж двух миров, не принадлежа ни одному из них»: ни тому, из которого вырвался, чтобы уже никогда не возвращаться, ни этому «пьянящему дурману свободы» среди витрин, кричащих о благоденствии, о жизни, что разворачивается пышным веером, но для него остается непостижимой и чужой. Это чувство – типичное чувство тех, кто в Америке отнесен к категории «враждебных чужестранцев», Зоммер даже не попытается преодолеть, и название своей гостиницы он, подобно всем в ней живущим, будет воспринимать как необыкновенно точное, если нужно выразить суть эмигрантского существования. «Неужто не все во мне пересохло и вымерло, – думает он, разглядывая игральные автоматы в магазинах и вслушиваясь в гомон беспечной толпы, – неужто от ужасов выживания можно вернуться просто к проживанию и даже к жизни? Разве бывает такое – чтобы все начать с начала? Разве можно проделать это, не совершив предательства и вторично, теперь уже забвением, не убивая тех, кого однажды уже убили?».

Ремарк не закончил свою книгу о земле обетованной, которая для его героев оказалась чужой, эмоционально стерильной землей. Сохранились наметки дальнейшего развития действия: война закончена, Зоммер все-таки едет в Германию, но с единственной целью – разыскать и покарать того, кто донес на его отца, убитого в застенке. Находит и не может выстрелить, увидев, что перед ним жалкая развалина в инвалидной коляске. Ненавидит себя за слабодушие, за неистребимую человечность, которая в этих обстоятельствах кажется ему преступной. Размышляет, не вернуться ли в Нью-Йорк, к которому его, впрочем, уже ничто не привязывает. В одном из вариантов – кончает с собой, потому что не в силах жить, зная, что душа умерла и никогда ему не переступить через прошлое, но никогда с ним и не примириться.

Бессмысленно гадать, какое завершение было бы в итоге выбрано. По существу, роман заканчивается задолго до последних эпизодов, написанных Ремарком, заканчивается спором Зоммера и Хирша о том, чему учит опыт бегства. И Хиршу, духовному потомку непримиримых маккавеев, столько раз прямолинейно, жестоко отзывавшемуся о евреях, которым не достало мужества противодействовать нацистскому геноциду, Ремарк, часто иронизирующий над его немудреной философией бытия, отдал слова, всего полнее выражающие авторское понимание сути и смысла жизни в «эпоху страха». Требовать отчаянной смелости никто не вправе, однако от каждого можно и нужно требовать, чтобы, вопреки любым обстоятельствам, была сохранена «подспудная дрожь земли, жизни, сердца. Тот, кто спасся, не смеет забывать о ней, не смеет хоронить ее под трясинной мешанкой! Это дрожь спасенного тела, танец спасенного существа, с влагой в глазах заново открывающего все вокруг ... мысль, что ты не умер, ты ускользнул, спасся, не подох в концлагере и не задохнулся в свинцовых объятьях удавки».

Как знать, не окажется ли эта дрожь единственной надежной поручкой, что жизнь действительно неистребима.

Àëàëñé Çàíðàà

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИЮНЯ

3 ИЮНЯ

15 лет со дня смерти боксера, чемпиона мира 1929, 1930, 1932, 1933 годов среди профессионалов в полусреднем весе, чемпиона в полулегком весе Олимпийских игр 1924 года (самого молодого американца – обладателя олимпийской медали) **Джекки Филдса** (наст. имя и фамилия Яков Финкельштейн; 1908, Чикаго – 1987, Лас-Вегас).

6 ИЮНЯ

50 лет со дня рождения скрипача, дирижера, народного артиста России, главного дирижера и художественного руководителя Загребского филармонического оркестра, Московского государственного симфонического оркестра России **Павла Леонидовича Когана** (р. 1952, Москва).

12 ИЮНЯ

20 лет со дня смерти балерины, педагога, одного из создателей английского балета, основательницы первой постоянной английской балетной труппы «Балле Рамбер», кавалера ордена Британской империи **Мари Рамбер** (наст. имя и фамилия Мириам Рамберг; 1888, Варшава – 1982, Лондон).

55 лет со дня рождения продюсера, директора Ленинградского драматического театра им. В.Ф. Комиссаржевской, Государственного театра миниатюр под руководством А.И. Райкина (с 1987 года — «Сатирикон»),

Оперной школы Г.П. Вишневецкой, импресарио М.Л. Ростроповича, организатора и директора Российского театрального агентства, организатора и доцента первого в России продюсерского курса Российской академии театрального искусства (б. ГИТИС) **Давида Яковлевича Смелянского** (р. 1947, Одесса).

14 ИЮНЯ

105 лет со дня рождения алмазного магната, основателя (совм. с братом Генри) алмазодобывающей компании «Барнато», слившейся в 1888 году с «Де Бирс», **Барни (Барнетта Айзекса) Барнато** (1852, Лондон – 1897, выбросился за борт океанского судна, следовавшего в Англию).

16 ИЮНЯ

85 лет со дня рождения издательницы, владелицы и президента компании «Вашингтон пост» **Кэтрин Грэхем** (р.1917, Нью-Йорк).

23 ИЮНЯ

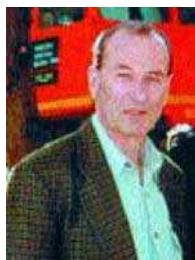
110 лет со дня рождения бегуна, обладателя золотой олимпийской медали в забеге на 3000 метров и серебряной в забеге на 1500 метров 1912 года **Абеля Кивиата** (1892 – 1991, Нью-Йорк).

24 ИЮНЯ

150 лет со дня рождения одного из организаторов и лидеров австрийской социал-демократической партии, издателя и главного редактора «Арбайтер цайтунг» – центрального органа партии, автора проекта первой программы партии, участника разработки программы культурно-национальной автономии, министра иностранных дел Австрии **Виктора Адлера** (1852, Прага – 1918, Вена).

26 ИЮНЯ

75 лет со дня рождения режиссера, художественного руководителя объединения «Экран» ЦТ, постановщика фильмов «Женя, Женичка и “катюша”», «Белое солнце пустыни», «Звезда пленительного счастья», «Лес», «Расстанемся, пока хорошие», «Несут меня кони» и др., лауреата Государственной премии России

Владимира Яковлевича Мотыля (р. 1927, Лепель Полоцкого окр.).

115 лет со дня рождения электротехника, члена-корреспондента АН СССР, профессора МВТУ, автора трудов по применению математических методов в электро-, тепло- и радиотехнике **Яна Николаевича Шпильрейна** (1887, Ростов-на-Дону – 1938, расстрелян на спецобъекте НКВД «Коммунарка», Московская обл.).

27 ИЮНЯ

90 лет со дня рождения физика-теоретика, академика РАН, профессора Горьковского университета и МИФИ, исследователя распространения радиоволн, автора трудов по акустике, физике атомного ядра, элементарных частиц, космических лучей, философии науки, лауреата Государственной премии СССР **Евгения Львовича Фейнберга** (р. 1912, Баку).

ИЗ НАШЕЙ ИЮНЬСКОЙ ПОЧТЫ

Уважаемый господин редактор!

С удовольствием познакомился с вашим журналом. Он мне интересен и близок по духу, хотя человек я старый и не религиозный. Хочу поделиться некоторыми впечатлениями от январского номера, и не судите меня за это строго.

Во-первых, прошу передать благодарность Марлену Кораллову за статью «Из предисловия к затерянному сборнику», к которой, по-моему, «ни прибавить ни убавить».

Теперь о статье Д. Маркиша «Национальная идея».

Д. Маркиш – талантливый журналист и писатель, склонный к иронии. Но его «идею» с большими буквами я не понял: это — шутка?

Как пишет автор о «золотых мозгах», они – в избытке. А на мой взгляд, «золотых мозгов» в избытке быть не может. Чем больше их, тем лучше. К тому же скромность полезна не только каждому отдельному человеку, но и народу.

Мне близка и понятна душевная боль автора и по поводу геноцида во вторую мировую войну, и по поводу всей многострадальной истории еврейства. Эта боль есть, будет и не исчезнет никогда. Не должна исчезнуть. Но предлагаемая «идея» неосуществима.

Правильно автор замечает: «не следует упускать из вида и реакцию коренных народов». И в то же время не следует граждан какой-либо страны делить на коренных и не коренных. Все граждане должны иметь одинаковые права, и в этом смысле все – коренные.

Итак, какая может быть реакция на «еврейскую инициативу» других народов, живущих с евреями в одних домах, работающих с ними в одних учреждениях, предприятиях?

В России миллионы людей – при двоих работающих в семье – имеют месячный доход не более 5 тысяч рублей. И вот одни из соседей – при тех же условиях – имея, к примеру, двух малолетних детей, вдруг получают дополнительный доход больше 60 тысяч рублей ежемесячно. Что же, другие с восторгом будут аплодировать и кричать: давайте, давайте, ребята?! Одни только слухи об этом могут стать отличным поводом для расистов всех мастей. Можно развивать эту тему, но стоит ли?

Автор определенно преувеличивает материальные возможности Израиля. Большая часть трудового населения имеет там месячный доход на семью не более 1,5 – 2 тысяч долларов (дай Б-г России так!). И это вовсе не значит, что они купаются в золоте. И предлагаемый дополнительный налог вряд ли встретили бы с восторгом.

Далее. Сколько ни говори об аппарате справедливого распределения, не избежать увеличения количества соблазненных возможностью присвоения не ими

заработанных денег. Самый дорогой рубль – это честно заработанный рубль. Что касается «фона интерьера», то и евреям, и Израилю, и миру предстоит еще долгий и трудный путь к лучшему. Но в это лучшее надо верить и трудиться во имя него. Чудес не бывает.

Теперь о другом. В этом же, январском, номере есть ответ Натальи Солженицыной Д. Маркишу на его выступление в журнале по поводу книги «200 лет вместе». К сожалению, не имел возможности прочитать эту книгу. Но почему весь ответ сведен к тому, был Богров крещен или нет? Какая разница для нас сейчас, какой мерзавец убил Столыпина? Крещеный или некрещеный? 70 лет нам твердили, что Столыпин был реакционер, о столыпинских галстуках и т.п. Деникин в своих воспоминаниях пишет, что царь не очень-то расстроился, узнав о гибели Столыпина.

Какая разница, кто были по национальности декабристы, народовольцы, идеалисты марксисты-ленинцы, трагически заблуждавшиеся и трагически погибшие, но искренне желавшие России добра?..

Что касается призыва «искать единое понимание» – полностью согласен. Этот поиск должен быть обоюдным.

Рассказывают, по книге Солженицына получается, что во всех своих бедах евреи сами виноваты. Если это в самом деле так, то я с заслуженно уважаемым Солженицыным не согласен. Это ошибка. Это так же неверно, как и винить русский народ во всех его бедах, – у русского народа тоже по-своему трудная историческая судьба.

Ī . Çàááèèíñèé, Ī àðì ù